

Александр Романов

ВОСПОМИНАНИЯ

саратов, 2017

Романов Александр

Воспоминания. – Саратов: Музыка и быт, 2017. – 200 с.
ISBN 978-5-9758-1654-2

Книга рассказывает о жизни политзаключённых в СССР в первой половине 1970-х годов. Первый вариант этого текста был опубликован в журнале «Волга» (№5-6, 1996). Документы из уголовного дела саратовской «Группы революционного коммунизма» публикуются впервые.

На обложке: В. Чудин. Портрет А.И. Романова. 1993. Собрание СГХМ имени А.Н. Радищева.

ISBN 978-5-9758-1654-2

© Романов А.И., 2017
© Музыка и быт, 2017
© Саратовский государственный
художественный музей имени А.Н. Радищева

Моим родителям – Ивану и Марии – посвящается

В 1995 году исполнилось двадцать лет с того дня, как я вышел за ворота 19-й политзоны. От моего рождения до ареста тоже прошло двадцать лет. Между этими двадцатилетиями – шесть лет неволи, и она, хотя бы математически, оказывается центральным событием моей жизни.

О плодах срединного опыта – эти страницы.

Воспоминания о лагерях начала 70-х носили разрозненный характер, рубрика «Сообщения из тюрем и лагерей» в «Хронике текущих событий» была заведомо фрагментарной. Власти стремились всеми силами прекратить распространение информации о существовавших в стране подпольных группах. С другой стороны, была затруднена возможность сбора обобщённой информации, да и не так много людей проявляли специфический интерес к этой области. Вплоть до выхода в 1984 году в Америке книги Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР» я не знаю ни одной попытки дать широкое полотно диссидентского движения. Ранее все публикации касались отдельных его аспектов, либо описывали индивидуальный путь автора.

Да и сейчас работа над систематизацией материала крайне сложна – до сих пор нет реального доступа ко многим архивам, мы не имеем русского издания «Хроники» и «Вестей из СССР», книга Алексеевой писалась в то время, когда многие имена нельзя было назвать из опасения повредить людям; работа по изданию текстов приговоров, предпринятая Подрабинеками и Асей Лащивер, только началась, насколько мне известно, вышло 9 выпусков «Приговоров по политическим процессам 50 – 80-х годов», хотя даже из книги Л. Алексеевой можно сделать вывод, что количество таких текстов достигает нескольких тысяч.

Я придаю особое значение своему повествованию, потому что люди, с которыми я находился в заключении, не ставили перед собой сознательной задачи создания предварительной истории современного ГУЛАГа. Я же могу описать период, ограниченный первой половиной 1970-х годов.

I

Я родился в Саратове осенью 1948-го. К тому времени моему отцу Ивану Ивановичу исполнилось 34 года. Рано потеряв родителей, крестьян Петровского уезда Саратовской губернии, он прошёл через Халхин-Гол и Вторую мировую, обучился на шофёра. После войны женился на Марии Андрияновне, работнице саратовской швейной фабрики. Её родители – из сердобских крестьян.

Меня всегда интересовала история. В 15 лет я путешествовал с отцом по Волге на теплоходе и в каждом городе непременно старался побывать в краеведческом музее. Долгое время я варился в собственном соку, общаясь большей частью с книгами. Перемены начались летом 1964-го: в туристическом лагере на реке Медведице я видел своих ровесников, споривших о литературе и ядерной физике, и это казалось новым и интересным. Вскоре я познакомился с группой юных астрономов, занимавшихся при планетарии – «кружком Предтеченского». Один из них – Пётр Черкасов – организовал на историческом факультете университета школу юных историков, которую я стал посещать. Мы собирались в одной из аудиторий и готовили самостоятельные доклады. В туристическом лагере я познакомился с Сергеем Константиновым, он занимался в астрономическом кружке и тоже собирался поступать на исторический факультет. Мы стали ходить друг к другу в гости, обмениваться книгами и вместе готовиться к экзаменам.

К тому времени я пришёл к выводу, что в исторической науке трактовка фактов может меняться на прямо противоположную, и это зависит не от научных открытий, а от изменений политической конъюнктуры. Даже в художественных произведениях в журнальном варианте можно было прочесть один текст, а в книжном другой, искажённый. Для меня не было секретом, что в стране существует цензура, изымаются книги, что есть имена, находящиеся под запретом. В библиотеке швейной фабрики я однажды увидел письмо из «Комитета по охране военных и государственных тайн в печати» с предписанием изъять книгу какого-то молдавского автора. Возможно, он подвергался критике, его посадили или он перебежал за границу, – эти обстоятельства не были мне известны, просто изымали книгу, много лет пролежавшую во всех библиотеках страны, и сейчас объявленную военной и государственной тайной.

Отсутствие гласности, как сейчас принято выражаться, действовало удручающе. Ещё в детстве от одних своих сверстников я мог слышать, что Сталин хороший, что он много сделал для страны, другие ругали его, и этот разноречивый заставлял задуматься и разобраться.

В школьные годы мне попала книга, изданная в конце 1940-х, где говорилось, что Троцкий в Мексике убил его сообщник, хотя каким образом Троцкий в конце жизни оказался в Мексике и чем он там занимался, – на эти вопросы я ответов не находил. Ложь, дезинформация, цензурные искажения имели многоуровневый характер. Помню, как я был удивлён, обнаружив в поздних изданиях поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» строчку, где упоминался Троцкий. Рифма к «флотский» повисла в воздухе. К тому времени стали появляться обзорные передачи по западным радиостанциям, в которых отдельные

моменты советской истории раскрывались совсем не так, как мы привыкли слышать от учителей и читать в книгах. Уже после поступления в университет я как-то встретил однокашника, и наш разговор зашёл о выселении немцев Поволжья. Я негодовал, что ничего толком не известно и предположил, что молчат об этом неспроста. Мой товарищ стал утверждать, что они помогли Гитлеру. «Каким образом? – спрашивал я. – Ведь должны быть опубликованы какие-нибудь данные. И потом – дети, женщины, старики». Обычно мне отвечали: раз эти люди сотрудничали с врагом, с ними нужно было расправляться. Такой подход меня не устраивал, я видел, что врагами объявляли и людей, стоявших у истоков создания этого государства. Рыцари без страха и упрёка внезапно исчезали, их расстреливали, и в реальность возводимых на них обвинений было трудно поверить.

Значимая неопределённость касалась и современных событий. Я помню журнал «Огонёк» середины 1950-х годов с описанием событий в Венгрии – там вообще ничего нельзя было понять, кроме того, что одни люди убивают других, что какие-то мятежники устроили восстание против самого лучшего в мире строя. Доходили до нас слухи и о восстании в Новочеркасске.

Такая двойственность – когда всё колеблется, отклоняется вместе с линией партии – беспокоила, иногда возмущала. Мои сверстники не обращали на это внимания или находили объяснения, связанные со сложностью международной обстановки: несмотря на то, что мы живём в самой лучшей из систем, мы вынуждены, пока ещё не все на планете дошли до нашего уровня, обороняться от врагов и иметь тайны и секреты. Но равнодушие окружающих лишь укрепляло в желании знать, что же всё-таки происходило на самом деле.

Для историка недоверие режима было особенно оскорбительным. Сколько трудов мне стоило раздобыть стенограмму XIV партсъезда! Я считал, что раз партия всегда права, как нас уверяли, то все документы должны быть доступны, а если кто и ошибался, то этих людей могли бы поправить вполне открыто и доказать им, что они заблуждались.

Фигуры умолчания официальной пропаганды спровоцировали меня на поиск информации. Вряд ли мой случай можно считать сбоем в отлаженной системе – идеологическая обработка учитывала объективные факторы. Ведь в школе чуть ли не 100% учеников были комсомольцами, хотя большинство воспринимало пребывание в этой организации как формальность, которая ни к чему не обязывает, кроме уплаты символических членских взносов. Возникло впечатление, что все договорились играть в такую игру – делаем вид, что есть передовой авангард советской молодёжи, хотя вне школы никто никогда о комсомоле не говорил, эта тема была вне круга обыденных интересов. Этикет сам по себе, жизнь сама по себе.

Если окружающие принимали правила игры постольку, поскольку это не мешало интересоваться чем-то другим – спортом, работой, танцами, для меня информация общественного характера была в иерархии ценностей первозначимой. После выхода из лагеря я познакомился с девушкой, которая, когда нас арестовали, училась на историческом факультете. Я поинтересовался, что ей известно о нашей группе. «Ничего, – ответила она, – в то время я была занята личными делами». Меня это несколько удивило, но позже я начал понимать, что заидеологизированность – от которой и до сих пор с трудом приходится избав-

ляться – была свойственна определенному кругу молодежи, стремившейся к информации об общественной жизни. И чем больше информации она получала, тем больше убеждалась в расхождении официальной пропаганды с реальной действительностью.

* * *

Провинциальная жизнь резко отличалась от столичной – и уровнем информированности, и отсутствием таких слоев оппозиции, как в Москве, но веяния времени чувствовались и в Саратове.

В 1965 году меня увлекала поэзия Вознесенского, в 1966-1967 началась магнитофонная эпоха, все слушали Высоцкого, Кима, Галича, Визбора, Кукина, Клячкина, Окуджаву.

В 1968 году в газете «Советская Россия» появилась погромная статья о Высоцком, подписанная саратовскими авторами, где говорилось, что он «поёт с чужого голоса». Человек, позже проходивший по нашему делу свидетелем, рассказывал, что его знакомый, завербованный КГБ, записывал фамилии студентов, которые слушают Высоцкого. Затея была абсурдной даже по тем временам – песни Высоцкого звучали в кинофильмах «Хозяин тайги» и «Вертикаль» и, видимо, органы хотели оценить рвение молодого внештатника или взять на учёт тех, кто пытался вычленил из творчества Высоцкого социальное направление и соответственно его комментировать.

Большое впечатление производили записи Галича. Мой друг Георгий Фёдоров взял эпиграфом к статье «Пропаганда и психология» его строки, которые хорошо характеризуют наше восприятие той действительности:

*Что ни день – фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.*

Постепенно шло освоение «эзопова языка». Не случайно было и массовое увлечение фантастикой, где широко применялось иносказание. Ещё в школе я читал «Понедельник начинается в субботу» Стругацких, перед арестом – их «Обитаемый остров» и «Час быка» Ефремова, и находил там модели, созвучные теоретическим построениям нашей группы.

Эта литература и воспитывала нас, и росла вместе с нами, остро чувствовалась и обратная связь между общественным сознанием и нашими разработками; можно было предположить, что общество развивается вместе с идеями, которые мы пытаемся сформулировать.

Общественный климат понемногу менялся, это чувствовалось во всём – и в чешских фильмах, и в авторской песне. Казалась значимой, например, характеристика «социальный паразит», данная одному из песенных персонажей. Говорили, что эту песню сочинил студент одного из саратовских вузов Владимир Ланцберг. В песню попал и чешский фильм «Старики на уборке хмеля» в таком контексте: бедный студент отказывается от брака с дочкой председателя советской элиты и идёт в кино со своей подружкой:

*Посмотрим «Стариков на уборке хлеба»,
Одну эскимошку на пару разделим.*

Был и фильм «Школа грешников», тоже чешский, о попытке экспериментов в детской колонии, довольно остро, по тем временам, затрагивавший социальную проблематику.

Чтение Солженицына прошло как-то мимо меня. Ни мои родственники, ни друзья не были затронуты репрессиями, а те, кого они коснулись, не распространялись об этом. До ареста мне ни разу не попался человек, который сказал бы, что прошёл такой же путь, как герой «Одного дня Ивана Денисовича». Искалеченные судьбы воспринимались как исключение и представить себе, что это типический образ, было трудно. Хотя, как оказалось, я жил в одном доме с человеком, осуждённым в 1937 году за антисоветскую пропаганду на 5 лет и выпущенным через 2 года, когда к власти в госбезопасности пришёл Берия. Но ни он, ни его родственники, конечно, ничего не рассказывали, и я узнал об этом много лет спустя после его смерти. Да и миф о том, что основной удар системы был нанесён в 1937 году по людям, которые начинали революцию, мог быть развеян только в лагере. До ареста я не мог, разумеется, встретить и живого бандеровца.

Более полное представление о функционирующем в стране самиздате, о литературной и культурной ситуации я получил в лагере, и, думаю, не попади я туда, период узнавания растянулся бы надолго – вернувшись из заключения, я с удивлением обнаружил, что многие люди, с которыми мы начинали создавать кружки, остались на том же уровне, мыслят теми же стереотипами, не знают литераторов и историков, чьи имена можно было отследить по передачам западных радиостанций, но для этого надо было регулярно их слушать. Есть парадокс в том, что расширение кругозора зависело от попадания в место, которое, казалось бы, менее всего этому способствует. Димитрий Панин в своих мемуарах отмечал, что в подобных зонах происходил своего рода отбор и люди оказывались там не случайно. Эта ситуация была верна для 1940-х годов, и тем более для 1960-х, когда сажали людей, которые пытались как минимум высказаться против официальной идеологии, не говоря уже о попытках создания какой-либо группы.

* * *

Элементы оппозиционности присутствовали в моём мировосприятии уже на первом курсе. Во многом это было связано с тяжелой экономической ситуацией, свежа была и память о трудностях 1963 года, которые пытались объяснить ошибками Хрущёва. После очередей за хлебом все лозунги об экономическом процветании воспринимались как насмешка.

Весьма существенным был и такой момент: страны, которые, казалось бы, должны даже при временном несогласии с курсом советского руководства «снова найти с ним общий язык», всё больше и больше вступали с нашим государством в конфронтацию. Я имею в виду Югославию, Китай и Албанию, которая в начале 1960-х годов порвала отношения с Советским Союзом и не возобновляла их. Существовало различное понимание коммунизма, и нам хотелось понять,

что же называют разногласиями между Китаем и СССР. Тогда выпускалась куча брошюр на эту тему, но ясности они не вносили – китайское и советское руководство переговаривались между собой на каком-то условном языке, в чём-то убеждали друг друга, а понять суть разногласий было крайне затруднительно. Они обменивались взаимными обвинениями, за которыми для моего сознания – школьника, студента 1 курса, ещё ничего не стояло. А югославы оказывались то коммунистами, то фашистами, то ревизионистами, никакими доводами это не подтверждалось, никаких изменений в стране не происходило, как был маршал Тито, так и оставался: режим один и тот же, а отношение к нему разное. В сборнике статей, обличающих югославскую компартию, я обратил внимание на то, что и югославская и китайская компартии обвиняют советское руководство в бюрократизме.

Феномен бюрократизма – это было новое слово в нашем лексиконе. Я и мои друзья стали задумываться над тем, что же это такое. Появлялись публикации в «Новом мире», такие, как «Бюрократия XX века» Гнедина, – там говорилось об общем феномене бюрократизации, но мы, конечно, воспринимали это как эзопов язык, описывающий ситуацию в Советском Союзе. В новоязской статье Евгения Плимака «Радищев и Робеспьер» и затем в совместной его с Карякиным книге о Радищеве «Тайная мысль обретает свободу» со ссылкой на Ленина обосновывалось положение о том, что во всякой революции существует определённая закономерность: сначала революция старается выполнить большие задачи, чем способна, а потом, постепенно, поскольку она заходит слишком далеко вперёд, скатывается назад, но не на начальную, а на одну из промежуточных ступеней. Читателям оставалось лишь логически развить этот тезис.

В нашем сознании прочно укоренился миф о том, что до 1917 года существовала страна с тёмным и забытым населением, среди которого нашлись люди, болеющие за народ, создавшие партию и сумевшие свергнуть плохое правительство. Этот миф у нас настолько укоренился, что причину неудачи революции мы видели в перерождении системы. Отсюда напрашивался вывод: можно возобновить деятельность в том же направлении, и она будет, конечно, более успешной, потому что сейчас население гораздо более восприимчиво к тому, чтобы осознать истинность своего положения. Получалось, что раз наша революция, поставив перед собой задачу построения идеального общества, не сумела с ней справиться и откатилась немного назад, то нужно преодолеть оставшуюся ступень и тогда мы войдём в идеальный мир.

Основной момент, вокруг которого вращались все наши мысли, заключался в том, что социализм и всё с ним связанное оценивалось аксиоматически положительно, а история России до 1917 года и то, что происходило потом в других странах, воспринималось негативно, казалось чем-то незаконченным.

Идея социализма, принимаемая как нечто само собой разумеющееся, излишняя степень доверчивости, была связана с тем, что в каждой семье существует своя аура: если родители относятся с недоверием к системе, то стараются как-то передать это детям, и в общении со сверстниками те уже осторожнее затрагивают определённые темы. Особо заметно это у людей из репрессированных семей и этнических меньшинств, во время последнего семидесятилетия понёсших жестокие ураны. В семьях, благополучие которых строилось на привилегиях, обусловленных принадлежностью к элите, существовал другой этикет:

детей воспитывали, внушая им, что если ты будешь следовать определённым правилам, то будешь хорошо жить, а значит, не надо задумываться и сомневаться. А я и мои товарищи принадлежали к третьему разряду: наши родители были индифферентны к политике и не имели опыта преследования со стороны системы. Мы были предоставлены сами себе, да и мои родители, и родители моих сверстников, как я сейчас понимаю, не имели времени как-то передавать свой жизненный опыт детям в силу того, что они были заняты работой, так что нас, что называется, воспитывала среда. Воспитывала ещё и так: в школе учителя говорят механически то, что требуется по учебнику, потом попадают книги 20 – 30-х годов, а они, в свою очередь, отличаются от книг 50 – 60-х годов, в каждой из них всё происходит по-разному. И поэтому приходится предпринимать самостоятельные поиски.

В школе у нас не было учителей, которые выходили бы за рамки учебника и располагали к себе настолько, что можно было разговаривать с ними о прочитанных книгах. Университетские преподаватели постоянно подчёркивали, что есть генеральная линия и новейшие указания руководителей партии, от которых не следует отклоняться и которые следует принимать как должное. На лекциях нам открыто заявляли, что есть такая точка зрения, которая обсуждению не подлежит. А обсуждать хотелось.

Атмосфера Саратовского университета к этому не очень располагала. У всех был на памяти случай с одним из преподавателей исторического факультета в конце 1950-х. Во время лекции был задан вопрос: что явилось причиной венгерских событий осени 1956 года – ошибки правительства или влияние западных средств массовой информации? Преподаватель ответил, что наиболее естественно учитывать причины внутреннего порядка. Студент возразил, что в одной из своих последних речей Хрущёв определённо винил во всём Запад. Не всем нужно верить, что говорит Хрущёв, – парировал лектор. Из лаборантской, отделённой шкафчиками от лекционной аудитории, появился его старший коллега, ныне уже покойный. Он немедленно заявил, что сообщит в деканат об этих возмутительных высказываниях. Неосторожного лектора тут же уволили.

Со школьных лет мы знали о процессе Даниэля и Синявского, о том, что писатель Тарсис объявлен сумасшедшим. Всё это дополняло картину царившей в обществе атмосферы нетерпимости по отношению к инакомыслию и стремления пресечь всякое свободное высказывание собственных мнений.

Когда мы активно занимались размножением своих статей и знакомили с ними сокурсников, произошла ещё одна история. Студент истфака Лучко жил в общежитии, вёл дневник, где, возможно, записывал какие-то крамольные мысли. В один прекрасный день в общежитие пришли с обыском, Лучко был исключён из университета, а в КГБ стали вызывать студенток, живших в общежитии, пытаясь выяснить, когда и с кем он встречался и о чём вёл разговоры. После покаяния у ректора его восстановили, но в течение всей последующей учёбы и работы по специальности Лучко чувствовал неусыпное внимание властей. Время от времени ему давали понять, что в любой момент можно припомнить эту старую историю.

Первый курс я проучился без особых приключений. В апреле 1967 года я дал почитать Константинову книгу «Ревизионизм – главная опасность» – сборник статей, направленных против курса югославской компартии. Книга вышла в конце 1950-х годов, но для студента, впервые знакомящегося с различными сторонами советской истории, это был ещё свежий материал. Когда я проходил в читальный зал университетской библиотеки, то увидел на лестничной площадке Константинова с каким-то молодым человеком и услышал, как Сергей говорит ему: «Вот владелец этой книги». Потом Сергей рассказал, что познакомился со студентом юридического института по имени Олег и что тот хочет встретиться со студентами других вузов, которых интересуют общественные проблемы. В тот же вечер дома у Константинова я увидел этого человека – высокий, широкоплечий и русоволосый, с голубыми глазами, в очках, он производил солидное впечатление (позже я узнал, что он всего на год старше меня, впрочем, и я выглядел моложе своих 19). Олег сразу же начал излагать концепцию, суть которой сводилась к тому, что в Советском Союзе существует не социализм, а государственный капитализм, при котором правящим классом является класс бюрократии, а остальное население ему подчинено и соответствует эксплуатируемому классу. Это было и ново, и оформляло смутные догадки, что не всё в нашем королевстве ладно. Когда мы стали обсуждать выход из этого положения, он сказал, что в принципе социал-демократы конца XIX – начала XX века шли по верному пути, просто тогдашнее общество ещё не созрело для перехода на более высокую общественную ступень, для новых производственных и человеческих отношений, и революция была неудачной попыткой построить совершенную систему. Поэтому нужно создавать подпольные кружки, – поскольку правящий класс не потерпит распространения любой информации, подрывающей его монополию, – кружки постепенно объединятся в партию, которую, естественно, поддержит большинство населения, так как оно заинтересовано в смене режима, и произойдёт социалистическая революция. Вопрос о том, как она будет происходить, мы, конечно, не обсуждали, это должно было зависеть от конкретных условий, но то, что сейчас нужно создавать пропагандистские кружки, в тот вечер сомнений не вызывало.

Для того, чтобы успешнее вести работу, нужно было обладать серьёзным теоретическим багажом. Олег посоветовал мне летом прочитать и законспектировать работы Ленина 1895 – 1905 годов, относящиеся к периоду создания Союза борьбы за освобождение рабочего класса; написанные в тюрьме и ссылке, они носили прикладной характер и содержали рекомендации по созданию кружков.

Это был нетрадиционный подход к изучению ленинского наследия – использовать его как подсобный материал для практической работы по подготовке создания партии – ведь самостоятельное чтение Ленина не предполагалось, в методических пособиях содержались указания на отдельные работы или главы, которые нужно проработать по конкретной теме. Во время каникул я конспектировал первые тома Ленина в читальном зале библиотеки; в археологическую экспедицию взял с собой целую сумку книг по политэкономии, пытался читать,

но было много и других занятий: мы жили в палатках, днём раскапывали курганы, а вечером отдыхали, и я, от силы, лишь перелистал их.

Более поздняя работа Ленина, которую мы так же считали программной, «Государство и революция», продавалась во всех магазинах, где были отделы политической литературы. Подробно в вузах она не изучалась, и в беседах со знакомыми мне каждый раз приходилось пересказывать её содержание. Обычно мне отвечали: да, планировались совсем другие формы общества, но мы были вынуждены пока строить именно такую систему, потому что находимся во враждебном окружении.

Меня, конечно, очень интересовало, кто этот Олег и какова его биография – он старался об этом не распространяться. Позже я узнал, что его фамилия Сенин, он рассказал, что приехал из Рязанской области, что его отец директор совхоза и что в Рязани есть группа, которая занимается вопросами подпольной пропагандистской деятельности. В подробности о составе группы и её участниках он не вдавался.

В сентябре 1967 года произошло событие, которое логически продолжило тему нашего знакомства. Когда начались занятия на II курсе, Сенин как-то предложил мне после лекции встретиться со студентами юридического института, которые систематически занимаются изучением общественных проблем в СССР и являются как бы уже сформировавшимся нелегальным кружком. Мы приехали на квартиру Валентина Кирикова, там присутствовали Виктор Бобров, Юрий Ионов, Виталий Клопичев. Встреча подействовала на меня вдохновляюще. Если до этого я видел только Сенина, который косвенно давал понять, что существуют ещё какие-то группы, то, разговаривая с этими людьми, я убедился, что у нас есть единомышленники – все они также думали, что в стране существует антагонизм между небольшим правящим слоем и большинством населения и что положение надо исправить в пользу большинства. Мне стало казаться, что у нас действительно есть шанс – студенты родственного гуманитарного вуза должны будут занять место в судебных органах и органах внутренних дел, и от них будет зависеть исполнение законов и юридическая власть в стране.

Мы стали встречаться раз в неделю в сквере напротив городской библиотеки, – стоял тёплый сентябрь. Вскоре оказалось, что личностные отношения в кружке не столь безоблачны и идилличны. Несмотря на согласие по общим вопросам, даже на такой объединяющий фактор, как риск, я не видел атмосферы солидарности и делового сотрудничества. Были разговоры о каких-то мелочах, которые я считал несущественными. Скажем, Сенин мог опоздать на встречу, но если опаздывал кто-то другой, он начинал выражать недовольство, что, в свою очередь, вызывало возмущение у опоздавшего, и так далее.

Осенью того же года произошло событие, которое повлияло на наше отношение к Сенину. Хотя у нас не ставился вопрос о руководителе группы, он был фактическим лидером: Сенину принадлежала инициатива создания группы и идейное её обоснование; он также представлял каких-то неведомых нам людей в Рязани. Мы обращались к нему, как к старшему по статусу, не по возрасту – Ионов и Кириков были на 5 лет старше Сенина, прошли армию, Кириков учился в офицерском училище, и в определённом смысле их жизненный опыт был богаче. Сенину же принадлежала инициатива и первенство в идеях. И случилось вот что: Сенин привёз из Рязани общую тетрадь с произведением программно

характера, которое предназначалось для нашего, начинающего формироваться, движения. Сенин дал её почитать декану юридического института, с которым был чуть ли не в дружеских отношениях, декан передал рукопись ректору, а ректор передал её в КГБ. Сенина вызвали в госбезопасность и предложили рассказать о происхождении этой тетради. Он написал объяснение, что получил рукопись от незнакомого человека в поезде: узнав, что Сенин студент юридического института, тот посоветовал её прочесть и подумать о содержании. В КГБ показаниями Сенина вроде бы удовлетворились.

Мы возмутились, что он не познакомил с программой в первую очередь нас, ведь мы рассчитывали получить более развёрнутое представление о той сумме взглядов, которые, с одной стороны, были для нас новыми, с другой – отвечали нашим внутренним устремлениям и должны были оформить то, что существовало в нашем сознании не систематично. И вот мы узнаём, что рукопись пропала и неизвестно, сумеем ли мы ещё когда-нибудь с ней познакомиться. Общение с Сениным разочаровало нас окончательно; я, Кириков и Ионов объявили ему, что прекращаем всякого рода подпольную деятельность.

Появилась идея создать свой независимый кружок, и 13 октября – тогда я придавал большое значение датам, считая, что история новой партии будет когда-нибудь изучаться – у меня на квартире собрались студенты юридического института Кириков и Ионов, студент медицинского института, мой приятель Георгий Фёдоров и выпускник физического факультета Дмитрий Куликов, мой сосед по дому. Впятером мы договорились, что каждый из нас будет стремиться создать кружок по месту своей учёбы или работы. Куликов трудился в конструкторском бюро сейсмического приборостроения, общался с инженерами и мог найти среди них единомышленников; двое были студентами-юристами, и мы решили, что Ионов войдёт в кружок, которым будет руководить Кириков, они будут искать людей в своём институте; Фёдоров займётся этим в медицинском институте, а я в университете. Получилось: три вуза и будущий кружок инженеров.

Я предложил своему однокласснику Михаилу Фокееву, студенту-биологу, примкнуть к нашей группе, но он не был склонен к пропагандистской деятельности и предложил свои услуги в размножении материалов и хранении архива. Таким образом, мы стали собираться вчетвером: Кириков, Куликов, Фёдоров и я.

* * *

Вообще мы считали, что основным контингентом в СССР, который должен с энтузиазмом воспринять наши идеи, являются рабочие. Хотя среди наших знакомых было не так много рабочих, мы считали верной теоретическую установку, что именно они нас поймут и поддержат – ведь рабочие составляют большинство населения СССР и они заинтересованы в создании нового общества, которое уже тогда нами мыслилось как система рабочего самоуправления: все предприятия должны принадлежать коллективам производственной сферы и иметь между собой не вертикальные отношения, как в советских структурах, а горизонтальные, то есть быть равноправными партнёрами по обмену товарами. Уже тогда мы прочитали у Маркса, что в социалистическом обществе не должно

быть денег и все будут получать сначала по труду, а потом по потребностям всё, что производит население сначала этой страны, а потом, видимо, всей планеты.

После того, как группа сформировалась, зашла речь о её названии. Я показывал своим друзьям брошюру саратовской партии революционных коммунистов – группировки, отколовшейся от левых эсеров и пытавшейся стать самостоятельной организацией. Мы не разделяли эсеровские установки, придерживаясь социал-демократических взглядов, но сочетание слов нам понравилось. Сначала обсуждалось название «Группа революционного марксизма», но, как нам казалось, в нём присутствовала тавтология – ведь марксизм по сути своей революционен. С другой стороны, мы знали, что коммунистические концепции возникли до Маркса, но с его появлением, как нас учили в школе и в вузе, коммунизм приобрёл научный, истинно революционный характер, и поскольку своей целью мы считали построение коммунистического общества, а средством – революционные преобразования, то мы остановились на названии «Группа революционного коммунизма».

Устав группы составлялся мной – на основе уставов народнических и революционных организаций второй половины XIX – начала XX века. Было сформулировано, что нашей целью является пропаганда коммунистических идей и организация кружков, на базе которых будет создана партия. Дальнейший ход событий мы не планировали, предполагалось, что стратегия и тактика будут зависеть от исторической обстановки.

Мы старались включить в сферу своих разработок всю доступную литературу, в том числе периодику. Сферы обзора были поделены таким образом: Куликов читал «Советский спорт», и хотя сообщения общественно-политического характера в этом издании были сведены к минимуму, из него можно было получить представление о том, как спорт включён в социальную советскую систему; я регулярно читал журналы «Вопросы истории», «Мировая экономика и международные отношения», «Вопросы философии»; Кириков – литературу по юриспруденции; Фёдоров – по медицине, причём он рассказывал, что ему попадались в учебниках начала 50-х годов сведения о том, что в СССР официально разрешалось проведение опытов над людьми, приговорёнными к смертной казни. Мы контролировали текущую периодику, справедливо полагая, что правдивая информация будет просачиваться на её страницы, и старались найти факты, которые подтверждали нашу концепцию: реальность явно не соответствует провозглашаемому лозунгам.

Весной 1969 года Кириков обратил моё внимание на публикуемый в советских газетах «Исправительно-трудовой кодекс РСФСР», который впервые был принят в качестве законодательного документа. До этого вся жизнь так называемых исправительно-трудовых учреждений подчинялась административным актам министерства внутренних дел; получалось, что жизнь заключённых регламентировалась не законодательными актами, а исполнительной властью, которая по каждому поводу принимала постановление. Показав мне эту публикацию, Кириков пошутил, что мы, скорее всего, и будем жить по этому кодексу...

Естественно, что попытки описать истинное положение дел мы пытались найти и в книгах по истории. Особый интерес вызывали стенограммы дискуссий партсъездов и конференций Коминтерна; эти тексты были очень редки. На-

пример, стенограмма XIV съезда ВКП(б) 1925 года содержала, помимо парадного отчётного доклада от имени ЦК, содоклад оппозиции, в котором Зиновьев обращал внимание на различные теневые стороны советской жизни, в том числе на рост бюрократизма, усиление государственно-капиталистических тенденций и формирование нового класса. Позже эту идею пытался развивать Троцкий, но он не мог идти до конца, чувствуя ответственность за становление системы, которая, в конечном итоге, его и погубила. Идею нового класса сформулировал, как известно, Джилас, поплатившийся за это многими годами лишения свободы. В дискуссиях 1920-х годов мы пытались найти единомышленников, и любопытно то, что «правая оппозиция» вызывала нашу симпатию – предложения Бухарина остановить коллективизацию и действовать сугубо экономическими методами. Получалось, что мы сочувствовали как левым, так и правым, но не сталинскому центру.

С тех же позиций рассматривались и современные события. Мы стремились внимательно изучать публикации о процессе над Гинзбургом, Галансковым, Добровольским и Лашковой; поскольку информации из «Известий» и «Комсомольской правды» не хватало, мы прибегали к «Morning Star», где сообщения были более подробными и менее пристрастными. Даниэль и Синявский воспринимались как либералы, которые не занимаются глубокой критикой системы, а стремятся к расширению свободы слова. Работа Сахарова «О прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» стала нам известна практически сразу после её опубликования на Западе, правда, в переводе с английского, сделанного с записи радиопередачи – русские службы западного радио прослушивались с трудом. Не находя в ней привычного обличения бюрократии, мы считали её выражением точки зрения либеральной интеллигенции. Призывать в рамках режима к его улучшению и смягчению крайностей казалось нам малоэффективным, а «сохранять фундамент, на котором вырос социализм – демократические свободы» – сугубо буржуазным проявлением. К сожалению, наше мировосприятие не позволяло осознать всю глубину и радикальность сахаровских идей.

Мы жили ощущением, что дни этого строя сочтены. В статье Сахарова говорилось о многих тысячах политзаключённых Дубровлага – что ж, после нашего ареста их станет чуть больше. Всё равно так больше продолжаться не может, экономика и идеология находятся в таком тупике, что люди вот-вот осознают: узурпировавший власть режим, как три толстяка в сказке Олеши, не страшен и не опасен и лишь по традиции держит всё население в страхе и покорности. Перелом в середине 1950-х, когда закрывались сотни лагерей, тысячи работников репрессивного аппарата оставались без работы, а тысячи реабилитированных должны были найти своё место в обществе, остался далеко позади, это уже история и революционный момент упущен, нынешний режим обречён, а впереди маячат сказочные преобразования обновлённого общества. Романтизм сочетался с жертвенностью, казалось, что грядущая свобода принесёт людям счастье, что главное – это решить социальные проблемы, а всё остальное приложится. Даже идеи Сахарова настраивали на планетарное восприятие, мы считали, что речь идёт о переходе человечества в новое состояние: полностью автоматизированное производство позволит человеку обратиться к своему предназначению – развивать творческие способности.

Такое утопически-романтическое мировоззрение, сдобренное литературой типа «Железной пяты» Лондона, позволяло предполагать, что ответные действия агонизирующего режима будут жестокими, и заставляло тщательнее соблюдать конспирацию.

Мы старались не посвящать друг друга в подробности личной жизни и избегать деталей, связанных с нашей биографией. Как правило, встречи происходили в парках, скверах и за городом, реже – у меня на квартире. В приговоре по нашему делу это будет выглядеть так: «еженедельно проводили нелегальные сборища в сквере».

* * *

Уже в начале следующего года произошло событие, которого мы так долго ждали. Из Рязани, каким-то образом через Сенина, к нам поступила рукопись – фотокопия текста, написанного чертёжным шрифтом, объёмом примерно 80 страниц, под названием «Закат капитала», автором значился Л. Борин.

Эта работа до сих пор не опубликована, хотя представляет несомненный исторический интерес. Не так давно я безуспешно пытался вернуть свой экземпляр: из КГБ мне отвечали, что материалы дела находятся в областном суде, от туда отсылали в районный, где в это время наш судья судился с местной газетой, и так далее. Учитывая отсутствие открытого доступа к этому произведению, я счёл возможным дать краткий пересказ, позволяющий реконструировать общие контуры его содержания.

Текст состоял из 6 глав. Первая называлась «Забывтая азбука марксизма, или что такое государство», в ней на примерах из работы Ленина «Государство и революция» доказывалось, что в Советском Союзе существует не социализм, а буржуазно-капиталистическое общество, поскольку в социалистическом обществе должны быть такие составные части переходного управленческого аппарата, как общенародная милиция, территориальная армия, выборный и постепенно сменяемый чиновничий аппарат, зарплата которого не может превышать зарплату среднего рабочего. Так как все условия, изложенные в «Государстве и революции», в нашем обществе явно не соблюдались, и никаких рациональных объяснений этому мы не находили ни в учебниках, ни в разговорах с окружающими, то содержание этой главы нас вполне устраивало.

Во 2 главе «Особенности развития капитализма на Востоке и Западе» очень ярко излагалась история Советской России с 1917 года до начала 1960-х, в заключение говорилось, что робкие попытки реформ, предпринятые Косыгиным в 1965 году, нисколько не меняют сути системы и они должны быть развиты более решительно самим населением в направлении самоуправления.

Третья глава называлась «Диалектика и тенденции развития экономики в Соединённых Штатах», её аргументация опиралась на книгу Терещенко – экономиста, много лет прожившего в США, – «Об управленческой системе: опыт Соединённых Штатов». В этой главе говорилось, что, поскольку экономика в США достигла достаточно высокого уровня, то она готова перейти к социалистическому способу производства, и в США существуют довольно чёткие тенденции к децентрализации экономики, в частности, приводился пример компании Форда,

который, по мере усложнения производства, децентрализовал свою фирму до такой степени, что её отдельные звенья могли конкурировать друг с другом и не представляли единого целого. И вот тут в «Закате капитала» впервые появляется идея децентрализации экономики, которая потом становится всё более и более навязчивой.

Четвёртая глава рассказывала о проблемах сельского хозяйства в Советском Союзе, в ней довольно убедительно говорилось о том, что сельское хозяйство, в отличие от промышленности, очень сильно зависит от погодных условий и попытка централизованно планировать будущий урожай экономически не выгодна, и сельское хозяйство должно развиваться децентрализованно.

Пятая глава называлась «Контуры будущего», и здесь начались расхождения участников саратовской группы с автором этой работы. Мы были людьми, настроенными более буквалистски, и, если Маркс и Ленин писали о необходимости централизации, значит, мы считали, будущее общество должно быть устроено именно так; как именно – мы детально не представляли, но само выражение «децентрализация» и утверждение, что экономика должна опираться на систему банков, которая собирает информацию о различных сферах производства и согласовывает её между собой, нам казалось описанием усовершенствованного капиталистического общества.

Содержание шестой главы «Перспективы мировой революции и международное положение» не вызывало у нас возражений. Нам показалась интересной идея о том, что мировая война в будущем невозможна именно потому, что существует ядерное оружие, которое никто не захочет применить, ибо война – это продолжение политики иными средствами, а политика самоуничтожения никому правительству, даже самому жестокому, не нужна. В то время запугивали войной, говорили, что после 1962 года мир стоит на грани ядерной катастрофы, а здесь утверждалось, что до тех пор, пока речь не идёт о планетарном самоуничтожении, войны возможны, но никакое правительство не пойдёт на ядерную войну, потому что это практически является самоубийством, в то время как задача любой власти, даже самой жестокой – расширять свою сферу влияния, пытаться как можно более эффективно эксплуатировать население, а не кончать с собой. В конце 6 главы говорилось о необходимости создания подпольных кружков, организации забастовок и демонстраций. Всё это мы считали методами возможными и, при случае, необходимыми.

Собравшись втроем – я, Кириков и Куликов – мы написали статью «О работе Борина „Закат капитала“». Через студентов юридического института – так получилось, что одна из них, Григорьева, ездила в Рязань и встречалась с представителями рязанской группы, – передали свою рецензию. Весной 1968 года мы получили ещё около 10 статей, которые освещали различные аспекты жизни советского общества и были объединены той же общей идеей – в Советском Союзе существует государственный капитализм, необходима коммунистическая революция как переход от одной общественной системы к другой, который может происходить и мирным путём. В этих текстах мне впервые встретились выражения «третий мир», «белые воротнички» и «средний класс».

Началась пражская весна, события в Чехословакии развивались по нарастающей, летом там была отменена цензура. В присланных статьях мы читали, что, скорее всего, в страну будут введены войска, но, по мнению авторов, остановить

дальнейшее движение Чехословакии по пути, как мы полагали, установления социализма, не удастся. Возможно, возникнет партизанская война.

Войска ввели, прошёл год, и никакого перманентного активного сопротивления Чехословакия не оказала.

В течение 1968 года мы, в основном, занимались размножением и распространением этих статей. В сентябре умер от гнойного воспаления аппендицита Георгий Фёдоров. Внезапно почувствовав резкую боль в правой стороне живота, он вызвал скорую, врачи сказали, что у него что-то с печенью и посоветовали приложить грелку. Через трое суток он скончался. На двадцатилетие Фёдорова Куликов, Кириков, я и именинник выбрались в августе на Волгу. В неумелых строчках, которые, кстати, мне позже инкриминировали, я пытался передать своё состояние:

*Был полдень, август у костра,
Мы что-то бурно обсуждали.
Не знали мы ещё вчера.
Всепоглощающей печали.*

*Мы вместе шли по одному пути,
И пусть нас будет скоро очень много –
Такого друга больше не найти,
А впереди нелёгкая дорога.*

Фёдоров живо откликнулся на поступившие из Рязани материалы, как бы параллельные к «Закату капитала» – послесловие к основному тексту и статью «О пропаганде», – и написал статью «Пропаганда и психология». Текст состоял из трёх частей, в первой говорилось о разделении психической деятельности человека на сознательную, подсознательную и сферу подсознания, две последних понимались как область условных и безусловных рефлексов. Отмечалось, что идеологические формулы, которые человек воспринимает в течение жизни, закрепляются в сфере условных рефлексов. Во второй части анализировалась методика нацистской и советской пропаганды: наглядная агитация и повторение официозных штампов по радио, телевидению и в газетах ведут к закреплению идеологических шаблонов в подсознании, человек воспринимает их как естественные и перестаёт замечать противоречие между ними и реальной жизнью. Третья часть была посвящена задачам революционеров, какими мы себя считали: обращать внимание людей на несоответствие между официальными лозунгами и жизнью, больше говорить о реальности, воспитывая в человеке адекватное видение мира и вытесняя закрепившиеся стереотипы описанием действительного положения вещей. Статья, как и прочие работы саратовской группы, была написана под псевдонимом; Фёдоров выбрал себе фамилию Агатов, я – Нилин, Кириков – Фомин, Куликов – Ильин.

С Сениным мы продолжали эпизодически встречаться, по-прежнему и я, и Кириков говорили, что не занимаемся никакой деятельностью, но Сенин догадывался, что это не совсем так.

Однажды из Рязани приехал некто Вадим, как он представился нам с Кириковым, – среднего роста, коренастый, с чёрным ёжиком волос, чёрной бородкой, и, как потом отмечал Кириков в показаниях, типично еврейской внешностью. Чем-то он был похож на известный портрет Свердлова. В следующую встречу, обрадованный машинописным вариантом «Заката капитала», он обмолвился, указывая на какую-то строчку: здесь я писал вот так-то. К этому времени мы приобрели пишущую машинку и перепечатали переписанный от руки «Закат капитала» в 3 экземплярах (несколько недель я занимался этим у себя в квартире – печатаю я медленно); у рязанской группы не было машинки, и они писали чертёжным шрифтом, как учат в школе на черчении, средними буквами – чтобы нельзя было определить почерк, потом переснимали и печатали на фотобумаге 9X12. Вадим взял у нас один экземпляр машинописи для пересъёмки, потом его вернули, присоединив негативы, но качество нас не устроило, и мы пытались продолжить перефотографирование, чтобы можно было с негативов постоянно печатать фотографии – тогда это было достаточно дёшево.

Лишь во время следствия я узнал, что автора «Заката капитала» и других статей зовут Юрий Вудка и что он – студент Рязанского радиотехнического института. При встрече в лагере братья Вудки отдали мне свой приговор, я внимательно ознакомился с ним и смог представить, как развивались события в рязанской группе. Поскольку все идеологические веяния шли из Рязани, мне была интересна любая деталь, которая касалась возникновения этого студенческого движения. Вкратце дело можно описать следующим образом.

Юрий Вудка родился в Павлограде Днепропетровской области в 1947 году в семье врача. Не рассчитывая получить высшее образование на Украине, он приезжает в Рязань и поступает в радиотехнический институт. Вскоре к Вудке присоединяется его младший брат Валерий – он родился в 1950 году. Братья живут то на квартире, то в общежитии, постепенно вокруг них группируется кружок единомышленников: Семён Заславский, Олег Фролов, Шимон Грилюс, Евгений Мартимонов и Евгений Владимиров. Литовский еврей Грилюс тоже приехал поступать в радиотехнический институт и жил в общежитии в одной комнате с Вудками. Естественно, они ощущали какую-то национальную солидарность, хотя в то время их общие интересы были направлены на изучение социальных процессов в СССР. На стене в комнате, однако, висел самодельный плакат:

*Нам Тора строить и жить помогает.
Талмуд как друг и зовёт и ведёт,
И в праздник кто в синагогу шагает.
Тот никогда и нигде не пропадёт.*

Если в «Закате капитала» трудно вычленишь какие-то черты национального самосознания, за исключением, может быть, упоминания об опыте коммунистических кружков, то уже из следующей серии статей, одна из которых была озаглавлена «Дероор (Трубы свободы)» и содержала эпиграф из Филона Александрийского, было видно, что автор имеет отношение к еврейской культуре.

В 1968 году весь мир был захвачен событиями в Чехословакии: снятием Новотного, появлением на политической арене Дубчека, пражской весной и её разгромом в августе. Осенью на праздновании в Москве еврейского Нового года – Рош-га-шана, Вудка, как отражено в протоколах, встречается с голландским подданным Эфраимом и передаёт ему фотоплётку с копией статьи «Правда о современности» – кратким изложением концепции предыдущих работ. Постепенно Вудка укрепляется в мысли, что целью евреев должно быть не преобразование порядка в Советском Союзе, а возвращение на историческую родину, он эволюционирует от марксизма к сионизму, чему наверняка способствовала начавшаяся разворачиваться в СССР антисемитская пропаганда: Вудка пишет полемическую рецензию на книгу Иванова «Осторожно, сионизм!» и обращение к Голде Меир, где говорится, что молодые еврейские революционеры мечтают приехать в Израиль и строить там социализм.

В это же время Вудка встречается с Солженицыным и предлагает ему ознакомиться с «Закатом капитала». Солженицын сослался на занятость, сказал, что такие концепции его не привлекают – Вудка, очевидно, тезисно изложил содержание своей работы – и посоветовал обратиться к Льву Копелеву. Вудка направился к Копелеву, который лежал в московской больнице, и вручил ему «Закат капитала». Копелев просмотрел текст и сказал Вудке, что всякого рода попытки подпольной деятельности неминуемо закончатся провалом и что легальная деятельность гораздо эффективнее. Эта встреча описана в книге Копелева и Орловой «Мы жили в Москве». Вудка не назван по фамилии, но речь идёт явно о нём (см. стр. 219–223 указанного сочинения в московском издании 1990 года).

В каком-то смысле мы тоже не нашли с Вудкой общего языка. Все рассуждения о необходимости децентрализации казались мне еретическими. Получалось, что либо Вудка не марксист, либо он ревизует учение Маркса. Моя твердолобость тоже поразила его; в материалах дела я прочёл показания Валерия Вудки о том, что Юрий был обеспокоен ростом фашистских тенденций в саратовской группе. В разговоре со мною Вудка сказал, что считает себя идеалистом. Это удивило меня ещё больше, потому что я знал, что марксист должен быть диалектическим материалистом. А когда мы говорим о литературе, выяснилось, что его любимые писатели – Бабель и Булгаков. Насчет Бабеля у меня сомнений не было, а вот Булгаков... «Ведь он боролся против революции», – недоумённо спросил я Вудку. «Да, – ответил он, – но я ценю Булгакова за тот прекрасный русский язык». С этим я не мог не согласиться, так как уже прочёл «Мастера и Маргариту», но почему хороший писатель мог быть контрреволюционером, для меня оставалось загадкой. Всё это вместе нарушало стройную картину мира, которая, казалось, очень чётко закрепились в моём сознании.

Возможность построения социализма в одной стране рассматривалась нами также в свете усиления государственно-капиталистических тенденций, когда центр заинтересован в сохранении статус кво. Вудка считал эту проблему несущественной, признавая, в принципе, возможность изолированного построения социализма, я же исхожу из взаимосвязанности мировой экономической системы и считал, что крушение империалистического блока во главе с Советским Союзом неминуемо приведёт к распаду западного блока, возглавляемого США.

В целом развитие событий предполагалось по чехословацкому варианту. У Вудки была концепция, что власть перейдёт от верхушки партийно-государственного аппарата к среднему классу, а далее, по мере децентрализации, в руки производственных коллективов. Позже мне приходилось встречать такие идеи в работе Вадима Белоцерковского «Самоуправление». В Чехословакии, однако, средний класс был более сильным, и такой пропасти между управляющей элитой и производителями – большинством населения, как в Советском Союзе, не было. Следовательно, по Вудке, отстранение этой элиты, которая становится тормозом на пути развития производительных сил, должно происходить более быстро и менее болезненно.

Во время приезда в Саратов Вудка подчёркивал, что, во избежание трагедии перерождения большевиков и ошибок, которые они совершили, идя к революции, новая партия должна записать в программе, что заранее отказывается от власти, являясь только партией пропаганды. После революции (а Вудка часто употреблял термин коммунистическая революция, подразумеваемая неслыханный освободительный переворот, который принесёт людям счастье и освободит их во всех сферах деятельности), партия самораспускается и наступает эпоха народного самоуправления. Эта концепция излагалась в статье «Правда о современности», которая была анонимно опубликована на Западе. Мне рассказывали, что советологи приписывали авторство Рою Медведеву и что, прочтя эту статью, Медведев назвал её «троцкистской чепухой».

* * *

К 1969 году у Куликова сложился кружок единомышленников; в результате бесед со студентами, к лету я создал свой, в него вошли мой однокурсник Николай Михайлов и учившаяся на курс младше Александра Зеленская. Мы обсуждали содержание «Заката капитала» и присланных статей, дополняя и развивая изложенные в них идеи.

Закончив 3-й курс, я познакомился с киевлянином Владимиром Белецким, приехавшим в Саратов к родителям. Он был лет на 10 старше меня и рассказывал, что в Киеве существуют какие-то подпольные группы, что там живёт писатель Виктор Некрасов, известный своими либеральными взглядами, с ним общается много молодёжи, недовольной положением в стране. Белецкий давал понять, что может познакомить меня с Некрасовым и достать тексты – тогда уже начинал распространяться термин «самиздат», – которые циркулируют на Украине.

Среди работ, которые мы получили из Рязани, была статья под названием «Современность и национальный вопрос» – в ней декларировалось право наций на самоопределение вплоть до отделения, и мы предполагали, что с деятелями национальных движений нам легко будет найти общий язык. Как позже выяснилось в мордовских лагерях, это не было столь уж однозначно.

Поскольку ещё в конце 1967 года мы договорились выделять от стипендий и возможных заработков по 3 рубля в месяц для ведения пропаганды, сложилась некоторая сумма, на которую мы приобрели пишущую машинку, фотоаппарат, фотобумагу, и оставались деньги, которые можно было использовать для поездки на Украину.

Визит в Киев меня разочаровал, я неделю прожил у Белецкого и не познакомился ни с оппозиционерами, ни с самиздатом – всё это время Белецкий обещал достать книгу Дзюбы «Интернационализм или русификация» и при благоприятных условиях организовать встречу с Некрасовым. Но вся неделя прошла в обещаниях, знакомствах с киевскими улицами и украинским историческим музеем.

Я вернулся из Киева 28 августа 1969 года и отправился ночевать к своему приятелю Сергею Аникину, в его квартире находилась фотолаборатория, где мы размножали литературу. Наутро, разбуженный шумом в комнате, я увидел несколько человек в штатском, которые предложили мне одеться и следовать за ними.

II

На улице ждала машина. Меня повезли домой, на Кутякова и Чапаева, произвели обыск и заверили мать, что меня ненадолго задержат.

Я был помещён в камеру предварительного заключения на площади Свободы в Энгельсе – городе-спутнике Саратова, их разделяет только мост через Волгу. Допросы вёл капитан КГБ Мартемьянов; я отказывался давать показания, ссылаясь на то, что мне не предъявлено обвинение.

По истечении третьего дня обвинение было сформулировано следующим образом: обвиняется в антисоветской агитации и пропаганде и в преступных связях с Лениным и Кириковым. Из этого следовало, что Ленин и Кириков задержаны или находятся под наблюдением КГБ. Меня перевезли в следственный изолятор на Кутякова и Астраханской в Саратове, в нескольких кварталах от моего дома. Позже я узнал, что здесь же, в разных, разумеется, камерах, содержались Бобров, Кириков и Куликов.

Трёхдневная задержка была вызвана, очевидно, тем, что органы не успели как следует подготовить для нас место: внутреннюю тюрьму КГБ к 1969 году сломали, внутри дворика комитета госбезопасности на углу Дзержинского и Вольской шёл ремонт, и из окна кабинета, где позже меня допрашивали, можно было видеть остовы камер. Отговариваясь тем, что нет других помещений, нас держали вместе с бытовиками – осуждёнными за уголовные преступления, – хотя по закону это возбранялось. Впрочем, у начальства были свои соображения.

Мне выдали матрас, подушку и отвели в камеру на 4 этаже. Справа от двери был унитаз, чуть подалее раковина для умывания, напротив двери зарешеченное окно, под ним тумбочка, по стенам сдвоенные нары, – койки из железных полос. Я положил свой матрас на свободные.

В камере находился человек лет 40. Я пытался узнать его имя-отчество, но тот сказал, что к нему можно обращаться просто по имени – Толик. По его словам, он сидел уже шестой раз, ранее был судим за мошенничество: используя природный талант копииста, переправлял ценники на вещах и сбывал их по более высокой цене. С ним я пробыл в камере до начала суда.

Меня стали возить на допросы. Вызывали после завтрака и сводили в подвальное помещение, где в карцерных камерах собирались бытовики, которых должны были развозить по районам. Народ спрашивал друг у друга, кто и где сидит, моя статья часто вызывала вопросы, поскольку обычный набор был стан-

дартным: 206 – хулиганство, 144, 145, 146 – кража, грабёж, разбой, 117 – изнасилование, 102 – убийство. Начальство старалось подбирать людей так, чтобы в одном воронке со мной не попадались подследственные, сидевшие с моими однодельцами. Довозили до здания КГБ, выводили отдельно, тюремный конвоир сопровождал в здание, передавал следователю, и меня отводили в кабинет для допроса.

* * *

Этажом ниже сидели малолетки из группы Василия Кабанова, арестованной в Балашове; их обвиняли в убийстве нескольких человек. По линии МВД к ним подсаживали уголовников-бытовиков, которые терроризировали их, причём даже не с целью получить какие-то сведения, а для морального подавления.

Ко мне применялись более изощрённые методы. Как-то раз мой сокамерник по просьбе малолеток сделал несколько рисунков, по которым можно было изготовить татуировки, и спустил «коня» – верёвочку для передачи каких-либо мелких предметов – вниз через решётку; жалюзи были установлены только в начале 70-х. Вскоре у малолеток сделали обыск и по факту обнаружения рисунков был составлен рапорт.

Меня вызывает представитель администрации следственного изолятора: кто это нарисовал? Любой мой ответ косвенно указывает на моего соседа, – в камере нас только двое, – и я отвечаю: я. В тот же день нас переводят в другую камеру, без стёкол на окнах, и мы – в конце ноября – проводим там сутки. Наутро меня везут на следствие в КГБ, и я сообщаю, в каких условиях теперь нахожусь. Следователи почему-то радостно улыбаются и говорят: хорошо, мы вам поможем. На другой день нас возвращают в камеру, где мы сидели раньше.

Так изучалась моя реакция, возможность получения от меня показаний на соседа по камере, возможность, в этом случае, стравить нас. В саратовском следственном изоляторе такого рода провокации изобретаются постоянно. Я слышал, как один из корпусных, не стесняясь заключённых, оживлённо рассказывал, как, выселив одну камеру, постучал условным стуком наверх, ему спустили «коня», и он написал записку, в которой попросил рубашку: мол, скоро на этап. Ему передали аккуратно упакованную рубашку, торжествующий корпусной поднялся на этаж и, демонстрируя в камере вещественное доказательство, объявил, что за межкамерную связь помещает всех в карцер.

(Система переговоров стуком, широко известная в XIX веке и перекочевавшая в XX, заменилась более простой: 3 удара – выхожу на связь, 3 ответных удара – приём, 2 удара – временная задержка, 1 удар – срочно прервать связь. Для тех же целей использовался унитаз – можно было переговариваться, предварительно слив воду, и – для переговоров через стену – кружка: горлышко к губам, дно к стенке.)

Подобные садистские приёмы и уловки были одним из средств развлечений в конце 60-х – начале 70-х годов в саратовском следственном изоляторе. Опыт пребывания в пенитенциарной системе убедил меня, что любое проявление гласности способствует смягчению режима, а отсутствие информации о том, что происходит в застенках, может приводить и приводит ко всё более бесчеловечному отношению.

Опытные эзки предупреждали, что администрация изолятора наверняка будет подсаживать к нам «наседок» – осведомителей. Я, конечно, присматривался к соседу и никаких данных о ходе следствия, которые не были бы известны КГБ, не сообщал. Как-то раз я случайно увидел на столе следователя напечатанный на машинке отчёт с крупным заголовком: начальнику следственного отдела КГБ от начальника следственного изолятора города Саратова. В тексте упоминался «агентурный источник "Борисов"» и излагались мои беседы с Толиком. Меня поразило, что госбезопасность и видимо, МВД – осведомители проходят по линии министерства внутренних дел – переняли дореволюционную терминологию: кроме словечка «сексот», употреблявшегося в 20-е годы, они не смогли изобрести ничего нового. Очевидно, «Борисова» выводили из камеры во время моего отсутствия и заводили обратно до моего возвращения. Это продолжалось 4 месяца.

Трижды мы оказывались в камере втроём. Один раз на сутки к нам посадили некоего Сашу из Красного Кута, он говорил, что собирается после освобождения закончить шофёрские курсы. Как я потом узнал, этот Саша успел посидеть и с Димой Куликовым, и с Кабановым. Скорее всего, он был штатным осведомителем, который кочевал из камеры в камеру. Возможно, что Сашу посадили к нам, чтобы сопоставить его данные с теми, что излагал Толик и для характеристики атмосферы в камере и наших взаимоотношений.

Были ещё казах и молодой татарин, который кочевал летом по деревням Саратовской области и ночами грабил местные магазины: брал какие-то сладости, еду и мелочь от выручки в кассе. По его словам, следователь предложил ему взять на себя несколько обворованных магазинов, мотивируя это тем, что статья лёгкая. Татарин говорил, что раз больше 3 лет не дадут, то ему всё равно, как сидеть, но он не знал о том, что за каждый обворованный магазин ему будет предъявлен иск, который придётся выплачивать, а следователь получит благодарность за успешное раскрытие дела.

* * *

В устав группы по моей рекомендации был включён пункт, механически перенесённый из устава народовольцев, где говорилось, что в случае ареста и наличия неопровержимых улик следует отказываться от дачи показаний, а если существует неопределённость, то можно отрицать своё участие.

На следствии я держался этой тактики, но, когда увидел, что люди, которые участвовали в нашей деятельности, дают показания и мой отказ никак не повлияет на приговор, – а следователи меня постоянно убеждали, что дача показаний будет способствовать его смягчению, – я стал давать показания.

Поскольку в Саратове следственный отдел был небольшим, думаю, что не больше десятка человек, – оперативников, штатных и внештатных информаторов хватало, в отличие от реальных дел, – была создана следственная группа из 18 человек, куда входили следователи из Перми, Сибири и Белоруссии. Среди саратовских работников 5-го управления в ней принимали участие старший следователь по особо важным делам Проданов, следователь Мартемьянов и начальник следственного отдела Хамидуллин.

Таким образом, на каждого обвиняемого приходилось по 3 следователя. Ход следствия мне представляется примерно таким: летом 1969 года госбезопасностью было установлено, что в Рязани, Саратове и Петрозаводске возникли подпольные молодёжные студенческие группы, которые, ставили своей задачей расширение сети кружков и образование в конечном итоге партии. Перед ГБ встала задача создать обвинение, отталкиваясь от какой-то отправной точки. Если было известно, что Олег Сенин в 1966 году поступил в юридический институт и стал там создавать группу, а летом 1969 года он был арестован, то следствию нужно было заполнить эти три года какими-то эпизодами. Начали выявлять всех людей, с которыми общался Сенин, знакомых его знакомых, просеивались всяческие мелкие детали, и в результате в саратовском деле фигурировало около 70 свидетелей, в рязанском – около 100, но это были далеко не все люди, опрошенные осенью 1969-го.

Вызывали свидетеля, задавали вопросы: где вы разговаривали, сколько раз, о чём. Если тот что-то вспоминал, вопрос обращали к одному из обвиняемых. Если обвиняемый подтверждал, эпизод мог быть включён в дело, если отрицал, проводилась очная ставка.

Не всё с самого начала было ясно и с составом обвиняемых: кто-то из следователей обмолвился, что предполагалось активное участие в группе Константина – девочки с курса говорили, что он постоянно критиковал советскую власть.

Группа очень рьяно трудилась в сентябре-октябре, потом, видимо, была дана команда закругляться. В конце следствия мне зачитали список из 40–50 фамилий, и по каждой из них следователь спрашивал, не вёл ли я с этим человеком антисоветскую пропаганду; было ясно, что эта процедура сугубо формальна и что эти люди уже даже в качестве свидетелей привлекаться не будут.

Я думаю, что во время следствия группа руководствовалась опытом, накопленным ещё в 40-х годах, скажем, по делу Жигулина и других организаций, существовавших после войны. Мне запомнилась фраза, которую я краем глаза увидел на одном из листов на столе у следователя, там говорилось (от первого лица): он стремился создать разветвлённую сеть марксистских кружков на территории СССР. Никто из моих знакомых и проходящих по делу такой фразы не произносил; какие-то детали позволяли заключить, что речь идёт о человеке из другого города, причём не из Рязани или Петрозаводска. Когда уже в Мордовии я встретился с Сергеем Хахаевым, он сказал мне, что такая фраза вполне могла встречаться в показаниях Валерия Ронкина. Более того, читая приговор по делу ленинградского «Союза коммунаров» 1965 года, я обнаружил, что некоторые формулировки были механически перенесены в наше обвинительное заключение. Так, в их приговоре значилось, что группа была названа «Союзом коммунаров» в провокационных целях, и это загадочное утверждение перекечевало к нам. Непонятно, кого и на что мы собрались провоцировать; предполагалось, очевидно, что мы хотим ввести в заблуждение население Советского Союза, называя себя коммунистической группировкой. Мы же, в свою очередь, считали, что партия, находящаяся у власти, не имеет права называться коммунистической. Эти семантические игры периодически возникали в ходе следствия: следователь записывал в протоколе, что мы призывали к истинной социалистической революции, я говорил, что революция бывает либо социалистической, либо не социалистической, и так далее.

Интересовались следователи и нашим кругом чтения. В работах, которые мы распространяли, содержались цитаты из новомирских статей Карякина, Плимака, Гнедина, Лакшина (без указания фамилии) и Черниченко – в главе «Заката капитала» о сельском хозяйстве цитировался его «Русская пшеница». Эти фамилии как-то учитывались на случай возможных оргвыводов. Заходивший иногда на допросы прокурор Фёдоров как-то спросил, что я думаю о книге Дудинцева «Не хлебом единым». Я сказал, что это хорошее произведение. «Мне кажется, что с художественной стороны оно слабое», – заметил прокурор. «А что вы ещё читали?» – поинтересовался он однажды. У нас пользовалась популярностью книга Кона «Социология личности». «Ну, Кона я знаю, – сказал Фёдоров, – это очень приличный человек».

Изучая материалы дела, я обнаружил приложенную справку по поводу распространявшегося нами доклада Померанца «Нравственный облик исторической личности». На запрос саратовского КГБ справка сообщала, что таковой доклад действительно имел место в Институте философии в 1965 году, не публиковался и получил распространение в литературе так называемого самиздата.

Нам также инкриминировали статью Синявского «Что такое социалистический реализм». Саратовские следователи сомневались – опубликован этот текст в советской печати или нет – очевидно, у них не было возможности получить дело Синявской и Даниэля, равно как и внимательно просмотреть газетные сообщения о процессе, где упоминалось о существовании этой статьи. Когда следователь вёл меня в кабинет, мы проходили мимо открытой двери, за которой сидел человек и просматривал стопки «Нового мира» в твёрдых обложках. Следователь сказал мне, что их работник ищет, в каком номере журнала была напечатана статья Синявского, чем очень меня позабавил.

Инкриминируемая литература делилась на антисоветскую – работы Вудки, наши комментарии, статья Георгия Фёдорова «Пропаганда и психология», и «политически вредную литературу так называемого самиздата» – письмо Раскольникова, письма Солженицына IV съезду писателей (в деле значилось «от имени Солженицына», на всякий случай, – объявлялись же фальшивкой мемуары Хрущёва и Бажанова, а существование последнего в советских газетах вообще отрицалось), «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» Сахарова, «Что такое социалистический реализм» Синявского. Некоторые тексты попали в обвинительное заключение благодаря фактуре – например, фотоплёнка книги Арну «Народная история Парижской коммуны», изданной вскоре после Октябрьской революции, – мы считали себя марксистами, а поскольку Маркс высоко оценивал роль Парижской коммуны и считал её образцом нового общества, то нас интересовала её история, тем более, очевидца и деятельного участника; мы как бы хотели перенести события в Париже третьей четверти XIX века в конец XX века в случае неизбежного возникновения широкого народного движения.

Та же участь постигла и книгу Некрича «22 июня 1941 года»: негативы изъяли и приобщили к делу. Эта книга вышла в 1965 году в издательстве «Наука», но после дискуссии в журнале «Вопросы истории КПСС» Некрич был исключён из партии, снят с работы и позже эмигрировал. Во время обыска у Михаила Капранова в Горьком, приблизительно в то же самое время, на неё не обратили

внимания, потому что эта книга стояла на полке среди других книг, изданных в государственных издательствах.

Вообще, сам факт размножения какого-то текста вызывал как минимум подозрение. На одном из сионистских процессов была объявлена антисоветской книга американского автора об исходе евреев из Египта на том основании, что она размножалась в виде ксерокопий, фотокопий и перепечатывалась на машинке. Как ни пытались подследственные доказывать, что речь идёт о событиях более чем трех тысячелетней давности, на следователей это не действовало. Логика была проста: если человек размножает текст, значит, тут что-то не так. А уж малейшая аналогия, переключка или намек на происходящее внутри страны объявлялись антисоветскими, и зачастую так и воспринимались простыми гражданами, например, песня «Фараон, фараон, отпусти народ мой».

Впрочем, иногда возникали проблемы и посложнее. Во время допроса Кирикова пожилой следователь, кажется, майор, потребовал, чтобы в текст допроса и, соответственно, позже в обвинение был занесён факт хранения Кириковым антисоветского текста песни «Товарищ Сталин, вы большой учёный». Присутствующий при допросе молодой лейтенант сказал: «Товарищ майор, ведь сейчас это каждый мальчишка поёт». Старший коллега снял своё предложение, и таким образом не был создан прецедент, опираясь на который следовало бы пересаживать половину населения Советского Союза.

Хотя, вообще-то, никто не препятствовал какому-нибудь следователю объявить некий текст антисоветским. И если с Солженицыным, письмо которого IV съезду писателей мы хранили, всё уже было ясно – торжествующий следователь приносил на допрос газету с сообщением об исключении Солженицына из Союза писателей, то до Высоцкого, например, руки ещё не доходили, и во время допросов мне обещали, – зная мой интерес к его песням, – «мы Высоцкому хвост прижмём».

Кроме радости по поводу исключения Солженицына, никаких эмоций по отношению к остальному – легальному – кругу имён следователи не проявляли, кроме разве что недоумения Фёдорова – как можно использовать работы Кона в антисоветской пропаганде. Вопрос об использовании в тех же целях трудов Ленина обходился молчанием.

Иногда и мне приходило в голову задать вопрос – а как вы относитесь к Берии? Я полагал, что большинство тогдашних кэзэбешников – ярые сталинисты, и был весьма удивлён, услышав, что мой следователь, а он работал в госбезопасности и до 1953 года, относится к Берии отрицательно: потому что тот дискредитировал органы. Сейчас я понимаю, что ответ звучал достаточно цинично.

Довольно удивительно мне было слышать от майора, ведущего следствие, и такое: вы забыли мудрые слова Пушкина – не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Я не стал с ним спорить, но про себя подумал, что этот бунт вы же и провоцируете.

Изумила меня непосредственность следователя из Белоруссии Кошура. Он сказал, что ему никогда не приходилось заниматься делами, связанными с антисоветской пропагандой, он преимущественно отлавливал контрабандистов, и то, что мы писали в своих статьях, ему мало интересно. Одно только место вызвало его возражение: у вас написано, что в Советском Союзе существует про-

ституция. Нет, сказал Кошур, существует бл..ство. Это был единственный случай полемики с нашими текстами во время следствия.

Каким-то образом родственники всех шестерых подследственных одновременно пришли к выводу, что если они заявят, что у нас слабая нервная система и какие-то неврастенические явления, это будет способствовать тому, что нас направят на лечение в психиатрическую больницу и очень скоро выпустят. Не знаю, кто подкинул им эту провокационную идею, но явно это было сделано не только по неграмотности, но и по чьему-то злему наущению. Для судебно-психиатрической экспертизы необходимо было иметь чьё-то заявление, – не мог же я сам сказать, что я ненормальный и требую, чтобы меня не судили, а объявили невменяемым. Такая бумага была составлена нашими родственниками, и я обнаружил её, знакомясь с делом перед судом.

Однажды в кабинет, где проходил допрос, зашёл известный саратовский психиатр Гамбург, с ним были две ассистентки; мне запомнилось, что у одной всё время бегали глаза. Вопросы задавались вполне безобидные, один из них был даже по сути: в чём заключалась ваша концепция. Я ответил, что мы считали существующую в Советском Союзе систему государственно-капиталистической. Процедура длилась минут 20, и по завершении дела каждый из нас мог прочитать в приложенных материалах о том, что мы психическими заболеваниями не страдаем, интеллект не снижен и умственный уровень соответствует полученному образованию – у Куликова, стало быть, высшему, остальных – недочувшихся студентов.

* * *

Задачей следствия было доказать, что наша деятельность была результатом заблуждения или враждебного влияния, стереотип последнего – прослушивание западных передач; если речь шла об изучении официальной литературы, то инкриминировалось тенденциозное её прочтение или ложное толкование.

Спорить со следователями, что-то доказывать им мы не пытались, ибо заведомо считали, что люди, которые нас допрашивают, принадлежат к классу бюрократии; им прекрасно известно истинное положение дел, но они заинтересованы скрывать его для поддержания своего господства. Это был бы разговор на двух разных языках: мы говорим о фактах, которые видим, а они говорят о вещах, за которые получают деньги. Поэтому, если ты пойман, надо сказать: да, я неправ, иначе тебя сотрут в порошок.

Могли ли мы доказывать следователям свою правоту? С детства нам было известно, как дружинники обращались с людьми, которые отваживались выходить на улицу в узких брюках – ткань раздирали ножницами, во второй раз могли посадить за хулиганство, а в третий вполне можно было предположить, что человека обвинили бы в антисоветской деятельности. Нигде, естественно, не было записано, какой ширины должны быть брюки, но государство – и общество, наверное, – считало, что нужно носить широкие брюки, и как только человек надевал узкие, то подвергался репрессиям – и в такой ситуации доказательно отстаивать положение, что ношение узких брюк не есть преступление, было бы по меньшей мере странным. В статье Вудки «Трубы свободы» была фраза:

в советском обществе нормальными людьми являются только революционеры. Получалось, что мы живём среди миллионов умалишённых, и доказывать им, что высказывание наших мнений или экономических рекомендаций не есть преступление, было бы действием одного порядка с обоснованием права на ношение узких брюк.

Какого-то особого давления со стороны следователей я не ощущал, хватало и того, что было: сам арест, сугубо официальное обращение, заключение с бытовиками, с которыми ты находишься в совершенно разных плоскостях. Иногда следователи говорили нечто вроде «надавим очными ставками» или «если какие-то эпизоды нам станут известны после суда, мы заведём дело по вновь открывшимся обстоятельствам, и вам будет ещё хуже». Нам доказывали, что те или иные эпизоды нашей деятельности им известны и вне зависимости от того, подтвердим мы их или нет, мы всё равно будем осуждены, весь вопрос только в степени этого наказания. О том, что больше 7 лет нам не дадут, никто, конечно, не говорил, и подобные выражения были чистой воды шантажом. Однажды следователь сказал: мы ходатайствовали перед начальством, чтобы вас не сажали с такими опасными людьми, как Даниэль и Синявский. Это уже была полная чушь, потому что посадить 6 человек по двое в 3 лагеря, в одном из которых сидит Синявский, а в другом Даниэль так, чтобы они не совпали ни с тем, ни с другим – это даже не волк, коза и капуста. Правило помещать подельников в разные зоны неукоснительно соблюдалось, исключение могло иметь место, если количество осуждённых превышало количество зон, что и было в нашем случае.

Естественно, что мы воспринимали людей, которые нас арестовали и содержат под следствием, как своих противников, которые желают нам максимально зло, хоть и внешне они были достаточно лояльны. Мы не могли с ними просто разговаривать, как с другими людьми. Между нами стоял невидимый барьер, и любую попытку следователей сломать его мы считали в этическом плане преступной – всё равно, что вторгнуться в мир нашей души, жизни и деятельности, которая в определённом смысле была жертвенной.

Бюрократический абсурд пропитывал всю их деятельность. Во время обыска кэзгэбшники умудрились потерять бумажки с обозначением страниц, зафиксированных на фотоплёнке, вложенные мной в коробки с негативами. Они очень нервничали и суетились, хотя я предлагал им написать новые. Нет, нужны были именно те бумажки именно с такой линией обрыва и так далее. Так же нервничали они и в конце следствия, торопя меня ознакомиться с материалами дела, и я так и не успел прочесть статью Вудки о творчестве Евтушенко и Вознесенского.

Мой следователь мог звонить по телефону и беседовать с продавицей книжной магазина, болтать с зашедшим коллегой о рыбалке, – у них были свои интересы, а мы относились к сфере работы, в которой существуют определённые правила: если сказано, что данное произведение антисоветское, значит, его надо преследовать; не сказано – не надо.

На одном из допросов мне предъявили написанное моей рукой стихотворение, найденное у меня при обыске. На вопрос следователя об авторстве я показал, что оно написано мной – текст носил обличительный характер, его автором был Юрий Ионов и я хотел отвести от человека лишние обвинения. Следователь стал записывать, что найденное у Романова стихотворение, исполненное синим красителем, начинающееся такими-то словами и заканчивающееся такими-то

словами, написано им в такое-то время, как в кабинет зашёл другой следователь и сказал, что только что допрашивал Ионова и он признался, что это его стихотворение. Мой следователь разорвал испорченный бланк, начал составлять новый протокол, и никаких эмоций, кроме того, что зря потрачен первый лист с типографской шапкой, у него не возникло – какая разница, кто, в конце концов, автор.

В самом конце следствия они уже откровенно халтурили: о чём вы разговаривал с таким-то? Не помню. Вот его показания, посмотрите, если это соответствует том разговору, мы запишем точно такие же ваши показания. – А насколько это соответствует действительности, их совершенно не интересовало, не говоря уже о юридической противоправности такого подхода. Наверное, поджимало время, и сопоставлять показания свидетеля и обвиняемого, проводить очные ставки уже не было ни сил, ни желания.

Это равнодушие меня удивляло и в лагере – администрации было абсолютно не важно, каких взглядов придерживается данный заключённый – марксистских, анархистских, демократических, монархических; главное, что они отличаются от того, что написано в газетах.

Следствие продолжалось около 4 месяцев, закончилось к концу 1969 года, на 5 января 1970 был назначен суд. Перед началом заседания мне вручили обвинительное заключение, около 50 страниц машинописи, и я читал его в камере. В нём подробно излагались установленные следствием эпизоды, которые подтверждались как показаниями обвиняемых и свидетелей, так и вещественными доказательствами, в качестве которых фигурировали только изъятые тексты и средства размножения – фотоаппарат и пишущая машинка.

Из бумаг, приложенных к делу, моё внимание привлекли два документа. После ареста госбезопасность, по советской традиции, затребовала из университета мою характеристику. Факультетское начальство было поставлено в двусмысленное положение: написать, что я хороший, не могли – невиновных у нас не арестовывают, а дать плохую характеристику – значит, навлечь вопрос – почему не перевоспитали, не проконтролировали, не исключили. Выход был найден. «Характеристика» никакой характеристики не содержала, были приведены мои оценки по всем предметам за все курсы и сделана приписка: интересовался поэзией и научной фантастикой. На мою общественную опасность могла косвенно указывать лишь тройка по истории КПСС.

Позже я получил ещё одно свидетельство о гибкости руководства института: когда староста группы спросил в деканате – помещать ли Романова в список студентов, ему посоветовали вписать мою фамилию карандашом. В справке, которую мне выдали после выхода из лагеря, значилось: исключён из числа студентов в связи с арестом и лишением свободы. Можно, конечно, вспомнить автономию университетов в Западной Европе и дореволюционные традиции в царской России, когда полиция не допускалась на территорию университета. Для нового общества факт ареста и осуждения был достаточен для исключения, и право восстановиться после отбытия срока никак не оговаривалось. И все разговоры о том, пытаюсь ли я восстановиться в университете после отбытия срока, я воспринимал как абсурдные – это было всё равно, что пытаться пересечь границу с независимым видом на виду у караульного поста.

Не менее любопытной была экспертиза текстов, которые нам инкриминировались. К делу была приложена справка из Петрозаводского университета (не с той ли кафедры философии, где преподавал Александр Гидони, прославившийся доносами на солагерников ещё в 50-е годы и продолжавший заниматься тем же ремеслом на свободе?). Экспертиза содержала краткий пересказ содержания каждой из глав «Заката капитала» без намёка на какую-либо оценку, даже без «якобы» и «так называемый». Для ГБ это был очень удобный документ: учёные рассмотрели, отрецензировали, и мы имеем полное право утверждать, что это произведение антисоветское. Это давало формальное основание судье принимать обвинительное заключение за основу и буквально переписать его в приговор, а Верховному Суду в своём определении буквально переписать приговор Саратовского областного суда.

* * *

Меня очень интересовало, с какого момента и как начались аресты. Единственное, что можно было понять из материалов нашего дела – что в августе 1969 года в Рязани был арестован Олег Сенин. Братья Вудки, прибыв в Мордовию летом 1970 года, изложили мне следующие события. Приняв решение выехать в Израиль, Вудка должен был определить своего преемника. Продолжало оставаться аксиомой положение о необходимости нелегальной деятельности, поскольку события в Советском Союзе, казалось, неминуемо будут развиваться в известном направлении – в сторону борьбы с диктатурой государственно-бюрократического аппарата, которая самозванно объявила себя коммунистической. В течение трех лет активным участником рязанской группы был Евгений Мартимонов. Он интересовался методами ведения партизанской борьбы в городских условиях и написал на эту тему довольно обширную работу. Человек он был, видимо, достаточно организованный, исполнительный и аккуратный, и Юрий Вудка решил, что руководство рязанской группой должно перейти к нему.

Следует отметить, что всякого рода организационные формы Вудка сознательно ограничивал: рязанская группа, в отличие от саратовской, не имела названия и устава. С другой стороны, когда Вудка приезжал в Саратов, он очень позабавил нас, предложив собрать всех членов саратовской группы для того, чтобы он назначил нам руководителя. Мы считали себя вполне автономным образованием, и никто из нас не претендовал на роль формального или неформального лидера. В Рязани дело обстояло иначе.

По версии Вудки, Мартимонов пошёл в КГБ и написал явку с повинной, опасаясь, что в случае ареста основная тяжесть обвинения падёт на него. Это произошло 24 июля 1969 года, и для того, чтобы отвлечь внимание от Мартимонова, на другой день в КГБ был вызван Семён Заславский. Ему сказали: мы всё знаем, и предложили написать явку с повинной. Этот документ оформляется 25 июля, а число в протоколе показаний Мартимонова исправляется на 29-е; в это время Мартимонов собирает сведения о связях группы и людях, вовлечённых в движение. Согласно версии ГБ, источником всех арестов является явка с повинной Заславского, а Мартимонов пришёл с повинной четыре дня спустя. 30 июля арестовывают Юрия Вудку, затем его брата, Фролова, Грилюса и Сенина. После суда

участники рязанской группы получили следующие сроки: Юрий Вудка – 7 лет, Фролов и Грилюс – по 5, Валерий Вудка – 3, Мартимонов и Заславский – по 3 года условно. Таким образом, количество участников рязанского процесса формально тоже было равно шести, но к лишению свободы приговорены только четверо, Мартимонов и Заславский, насколько мне известно, даже не содержались под стражей.

Олег Сенин успел сагитировать студента историко-филологического факультета петрозаводского университета Александра Учителя, он начал свою деятельность в начале 1969-го, а летом был арестован. Поскольку он не успел создать разветвлённой группы, следствие прошло очень быстро, и он был осуждён ещё до января 1970. Учителя привозили на саратовский процесс в качестве свидетеля, и нас удивила его шевелюра – очевидно, Учителя успели сфотографировать раньше, чем остричь, и он должен был до лагеря носить длинные волосы. Он получил 4 года и освобождён осенью 1973.

* * *

Суд был назначен на 5 января. Нас привезли из следственного изолятора, и мы впервые собрались вшестером – Бобров с Фокеевым до этого дня не встречались. В зале стояли скамейки, ограждённые барьером – скамья подсудимых, справа – возвышенность с креслами для судьи и двух заседателей. Перед нами за столом сидели адвокаты, а на другой стороне, напротив адвокатов и по правую руку от судейских кресел – место для прокурора и государственного обвинителя.

Формально заседание было открытым, на самом деле пускали только по пропускам; некоторые студенты пытались пройти в зал, но вход контролировался сотрудниками госбезопасности. Эта мера не была напрасной: когда в Горьком судили группу Павленкова – Капанова – Жильцова – Пономарёва, при произнесении последних слов в зал были допущены все желающие. Подсудимых забросали цветами, и будущие политзеки выкрикивали: «Сталинизм не пройдёт» и «Ваш суд антисоветский». Впрочем, некоторые люди попали в зал случайно – пропуска не были именными. Среди присутствовавших я видел преподавателей университета, юридического института, наших следователей; зал на 40 мест был заполнен целиком.

Перед началом первого судебного заседания Сенин предложил мне выступить с отказом от того, что мы говорили на предварительном следствии, и заявить, что не считаем себя виновными. Я отказался, а в одиночку Сенин на подобный шаг не решился. Здесь сыграла роль общая атмосфера, сказывалась и разница в выборе линий поведения участников группы после ареста, непоследовательность и колебания, которые проявлял практически каждый из нас. Я знал, что нас снова разведут по камерам, что мы находимся в безраздельной власти полицейского аппарата, который может предпринять самые неожиданные меры, – мы ведь не знали, как проходят такие судебные процессы, что бывает с людьми, которые внезапно заявляют, что они готовы противостоять режиму до конца.

Неизвестность и несогласованность в наших действиях и показаниях приводила к тому, что я придерживался линии, которую выбрал в середине след-

ствия: подтверждать факты, которые становились известны следствию, и признавать, что наша деятельность была ошибочной. Каждый из нас, конечно, не считал себя виновным, и когда я показал Куликову написанное перед судом стихотворение о поэте, который усыпляет своими скучными стихами дракона, сторожащего принцессу, он сказал, что это напоминает ему наше поведение на следствии.

Заседание началось с чтения обвинительного заключения, затем следовал допрос свидетелей. Некоторые выражали желание остаться в зале после допроса, но судья заявлял, что они должны покинуть зал суда. У людей не хватало решимости возражать и ссылаться на УПК, и до конца заседания разрешили остаться только нашим родственникам. Вопросы к ним носили совершенно бессмысленный характер, от них требовалась лишь наша характеристика, а по обвинительному заключению вопросов не возникало.

Суд был ритуально-формализован до предела: зачитывались показания, они подтверждались, и ни о какой полемике с нашими взглядами речь не велась. Адвокаты всех шестерых обвиняемых произносили совершенно однотипные речи: да, наши подзащитные совершили особо опасные государственные преступления, но, учитывая их молодость, признание вины, всякого рода смягчающие обстоятельства (больные родственники, состояние здоровья), просили назначить как можно меньшее наказание; ни о пересмотре дела, ни о нелепости обвинения речи не шло. Всё это напоминало Кафку и «Приглашение на казнь» Набокова, где речи прокурора и адвоката звучат в унисон. Наши последние слова были очень краткими и сводились к признанию вины.

Всё было решено заранее, и суд был нужен как сугубо бюрократическая процедура. Так, приговор был объявлен 16 января, а суд удалился на совещание 13 января. По закону суд не должен покидать комнату для совещаний до оглашения приговора и вступать в какие бы то ни было контакты, хотя всем было ясно, что трое суток эти люди могли заниматься чем угодно. По УПК, должна была вестись стенограмма суда, после объявления приговора нас были обязаны с ней ознакомить, а мы – расписаться в том, что согласны с правильностью её составления. Надо ли говорить, что ничего подобного сделано не было.

Сенин получил 7 лет и 2 года ссылки, Кириков – 6 лет и 2 года ссылки, я – 6 лет, Куликов – 5, Бобров – 4 и Фокеев – 3 года.

Информация о процессе попала в «Хронику текущих событий». Вряд ли её передавали люди, присутствовавшие на суде – в сообщении были допущены неточности, вплоть до искажения названия группы. В официальной печати никаких упоминаний о нашей группе не было (вплоть до 1989 года: письмо Кирикова в редакцию журнала «Век XX и мир», № 6).

* * *

Косвенной реакцией на наш процесс было постановление ЦК КПСС «Об усилении идеологической работы в Саратовском университете и Московском высшем техническом училище» (Бауманском). Чашу терпения партийных властей переполнили дело саратовского «Союза прогрессивного социализма», возникшего вслед за нашей группой, и история с распространением самиздата, где были

замешаны лица, хорошо известные в саратовских интеллектуальных кругах – Стрельников, Штерн, Катц, Белокрыс (об этом есть информация в «Хронике», и фамилии, кстати, тоже искажены), – меры властей ограничились статьёй журналиста Пролеткина (он специализировался на материалах подобного рода) в областной газете «Коммунист» под названием «У позорного столба» (4.02.1972).

«Союз прогрессивного социализма» возглавлял Валерий Белохов, выпускник саратовского авиационного техникума и студент первого курса заочного отделения исторического факультета. «Союз» успел издать один номер журнала «Время перемен», намечалась учредительная конференция, в которой должны были принимать участие 11 человек. Белохова арестовали, судили и дали 5 лет; по делу он проходил в одиночку, власти не решались создавать ещё один громкий процесс вслед за нашим.

В Москве в 1972 году были арестованы Болонкин и Балакирев. Болонкин был доктором технических наук, преподавателем МВТУ; он создал несколько множительных аппаратов и тиражировал Солженицына, Конквеста, Авторханова, Бердяева и другие запрещённые тексты. Для того, чтобы сразу убить двух зайцев, было принято постановление ЦК КПСС, где говорилось о необходимости усилить идеологическую работу.

* * *

С годами становились известны подробности реакции на наш арест. Перед началом суда в городе были распространены листовки со стихами:

*За горло взяла КГБ ручища,
Но всех не задушишь – нас сотни, нас тыщи!*

После процесса по городу циркулировали различные небылицы о нашей группе. Обстановка домыслов подпитывалась как бытовым представлением о деятельности инакомыслящих, так и целенаправленной дезинформацией. Соседи говорили о финансировании нас американской разведкой, знакомые интересовались у моей матери, где хранились радиостанция и оружие, оперативник КГБ рассказывал моему однокурснику, что мы поддерживали связь с НТС через Пензу. (Позже я узнал, что даже на лекциях в КГБ зачитывались сводки информации, в которых искажалось истинное положение дел – о деятельности Московской Хельсинкской группы, например, – и рядовые сотрудники вводились в заблуждение вышестоящими. Таким образом, верхний эшелон пытался дезинформировать нижние звенья, а те, в свою очередь, обманывали руководство, стараясь представить дело так, что они усердно несут службу и проявляют бдительность.)

Даже сейчас кто-нибудь периодически «вспоминает», что мы собирались убить Сулова, а судивший нас Теплов договорился до того, что мы подписывали клятву кровью. К этому его подвигли следующие события. В саратовской газете «Совфакс» появилась публикация, подвергавшая сомнению компетентность доцента юридического института профессора Теплова: припоминались история с вынесением неправомерного приговора к высшей мере в то время, когда он был

председателем судебной коллегии областного суда, и процесс по делу нашей группы. Теплов подал в суд. В письме, на опубликовании которого он настаивал, и содержалось это дикое утверждение. Очевидно, он пытался доказать нашу решимость любым путём бороться с законной властью. Скандал выплеснулся в центральную печать, в «Литературке» появилась статья И. Гамаюнова «Мечь». В конце концов, Теплов отозвал свой иск.

* * *

После суда мы ожидали, пока наши кассационные жалобы дошли до Верховного Суда Российской Федерации и вернулись обратно с определением, что приговор остаётся без изменений. Впрочем, не совсем так: Верховный Суд обратил внимание на то, что Саратовский областной суд во главе с Тепловым допустил совершенно дикую юридическую оплошность, назначив каждому из нас дополнительный срок по 72-й статье, и дезавуировал эту часть приговора (72-я статья является отсылочной к блоку статей об особо опасных государственных преступлениях, в ней говорится об организационном характере действий, предусмотренных статьями 64 – 73, применяется она только в совокупности как отягчающее обстоятельство, и отдельного наказания по ней не предусматривается). Если подобные вещи допускались на уровне областного суда, то что можно предположить о районных судах или выездных сессиях куда-нибудь в деревню или на предприятие? Самое страшное, что и поправить-то было некому, поскольку ни уголовный, ни тем более уголовно-процессуальный кодекс в советском магазине купить было невозможно, эти тексты были доступны лишь специалистам, которые и считали себя полномочными казнить, миловать и решать, какое произведение является политически вредным, а какое – политически полезным.

Меня перевели в камеру для осуждённых. Вероятность, что снова будут подсаживать агентурных источников, была невелика – администрация не могла постоянно обеспечивать нахождение с каждым из нашей шестёрки своих людей, да и необходимость добывания каких-то сведений, связанных с делом, была для ГБ менее актуальной.

Я сидел с бытовиками в камере на четырех человек и знакомился с их делами. Моё внимание привлекла фраза, часто повторявшаяся в приговорах: нет оснований не верить свидетелю такому-то, причём иногда упор делался на то, что этот свидетель член КПСС. Так было в деле Виктора Пименова, который был осуждён за грабёж на основании показаний единственного свидетеля, он же потерпевший. Сам Пименов отрицал свою вину, но получил 8 лет, это был уже второй срок. Та же фраза была в приговоре Ремира Колокольникова; он утверждал, что дело раздуто его племянницей, работником прокуратуры, которой надоели его пьянки и требовалась дополнительная жилплощадь. Она, по словам Колокольникова, собрала показания соседей, которые подтвердили факт угроз с его стороны, и Колокольникову дали 7 лет строгого режима. Мы сидели с ним в 3-м корпусе на 1-м этаже в камере для смертников, поскольку мест в обычных камерах не было. В камере отсутствовал репродуктор, зато окна забраны дополнительными решётками, нары тоже отличались от обычных – здесь были одноэтажные.

Вскоре нас с подельниками посадили в 2 камеры по трое. Я сидел с Куликовым и Фокеевым, в другой были Сенин, Бобров и Кириков.

Наша камера была на 4-м этаже 3-го корпуса Саратовского следственного изолятора, и, поскольку мы знали номер камеры, где сидят наши однодельцы из юридического института, то иногда, выходя на прогулку, – в это время дверь оставалась открытой – нам удавалось бросать друг другу записки в пустовавшую камеру или передавать их через бытовиков. По необходимости они носили краткий отвлечённый характер, нам было важно только знать, что все живы и здоровы.

В самом конце апреля или начале мая нас известили, что пора готовиться к этапу. Мы собрали все имевшиеся вещи, всех шестерых посадили в «воронок», и мы в первый раз могли свободно поговорить. Перед посадкой в арестантский вагон мы увидели своих родственников, которые знали, что в этот момент нас будут грузить в поезд; мы успели помахать им, пока они бежали за вагоном, пытаясь как бы побыть с нами последние минуты; там была бабушка Кирикова, моя мать... Куда мы едем, никто не говорил.

На первой остановке в Сызрани из вагона выгрузили 20 с лишним человек, подошёл полненький майор с добродушно-флегматичным выражением лица, открыв папку, прочитал все фамилии и сказал: ну, пойдёмте. Ни конвоя, ни собак – беги – не хочу: до тюрьмы было недалеко, и вёл нас только один человек, бросься мы враспынную, он ничего не смог бы поделать.

Может быть, у ехавших с нами бытовиков были небольшие сроки, а в отношении нас никаких специальных оговорок не было. В любом случае, я с трудом представлял себе, как бы я мог существовать на нелегальном положении. Мы знали – по книгам и кинофильмам – о «малинах», но возможность жить долгое время на чужой квартире, не вызывая подозрений, да ещё без паспорта была почти нереальной.

В Сызранской тюрьме нас поместили в подвальном помещении в камеру типа «зверинец» с решёткой вместо стены. Здание было очень старое: зарешеченные окошки на уровне земли, низкие сводчатые потолки, над бетонным полом настил из досок, на котором могли бы разместиться два десятка человек. Трудно было возвращаться к подробностям дела, ко всему, что связано с нашим провалом; мы шутили и старались говорить на посторонние темы.

На другой день нас вывели в прогулочный дворик, который отличался от саратовского: там он выглядел как длинный прямоугольник, разделённый на клетки – 4 бетонных стены и бетонный пол, сверху прохаживался надзиратель, а здесь это был круг, разделённый на треугольные секторы, с вышкой для надзирателя в центре. В соседнем дворике гуляли женщины-заключённые. Их речь была пересыпана матом и производила дикое впечатление, ещё и потому, что это была не ссора, а обыденная беседа.

Из Куйбышевской области нас повезли в Мордовию, следующая остановка была в Рузаевке. Пересыльная тюрьма представляла собой патриархальный одноэтажный домик, в побелённой камере были деревянный стол, лавки, умывальник – почти деревенская гостиница. В обед давали непременно отдельно отрезанный кусочек мяса, грамм 40–50, как полагалось по ИТК. Там мы впервые увидели надписи, из которых можно было сделать вывод, что здесь проезжали политзаключённые.

Сенин, когда сидел в Саратове, ожидая кассационного решения, находился вместе с человеком, отбывшим срок за попытку перехода границы и сидевшем в политлагерях. Он говорил, что был знаком с Юлием Даниэлем, и из его рассказов можно было представить, что атмосфера в политзонах не такая жуткая, как на сталинской каторге.

В Рузаевке мы впервые встретили ещё одного политзаключённого, это был Иван Сокульский, выпускник Днепропетровского университета, филолог и поэт.

Сокульский довольно охотно рассказывал о своём деле: ему инкриминировали 3 стихотворения, признанных антисоветскими, и ещё один текст, направленный в руководящие органы Украины, который был подписан «Творческая молодёжь Днепропетровска». Одно из стихотворений представляло из себя обращение к древнему киевскому князю Святославу, в переводе там были такие строчки: «Святослав, воин наш, встань, снова печенеги! Где клокочет гневом Днепрогэс, выхвати свой меч из ножен». При желании тут можно было усмотреть недовольство режимом, но второе стихотворение, «Волы», по словам самого Сокульского, было навеяно понурым видом стада, которое гнали мимо его окна. Там была строчка «В машинный век вы не нужны, вас отдадут на колбасу», говорилось, что даже погонщик над вами смеётся – для чего же вы носите свои острые рога? Это было расценено как клевета на советский рабочий класс. Сокульский на суде сказал, что это ему напоминает старый анекдот, когда мужик кричит на улице «царь дурак», а полицейский говорит ему: ты не можешь иметь в виду турецкого царя, потому что если какой царь и дурак, так только наш. Судья на это, конечно, ничего не мог, да и не хотел ответить. Третье стихотворение, «Ихтиозавр», было связано с эпизодом, когда чиновник в одном из украинских учреждений оскорбился тем, что Сокульский заговорил с ним по-украински и потребовал, чтобы разговор шёл только на русском. Как бы то ни было, мы были удивлены, что Сокульский получил 4 с половиной года, и советовали ему написать протест и заявить, что в крайнем случае это может быть расценено как 190-прим. Он этого не сделал и просидел полностью весь срок. Позже Сокульский стал участником Киевской Хельсинкской группы и получил ещё один срок.

В отношении нашей психологии и тогдашней информированности кажется любопытным такой эпизод: когда нас уже втроём привезли на 19-ю зону, – меня, Сокульского и Кирикова, – надзиратель, который проверял вещи, здоровый парень с лицом олигофрена (заключённые называли его «Полтора Ивана» за высокий рост), обыскав Сокульского, сказал, что в газетах писали, будто он шпион. Первая мысль была, что Сокульский сочинил легенду, будто он осуждён за свои стихи, но посмотрев на «Полтора Ивана» и послушав его разговоры, я понял, что у него в голове всё перемешано. Он готов кому угодно прилепить любое обвинение; ему скажут, что Сокульский по совместительству американский шпион, и он охотно поверит. Я же по мере общения с Сокульским всё больше и больше убеждался, что это настоящий поэт и украинский интеллигент, человек с чуткой душой и большой культурой.

После Рузаевки нас, уже семерых, привезли на станцию Потьма, где мы провели сутки. Оттуда нас стали распределять по лагерям.

В Потье находилось Потьминское управление лагерей, о котором мы слышали ещё в Саратове: в «Размышлениях о прогрессе...» Сахарова говорилось, что в мордовских лагерях, подчинённых этому управлению, находятся 15–20 тысяч

политзаключённых. Цифра эта, как потом оказалось, была преувеличена, речь, видимо, шла о всех заключённых на территории Мордовии, включая и уголовных. Когда из Потьмы нас с Кириковым и Сокульским привезли в зону № 19, мне удалось выяснить, что все политзаключённые, осуждённые по 70-й статье, находятся в следующих пунктах: зона № 19, самый большой лагерь, количество заключённых в нём было примерно 500 человек; № 17 и № 3, примерно по 250 человек в каждом. Была ещё небольшая женская зона, в 1960-е количество женщин-заключённых колебалось между 15 и 25; была также зона особого режима, где содержалось около 200 человек. Кроме того, несколько заключённых за антисоветскую пропаганду – буквально единицы – можно было найти в зоне № 5, там находились иностранные подданные. Немного политзаключённых содержалось также во Владимирской тюрьме. Таким образом, общее число политзаключённых в Мордовии, осуждённых по 70-й и 64-й статьям, не превышало 1,5 тысяч человек. Если мы прибавим осуждённых по статье 190-прим, которая гласит, что преступлением являются клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, а также людей, которые находились за свои взгляды в психиатрических больницах, то общее число значительно вырастет. Но я думаю, что в 1970 году оно не превышало 10 тысяч человек – на 300-миллионный советский народ.

III

В конце первой декады мая нас привезли в зону № 19. Собственно, это был квадрат земли 250 x 250, внутри него располагались жилые бараки, столовая, баня, санчасть и здание, называемое «штаб», где находилась приходившая на дневную работу администрация и цензор, который проверял письма и выдавал посылки и бандероли. В отличие от бытовых зон, где, по рассказам, заключённые мало внимания уделяли внешнему оформлению своего бытия, здесь люди, сидевшие годами, традиционно разводил цветы, старались ухаживать за внешним видом барачков. Лавочка у санчасти, берёзки, цветы – в этом было что-то декоративно-усыпляющее; идиллическое место отдыха или санаторий для постороннего наблюдателя, зона между тем отличалась жёстким режимом и малейшее его нарушение каралось помещением в карцер, он же ШИЗО – штрафной изолятор, или в помещение камерного типа – ПКТ.

День нашего прибытия выдался солнечным и как-то настраивал на радостное восприятие: ни о каком ограничении прогулки речи не шло, я мог передвигаться в любом направлении, разговаривать с любым из 500 заключённых, и это казалось переходом почти к свободе. По случаю 9 мая у заключённых прибавился выходной, в этот день в зоне никто не работал, и нас пригласили на чашечку кофе несколько лагерных старожилков. Мы расположились прямо на травке, постелив бушлаты и телогрейки.

Нас пригласили: юрист из Ленинграда Юрий Гендлер, Зиновий Троицкий, тоже юрист, из Перми, Николай Драгош и Николай Тарнавский, осуждённые в 1964 году в Кишинёве, и ленинградский инженер Сергей Хахаев. Все они были осуждены по 70-й статье. Были незначительные оттенки, связанные с различ-

ной нумерацией этой статьи в кодексах «союзных республик». Так, на Украине статья 70 носила номер 62, но суть обвинения была одна – антисоветская агитация и пропаганда.

Из перечисленных людей наиболее близким по взглядам к нашей группе был Хахаев. О существовании подпольного «Союза коммунаров» я слышал ещё в 1965 году по пекинскому радио: речь шла о группе инженеров, распространяющих оппозиционные советскому режиму коммунистические взгляды, и китайцы преподносили этот факт как наличие в Советском Союзе скрытой оппозиции, которая, возможно, сочувствует китайской модели коммунизма. Что касается других пригласивших нас людей, они декларировали свои взгляды как антикоммунистические и заявляли себя сторонниками западной демократии. Позже я познакомился с Евгением Вагиным, тоже находившемся в этом лагере, он представлял Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа – и стоял на национально-религиозных позициях. Таким образом, нередко мной предстали все три тогдашних крупных течения среди интеллигенции – праворадикальное, центристское (демократическое) и леворадикальное. Между этими людьми постоянно шёл обмен мнениями, разного рода полемика. Поскольку уже тогда мне стало казаться, что вопросы государственного устройства не являются самыми существенными в человеческой жизни, то, когда меня стали спрашивать, какой из точек зрения на проблему власти я сочувствую, я говорил, что считаю себя анархистом, то есть человеком, который отрицает любую власть, хотя мой тогдашний анархизм был ничем иным, как нежеланием примыкать к какой бы то ни было партии – стойко сохранившимся на протяжении последних 25 лет.

Кирикова поставили работать электриком, а меня сначала определили на подсобные работы и позже перевели на зачистку часовых футляров, чем занималось большинство заключённых. Промышленная зона находилась рядом с жилой, туда можно было попасть, пройдя через двое ворот, открывавшихся по утрам. Между этими зонами на участке земли 20 x 250 м размещались пекарня и огород, промзона помещалась на квадрате 250 x 250 и, таким образом, общий комплекс жилой и промышленной зон представлял огороженный общим забором с колючей проволокой участок, размером 250 x 500 м. В промышленной зоне производство проходило полный цикл: привозили брёвна, а на склад готовой продукции поступали футляры для настенных часов. После этого они отправлялись в Пензенскую область на Сердобский часовой завод, где в них вставлялся собственно часовой механизм. Часы – настенные ходики с гириями, цепочками и кукушкой – в основном раскупались в сёлах и деревнях.

Время от времени на производстве, кроме выпуска часовых футляров, пытались наладить изготовление шахматных досок, и некоторые заключённые делали резные фигуры и доски, сложенные так, чтобы клетки оказывались на внутренней стороне, а на внешней набиралась какая-нибудь картина, пейзаж или портрет. В зоне было много талантливых людей, особо отличались ремесленными способностями литовцы. Заключённый Гимбутас мог вырезать из дерева пасхальное яйцо или кружку с ручкой в виде русалки. Эти изделия высоко ценились, их можно было даже продать надзирателю или обменять на чай или продукты.

Меня поставили работать вместе с молодым поволжским немцем Миллером. Его посадили на 3 года только за то, что, живя где-то в Казахстане или Сибири, он записывал передачи «Немецкой волны», перепечатывал и давал читать знакомым. Когда улучшились отношения между Германией и СССР, Миллер взбодрился, почувствовав, что у него есть шанс добиться разрешения на выезд. Он как-то сказал, что все исторические типы религий себя исчерпали и нужно создавать новую. Для меня такая постановка вопроса была бессмысленной не потому, что она по определению упречна, просто тогда я ещё смотрел на мир глазами человека, который находился в плену коммунистических стереотипов. Однако довольно быстро я почувствовал, что вопрос религии для меня очень важен: ощущение одиночества, отчаяния и безысходности, которое охватывало многих людей, испытавших шок первого ареста, суд, приговор, – уже это заставляет посмотреть вглубь себя. А потом привозят в Мордовию, и я вижу, что большинство людей значительную часть времени уделяет именно религиозным вопросам.

Раз в неделю, по средам, администрация требовала присутствия заключённых на «политчасе». Мероприятие сводилось к тому, что заключённые сходились в секцию одного из барачков и начальник отряда, офицер внутренних войск, зачитывал передовую статью из журнала типа «Коммунист» или сообщение о каком-нибудь международном событии. Я даже затрудняюсь сказать, каков был план этих занятий. Несмотря на то, что они были обязательными, среди людей, осуждённых по 70-й, их было принято игнорировать. Иногда администрация принимала очень жёсткие меры к уклоняющимся от посещения, и выпадали такие недели и месяцы, когда не было ни одного человека, который бы не посетил политзанятия; мне приходилось присутствовать не более чем на пяти за весь срок, и я воспринимал это как вынужденное обстоятельством унижение. Разумеется, если бы не санкции, которые применяла администрация – лишение права получения посылки, продуктов в ларьке, помещение в карцер или ПКТ, навряд ли вообще кто-то на них бы ходил. Однажды в конце одного из политзанятий Игорь Кравцов, осуждённый за украинский национализм, спросил начальника отряда: «Сейчас, в газетах пишут об усилении роли партии – я не совсем понимаю, что значит это выражение, по-моему, власть партии уже тотальна – каким же образом собираются усилить её ещё больше? Что, вместо одного парторга на предприятии будет два? Или увеличат штаты партработников?». Не ожидавший вопроса начальник отряда и сам толком не знал, что означает усиление роли партии. Он сказал: «Я подумаю и через какое-то время вам отвечу».

Иногда приезжали делегации из разных республик, причём трудно было понять, как подбирался их состав. Обычно они рассказывали о том, как хорошо живётся в Советском Союзе, какие успехи социалистического строительства достигнуты в разных областях общественной и государственной жизни. Как правило, во время и после таких лекций никаких вопросов со стороны заключённых не было. Лишь однажды, когда очередная делегация из Украины вышла из столовой, которая одновременно являлась и клубом, мои знакомые украинцы обступили их и стали стыдить: как же вы, украинцы, проповедуете идеологию, которая враждебна вашему народу, и так далее. Было видно, что люди теряются и не знают, что ответить. Не исключено, что им говорили, что здесь сидят особо опасные преступники, от которых можно ожидать самых разных подвохов.

Два раза в неделю крутили кино, и первый фильм, который я увидел в зоне, был снят по сценарию Александра Галича – «Третья молодость», о французском балетмейстере Мариусе Петипа.

Мы стали обживатьаться в лагере.

* * *

Через два месяца произошло событие, поставившее меня перед выбором, и я этот выбор сделал. Среди наших друзей – круг общения определился довольно быстро – были два украинца: Владимир Гринь и Анатолий Шевчук. С 1 июля 1970 года администрация лагеря, на наш взгляд, в нарушение исправительно-трудового кодекса, ввела дополнительные правила, согласно которым нужно было ходить строем в столовую, держать руки за спиной при движении из жилой зоны в промзону. Уточнялось, что администрация делает эти дополнения, исходя из местных условий. Мы же считали, что существующий порядок более чем достаточен и никакие дополнения, которые мы воспринимали как ужесточение режима, не нужны. Гринь и Шевчук отказались подчиняться нововведённым правилам, и им было объявлено, что они лишаются права получения посылки.

Поскольку можно было получить только одну посылку в год весом до 5 кг, да и то лишь по истечении половины срока, выходило, что следующую они смогут получить только через год. И около 20 человек, в том числе и я, в знак протеста объявили голодовку. Состав её участников был многонациональным: русские, украинцы, литовцы и армяне (среди них был Степан Затилян: в 1977 году вместе с двумя другими армянами он был обвинён в устройстве взрыва в московском метро и, несмотря на протесты Сахарова и Армянской Хельсинкской группы, убеждённых в его невиновности, расстрелян). Нас объединяло стремление помочь своим друзьям. Никаких национальных, конфессиональных, политических требований мы не выдвигали.

Голодовка продлилась 7 суток. Первые три дня нас по одному вызывали в штаб, где присутствовали представители администрации лагеря – начальник оперчасти, начальник режима и надзиратель. Они интересовались, почему мы не выходим на работу. Мы отвечали, что проводим голодовку и не считаем нужным выходить на работу. Мне как новичку сделали устное предупреждение, на второй день заявили, что лишают ларька; тех, кто уже имел какие-то взыскания, как Драгош и Тарнавский, предупреждали, что они получают карцерный срок. По истечении трех суток нас поместили в разные камеры ПКТ с целью изоляции, чтобы в случае необходимости применить принудительное питание, и чтобы информация о ходе голодовки не распространялась.

В нашей камере сидело четверо, в том числе и Шевчук; он рассказывал о своём обвинении – ему инкриминировали распространение документов, где утверждалось, что одно из крупнейших книгохранилищ на Украине сгорело не в результате случайности, а было подожжено работниками госбезопасности, которые намеревались таким образом скрыть какие-то невыгодные для советской идеологии документы. Его родной брат в то время был членом редколлегии газеты «Литературная Украина», факт для нас довольно удивительный, – ведь мы привыкли мерить масштабами до середины 50-х и ожидали, что на родственни-

ков тоже будут распространяться какие-то ограничения и репрессии вслед за арестом обвиняемых.

Был с нами и Хахаев. Меня очень интересовали детали их программы, мировоззренческие вопросы; целыми днями мы лежали на матрасах на общем настиле и разговаривали.

В жилой зоне первые трое суток я курил и чувства голода не испытывал. А в камере, несмотря на объявленную голодовку, нам каждое утро ставили в кормушку еду, что можно было воспринимать как дополнительную пытку. Мы отказывались, и еду уносили; все пили только воду. Утром и вечером нас выводили на оправку, туалет находился в прогулочном дворике. На четвёртый-пятый день все чувствовали слабость, к концу недели уже не поднимались, кружилась голова. Мы продолжали наши беседы. Помню, что на шестой день голодовки мы с Хахаевым обсуждали различия в мировоззрении Томаса Мора и Кампанеллы. Несмотря на то, что наше состояние не располагало к внятной полемике, мы спорили очень горячо о предметах, которые в то время представлялись нам крайне важными. Сравнение концепций Мора и Кампанеллы помогло нам разобраться в оттенках социалистического спектра современности, призывы Кампанеллы к жёсткой системе тоталитарного типа и более либеральные взгляды Мора вызывали различные аналогии. Эти размышления поглощали наше внимание, мы забывали о голодовке, и только когда из соседней камеры донёсся голос Зиновия Троицкого, сообщавшего, что администрация приглашает Гриня и Шевчука для получения посылки, мы вернулись к бытовым проблемам и провели предварительное совещание, на котором было решено прекратить голодовку. Правила хождения строем остались в силе, но мы решили, что удовлетворены выполнением одного из наших требований. После этого мы вышли в общую зону.

Один из выводов бытового плана, который я сделал из лагерного бытия, заключался в том, что люди, как правило, страдают не от самого голода, а от страха перед голодом, и это может в критических случаях даже привести к смерти. Потом я нашёл этому подтверждение в книгах об экстремальных ситуациях, в которых может оказаться человек, например, во время кораблекрушения. Мы, в общем-то, не обладали достаточно большими запасами еды, рацион наш был скуден и ограничен, и, тем не менее, мой сокамерник по Владимирской тюрьме Петров-Агатов постился и два дня в неделю вообще ничего не ел. У нас был опыт многодневных голодовок, мы знали об аналогичном опыте наших предшественников, сидевших в 1940–1960-х, и каждый, кто был внимателен к этому опыту, мог прибавить к нему свой собственный. Всё это свидетельствовало о том, что человек, который ставит духовное существование выше чисто земных удобств, в конечном итоге выигрывает по сравнению с человеком, ориентированным на ценности материального порядка: малейшее ограничение или лишение материальных благ делает человека несчастным и он падает духом.

Реакция начальства на голодовку не заставила себя ждать – Тарнавский и Драгош были отправлены во Владимирскую тюрьму, а меня в конце октября посадили на 4 месяца в помещение камерного типа. После выхода оттуда моё пребывание на 19-й зоне было непродолжительным, в конце августа состоялся суд, на котором не было не то что адвоката, но даже обвинителя, просто объявили, что администрация лагеря ходатайствует перед районным судом об изменении мне режима. Со строгого режима я был переведён на тюремный и этапирован во Владимир.

Самым важным с момента ареста для меня было перемещение в качественно иную среду. Восемь месяцев в следственном изоляторе приходилось общаться с людьми, попавшими в заключение по уголовным статьям, их, как правило, интересовали сугубо земные заботы, круг интересов был достаточно привычным и так или иначе знакомым по литературе. Не радовала и библиотека, укомплектованная стандартными советскими произведениями 50-х, из прочитанных книг запомнился только Чехов. И приезд в Мордовию был для меня поворотным пунктом в жизни. Каждый из встреченных мной людей был ещё и носителем какой-то определённой информации.

Как я уже говорил, 19-я зона была самым большим лагерем, в котором, по тогдашней официальной терминологии, содержались особо опасные государственные преступники, то есть осуждённые по статьям 70 – антисоветская агитация и пропаганда и 64 – измена Родине. Сидевших по 70-й было около 50 человек, то есть 1/10 часть лагеря; около 50 человек – люди, попавшие буквально в последние годы по 64-й статье и около 400 человек – «старики», как мы их и они сами себя называли – люди в возрасте от 50 до 70 лет, тоже сидевшие по 64-й статье.

«Измена Родине» трактовалась самым широким образом, обязательным было присутствие политических мотивов: предусматривалось наказание за отказ вернуться из-за границы, бегство за границу с целью причинения вреда советскому строю. Были пункты о нарушении территориальной целостности СССР: если человек заявлял, что он выступает за отделение, скажем, одной из прибалтийских стран или Украины от Советского Союза. Во всех кодексах союзных республик были статьи о нарушении территориальной целостности, по которым предусматривалось наказание от 10 до 15 лет или расстрел. В кодексе Российской Федерации статья о нарушении территориальной целостности СССР отсутствовала, что являлось своего рода показателем того, что советская идеология отождествляла понятие российский и общесоюзный и тем самым усиливала неприязнь национально ориентированных людей ко всему, что было связано с понятием Россия. Это постоянно рождало всякого рода недоразумения, но когда националисты видели, что россиянин не питает к ним враждебных чувств, рано или поздно начинали отвечать ему тем же самым. В конечном итоге я думаю, что, по большому счёту, официальная пропаганда своих целей не достигала: принцип «разделяй и властвуй», конечно, всегда стоял на первом месте, но ему могли противостоять хотя бы простые человеческие отношения, основанные на любви, дружбе, солидарности, взаимопонимании и сотрудничестве, на уважении прав другого человека и другого народа. Так или иначе, советская идеология была бесперспективна.

«Старикам» инкриминировались события, связанные со второй мировой войной, среди них были «полицаи» – люди, в той или иной форме сотрудничавшие с гитлеровцами, власовцы, бандеровцы, участники национально-освободительного движения. Были в то время в Мордовии и «бериевцы» – люди, осуждённые по бериевским делам в 1953 году, но мне не пришлось с ними познакомиться и поговорить, они держались особняком.

Среди «стариков» было резкое расслоение на тех, кто в 40-х служил нацистам, и участников национально-освободительного движения во время второй мировой войны и после неё: бандеровцы и прибалты – лесные, или зелёные, братья. Один из них, Дмитро Синяк, был приговорён к 20 годам. Освободился он в один год со мной и рассказал, что когда его арестовывали в лесу, у него было сильное желание застрелиться, но ему помешали, и теперь он этому очень рад – срок подходит к концу, и он ещё будет жить.

Отношение к «полицаям» было равнодушно-корректным: мы понимали, что люди, которые находятся рядом с нами в 1970 году, это не те люди, какими они были в 1940-х, что они уже так или иначе понесли наказание за участие, скажем, в карательных операциях.

Что касается участников национально-освободительного движения, то они считали молодых украинцев или прибалтов, которых привозили в лагерь, своими преемниками, и между ними существовало духовное родство, поэтому отношение русских к пожилым прибалтам и украинцам неизбежно диктовалось идейной позицией. Если человек сочувствовал демократизации и национально-освободительному движению как её части, он одинаково доброжелательно общался и с молодыми, и с пожилыми украинскими и прибалтийскими националистами, поскольку считал их и себя участниками одного движения. Если же существовали какого-то рода разногласия и идейная конфронтация – я говорю о движении, описанном в литературе, касающейся истории инакомыслия в СССР, которое националисты Украины и Прибалтики воспринимали как великодержавное, стремившееся к сохранению и расширению империи, – национальная борьба воспринималась людьми, называвшими себя русскими националистами, как враждебное движение.

То, что в нашем лагере 400 человек из 500 были людьми старше 50, придавало определённый колорит лагерной жизни – эти люди, в отличие от молодёжи, стремились жить более размеренно, степенно: если человек знал, что ему суждено провести в неволе 25 лет, то он старался не расходовать своих сил понапрасну.

25-летний срок просуществовал до 1958 года – сменился кодекс, и было объявлено, что максимальным становится 15-летнее заключение, но, тем не менее, осуждённые к 25 годам продолжали их досиживать. При мне в 1970 году освобождались два украинца, фамилия одного из них была Фенюк. Они удивляли меня своей жизнестойкостью и доброжелательным отношением к окружающим и миру, и вообще каким-то оптимистическим мироощущением. Но было известно, что в 18-летнем возрасте они были арестованы польскими властями, с конца 30-х сидели в польских тюрьмах, пока на Западную Украину не пришли гитлеровцы, пересадившие их в немецкие концлагеря, из которых они в 1945 году переместились в советские. Просидев практически всю жизнь, они освобождались, перевалив полувековой рубеж.

В конце лагерного срока мне приходилось общаться с Андреем Дубиной, ему было чуть ли не 82 года, и, несмотря на дряхлость – работать он уже не мог, – его продолжали держать в лагере, хотя было понятно, что никакой общественной опасности он не представляет.

«Молодёжь» у нас считались заключённые в возрасте от 18 до 40 лет. Это деление, видимо, имеет какое-то историческое обоснование: люди, которым

во время войны было от 18 до 30, оказывались вовлечёнными в её водоворот, а те, кто сформировался в середине 1950-х, в свою очередь, были порождением 1930-х. Таким образом, существовал пробел лет в 10, который и разбил население нашего лагеря на две возрастные группы: молодёжь от 18 до 40 и стариков от 50 до 70.

* * *

Кроме статей, которые я упомянул, у заключённых могли быть и другие. Так, у нас содержалось около 10 человек, которые сидели в уголовных лагерях и, например, раскидали там антисоветские листовки. Им добавлялась 70-я статья, и они отправлялись в Мордовию или во Владимирскую тюрьму. Иногда их действия диктовались чисто бытовыми условиями, невозможностью по тем или иным причинам продолжать находиться в своей зоне, иногда – желанием выразить недовольство существующей системой. Они как бы переходили в статус инакомыслящих, но предыдущий жизненный опыт и привычки накладывали свой отпечаток на поведение; между собой мы иногда называли их «шурики» – нейтральный термин, обозначающий эту категорию политзэков. Они не имели численного перевеса, и их пребывание в нашем лагере не меняло погоды.

В «Огоньке» где-то в конце 1980-х промелькнула история одного бытовика, которого за листовки отправили на строгий режим; после отбывания срока по 70-й статье он снова попал в уголовный лагерь и освобождился только в конце 1980-х. А к нам посадили его подельника, Володю Бодрунова. Отсидев добавленные 3 года по 70-й, он уехал на Украину, и с тех пор я о нём ничего не слышал. Володя удивил меня тем, что мог подробно изложить суть своего дела, он помнил наизусть сочинённый его старшим по возрасту подельником текст листовки, призывавший граждан Советского Союза к демократическим преобразованиям. Какими мотивами руководствовались эти люди, разбрасывая подобные листовки в уголовном лагере, сказать трудно.

Однажды привезли к нам человека по фамилии Довганич. Он утверждал, что был служащим по хозяйственной части в московском Кремле. Мы называли его между собой «завхоз московского Кремля». По словам Довганича, его арестовали за валютные махинации и посадили в Лефортово – следственный изолятор КГБ по Москве и Московской области. Там он разбросал из окна камеры листовки антисоветского содержания, после чего ему инкриминировали изготовление и распространение этих листовок в пределах следственного изолятора, добавили по 70-й статье 2 или 3 года и направили к нам. Довганич сразу же вызвал нашу настороженность. Раза два он пытался заговорить со мной, рассказывал, что ему приходилось листать книги Даниэля и Синявского, но ничего интересного он там не обнаружил. И сам Довганич и стиль его бесед не располагали к обмену мнениями. В середине 1970-х я встретил фамилию Довганича в газете «Неделя», он писал о том, что люди, которые клеветают на советский общественный и государственный строй и ведут с ним борьбу – отъявленные негодяи. Так он подтвердил репутацию человека, который мог бы сочинить историю о разбрасывании листовок в Лефортово. Очевидно, после всякого рода валютных дел его отправили к нам, чтобы он мог информировать органы о лагерной жизни политзоны.

Из заключённых, попавших к нам из уголовных зон, запомнились хорошо игравший на гитаре Миша Бессонов и уже пожилой заключённый, которого все, тем не менее, называли Толик. Кличка у него была Гитлер (её приводит Синявский в «Голосе из хора»), и тот на неё охотно отзывался.

Как правило, эти люди собирались вместе, у них был свой фольклор, свои темы для разговора. Иногда они могли пригласить кого-нибудь из нас к себе на чашку чая.

Некоторые заключённые становились диссидентами после отбывания срока по «бытовой» статье – Анатолий Марченко, Иван Чердынцев, – но среди «шуриков» таких случаев я не припоминаю, для них это был лишь эпизод в биографии.

* * *

Истории людей, попадавших в политзону, были разнообразными. Обычно вся информация поступала либо непосредственно из текста приговора, где тоже нужно было делать определённую поправку на искажение, тенденциозность как следствия, так и подсудимых, которые могли излагать то или иное событие в непрямом виде, либо из личных бесед.

В лагере я полагал, что проще давать читать всем любопытствующим обвинительное заключение, чем рассказывать о своём деле. Но возникли неожиданные препятствия.

Перед началом суда я встретился в следственном изоляторе со своим адвокатом. Меня вызвали из камеры в специальную комнату, где обычно проходило следствие; там же можно было переговорить с адвокатом. Он попросил для ознакомления моё обвинительное заключение, которое я читал в течение всего декабря 1969 года, после того, как дело было закрыто, и до начала суда. Я, ничего не подозревая, отдал ему этот текст, а после суда адвокат ко мне не подходил.

Во время свидания с матерью в лагере я попросил, чтобы она пошла к адвокату и забрала у него этот документ. Когда она разыскала моего адвоката, он заявил ей, что отдал обвинительное заключение в областной суд. Я обратился туда с просьбой вернуть принадлежащий мне текст обвинительного заключения, и получил совершенно наглый ответ, где было сказано, что обвинительное заключение мне было выдано и я расписался в его получении. Тем или иным образом этого документа лишились и пять моих подельников.

С приговором сложилось иначе: после суда меня вызвал начальник тюрьмы, сказал, что мне даётся час-полтора для чтения приговора, я должен расписаться в том, что ознакомлен с ним, и вернуть. В лагере я попросил текст приговора в спецчасти и, к моему удивлению, мне выдали его без всяких оговорок; то же удалось сделать Куликову. По закону приговор был собственностью заключённого, но в силу самых разных причудливых обстоятельств его то не разрешали иметь, то не разрешали делать выписки, то заявляли, что приговор не подлежит выдаче, оглашению и так далее.

Когда я захватил приговор Вудки, по его разрешению, на свидание с матерью, намереваясь передать его в Саратов (там упоминалась моя фамилия), и у меня его отобрали, Вудка поднял шум, и приговор, кажется, ему вернули. Когда

администрация обвиняла меня в том, что я пытаюсь вынести чужие приговоры за пределы зоны, я отвечал, что наши группы были разделены искусственно, что это одно дело и приговор мне нужен для уточнения формулировок в жалобах и протестах, которые я собираюсь направлять в соответствующие инстанции. Долго на том, что это нарушение режима, администрация не настаивала, но моя любовь к чтению обвинительных заключений и приговоров привела к ужесточению режима моего содержания.

Власти пытались не допустить преданию гласности даже дозволенных документов, связанных с нашим делом (на всех прочих материалах стоял гриф «секретно»), равно как и вообще с политическими процессами. Ряд приговоров, скажем, по делу ВСХСОН, где четверо участников обвинялись в «измене родине», вообще не выдавались на руки. Так же обстояло дело с приговорами людей, осуждёнными за шпионаж, или по делам, которые были связаны с государственной тайной, как её понимали власти. Эти тексты в лучшем случае можно было на несколько часов получить в лагерной спецчасти и сделать выписки.

Если мне удавалось, я прочитывал приговоры, которые вновь прибывшие обычно имели на руках; это, кстати, послужило одним из оснований моей отправки во Владимир – администрации никак не хотелось, чтобы люди узнавали правду о положении в стране, которую можно было по крупицам извлечь из этих приговоров.

Я описываю только то, чему являлся свидетелем, или опираюсь на тексты приговоров и рассказы солагерников.

* * *

Как я уже говорил, из осуждённых за «измену родине» число молодых людей приблизительно совпадало с количеством сидевших по 70-й статье. Это столкнуло меня с самыми разнообразными применениями 64-й статьи, и о нескольких случаях стоит вспомнить.

Довольно подробно рассказывал о себе Константин Сафронов. В начале 1969 года о нем можно было услышать по русской службе Би-би-си. 20-летний москвич, он был призван в армию и попал во флот; заканчивавшие службу моряки относились к нему очень плохо – уже тогда были явления, которые потом стали называть дедовщиной. Их корабль стоял в порту столицы Нигерии Лагосе. Однажды ночью Сафронова охватило такое отчаяние, что он прыгнул за борт и поплыл в сторону берега. Он поднялся на английский корабль, стоявший на причале, и англичане предложили ему отплыть вместе с ними; он владел английским в пределах школы и объяснил, что это ему не подходит. Тогда англичане заявили, что вынуждены выдать его нигерийским властям. Приехал представитель Нигерии, Сафронова посадили в автомобиль и повезли прямо на советский корабль, с которого он прыгал. Там он был арестован и содержался в изоляции. Когда его привезли в Советский Союз, он получил 3 года за «измену родине», хотя нигерийцы, по словам Сафронова, выдвинули условие: они отдают его советским властям только в том случае, если он не будет подвергнут наказанию, так как он добровольно изъявил желание вернуться на советский корабль. Получалось, что если он будет наказан, то нигерийцы как бы выдали

его на расправу. Нигерия была дружественной страной, которая «стояла на пути некапиталистического развития» и вряд ли могла диктовать условия, скорее, это было пожелание. Поскольку оно было выражено на дипломатическом уровне (видимо, нигерийцы всё-таки предполагали, что с ним могут сделать на родине), то возмело определённое воздействие: вскоре после решения военного трибунала генеральный прокурор вынес протест и Сафронову была перекалифицирована статья – вместо «измены родине» ему дали «незаконный переход границы». По этой статье максимальный срок был 3 года, и его отправили из нашего лагеря в уголовную зону, где он и отбыл положенное время. Больше никаких сведений о нём я не имею.

Второй случай я считаю тоже очень показательным для тогдашней ситуации. Как правило, люди, покидавшие воинские части и перебежавшие в другие страны или пытавшиеся это сделать, по решению военного трибунала приговаривались к расстрелу и только позже, когда они попадали в руки советских властей, в каждом конкретном случае заочный приговор пересматривался и выносилось какое-то определённое решение, обычно – 10 лет строгого режима.

Ещё до посадки в БУР – барак усиленного режима, он же помещение камерного типа – ПКТ, я познакомился с киевлянином Лёней Треповым. Позже мы вместе сидели в БУРе, и там он подробно рассказал мне свою историю. Во время арабо-израильской войны он и ещё два его приятеля из Киева служили в Черноморском флоте. Их корабль плыл по Средиземному морю. В июне 1967 года на советском флоте была объявлена боевая готовность. Приятель Трепова по фамилии Диденко попросил Лёню и второго их будущего поделника помочь ему ночью спустить шлюпку, когда корабль будет проплывать мимо Мальты. Они успели только выйти на палубу, часовой поднял тревогу и всех схватили, причём Диденко показал, что они собирались отправиться на Мальту втроём. Трепов был этим возмущён, поскольку у него и в мыслях не было куда-либо бежать. Военный трибунал приговорил всех к расстрелу, и два месяца они провели в камере смертников – в разных камерах, – ожидая исполнения приговора. Потом им было объявлено, что Диденко получает 15 лет особого режима, Трепов 12 лет строгого режима и третий, если мне не изменяет память, его фамилия была Дударев, 10 лет строгого режима. И все трое отбыли этот срок.

Другая история, тоже в каком-то смысле характерная, произошла с моим приятелем по лагерю Виктором Степановичем Комаровым. Я знаю её в самых общих чертах, потому что Комаров никогда детально её не рассказывал. Родился он в 1942-м в Горьковской области, после окончания средней школы закончил училище КГБ или ГРУ, во всяком случае, что-то связанное с разведкой, и был направлен для сбора сведений в Иран. В один из визитов его схватила иранская контрразведка, Комарова на допросах сильно били, в конце концов, предложили ему убраться из страны, причём вернули изъятый при аресте пистолет. Он пришёл в советское посольство, врач зафиксировал следы побоев и истязаний, его отправили в Советский Союз, где инкриминировали сразу три статьи: измена родине, выдача государственной тайны и незаконное хранение оружия, чем он особенно возмущался. Ему дали 10 лет. Комаров долгое время считал, что это – результат недоразумения, что всё прояснится и его очень скоро выпустят. Но проходили годы, и где-то уже к середине срока он понял, что к нему не собираются относиться как к человеку, который исправно служил системе, что для адми-

нистрации он – изменник родины, и тогда он начал писать яркие антисоветские стихи. Освободили его, кажется, на год или два раньше. В конце 1980-х его вдова написала мне из Сочи, что он покончил с собой. Как и при каких обстоятельствах это произошло, я не знаю.

Эти истории, несмотря на свою абсурдность, были довольно характерны в плане выяснения отношений человека и системы. Непрочность существования, в том числе и в этих социальных рамках, провоцировала на размышления. Лёня Трепов, например, стал увлекаться экзистенциализмом.

Были, конечно, и более приземлённые случаи, когда люди, служа в группе советских войск в Германии, перебежали на Запад, побыв там некоторое время, не обживались, не вписывались в тамошнюю действительность; они возвращались и получали свои 10 лет. Может быть, подобные поступки провоцировались закрытостью советского общества, и сам факт нарушения границы оказывался уже достаточным, а последствия не принимались во внимание. Многие иногда сами не знали, для чего они собирались бежать на Запад и не могли объяснить, почему они возвращались обратно. Может быть, некоторые из них и имели какую-то сложную биографию, но излагать в лагере не решались, опасаясь провокаций, которые могли привести к заведению нового дела или, по крайней мере, к ужесточению режима.

Из перебежчиков сразу по приезду я познакомился с Анатолием Нарховым. Был ещё Юрий Карнута, он утверждал, что эта фамилия итальянского происхождения: предки Карнуты несколько веков назад выехали из Италии и ассимилировались в России. Перебежав на Запад, он, по его словам, несколько лет работал в штабе НАТО и практически ни в чём материально не нуждался. Когда его спрашивали, почему же он всё-таки вернулся в СССР, Карнута то ли в шутку, то ли всерьёз говорил, что потянули русские берёзки.

К бежавшим и вернувшимся принадлежал и мой ровесник Евгений Сорокин, окончивший факультет иностранных языков при военной академии в Москве. Его направили в Юго-Восточную Азию, если не ошибаюсь, в Таиланд, он служил в советском посольстве и занимался переводами. Однажды он вернулся в свою квартиру и обнаружил, что в помещении очень душно: не работал кондиционер. Открыв его, Сорокин увидел внутри ящерицу. Тамошние пресмыкающиеся отличались интересной особенностью – они издавали звуки, которые напоминали «о'кей». Он схватил за хвост бормочущую ящерицу и в раздражении выбросил её за окно, в тот же день поругался с женой, пошёл в американское посольство и попросил политического убежища. Сорокина переправили в Америку, около года он работал в Пентагоне, а потом попросил разрешения вернуться в Советский Союз, где ему дали положенные 10 лет.

У Сорокина был приятель по военной школе Николай Петров, мариец по национальности. Примерно в то же самое время, находясь в Индонезии, он попросил политического убежища у американцев. Петров и Сорокин встречались во время учёбы в Москве, потом в Америке и третий раз уже в Мордовии, в одном лагере. Так параллельно шли они по жизни; Сорокин был лейтенантом, а Петров капитаном. Интересно, что в США Петров смотрел телеканал, по которому крутили ковбойские фильмы, а Сорокин всё подряд; во всяком случае, американское ТВ в их жизни занимало больше места, о российской эмиграции и её культурной жизни они ничего не могли рассказать.

Другой случай ближе к середине 1970-х. Работник ленинградского мюзик-холл, Юрий Леонидович Гродецкий и его приятель Александр Иванов во время гастролей в Мексике отправились в американское посольство и попросили политического убежища. Пока запрашивались соответствующие службы, ведающие этими проблемами, они сидели в посольстве и читали книгу Марченко «Мои показания», которую им дали американцы. Разрешение было дано, и прямо из посольства их отвезли в США. Градецкий провёл пресс-конференцию, где заявил журналистам, что остаток жизни посвятит написанию труда, в котором изложит методы борьбы с мировым коммунизмом; это интервью передавали по «Голосу Америки». Сидевший в нашем лагере литовец Рима Чекалис, когда привезли Гродецкого, во время первого же чаепития, сказал: «Когда я слушал ваше выступление, у меня было впечатление, что наконец-то на политической арене появилась какая-то яркая личность, которая объяснит человечеству опасность коммунистической идеологии». Однако спустя 8 дней Гродецкий с Ивановым возвратились в советское посольство и просили вернуть их в СССР. Не знаю, чем это было вызвано, возможно, несерьёзностью первоначального их поступка. Им дали совершенно немислимые для того времени сроки – по 4 года, хотя статья предусматривала наказание от 10 до 15 лет или расстрел, а всё, что ниже 10 лет, считается «ниже низшего предела». Когда мы спрашивали Гродецкого, почему он решил вернуться, тот говорил: «Я внезапно вспомнил, что в Ленинграде у меня осталось двое маленьких сыновей, и мне захотелось с ними повстречаться». За несколько дней до конца срока Гродецкого вызвал кэзгэбэшник, прикрепленный к нашему лагерю, и спросил, куда он хотел бы отправиться после освобождения. Гродецкий сказал: «Конечно, в Ленинград. К своей жене и двум маленьким сыновьям». «Вы же понимаете, – ответили ему, – мы вас не можем пустить в Ленинград, потому что вы особо опасный государственный преступник». «Тогда я выберу Лондон», – пригрозил Гродецкий. После освобождения он около года прожил в Луге, потом, по слухам, уехал на Запад, где, может быть, живёт до сих пор.

Владимир Панченко служил в группе советских войск и перебежал из Восточной Германии в Западную. Панченко устроился работать в фирму по ремонту автомобилей; он поддерживал отношения с советскими эмигрантами. Однажды к нему подошёл человек, представившийся сотрудником советской госбезопасности, и предложил заниматься сбором сведений в среде русской эмиграции: какие у них настроения, как относятся к Советскому Союзу. Панченко согласился. Так продолжалось несколько месяцев, после чего он решил, что, поскольку сотрудничает с ГБ, то ничего особенного не будет в том, что он навестит свою маму в Советском Союзе. Он оформил туристскую визу и полетел в Москву, где был тут же арестован. В приговоре отмечалось, что, учитывая заслуги, которые Панченко оказал советской разведке, ему можно дать ниже низшего предела – дали 7 лет. Когда в лагере к нему подходил отрядный – так назывались офицеры, занимавшиеся административной и воспитательной работой среди заключённых, и предлагал Панченко написать статью для стенгазеты, которая вывешивалась в каждом отряде, Панченко говорил: «Нет, начальник, я теперь никогда ни с какой организацией дела иметь не буду».

Во Владимирской тюрьме я прочитал в газете, что два молодых человека, Гилев и Поздеев, угнали самолёт в Турцию. Власти ходатайствовали о выдаче этих людей, никаких деталей не приводилось; через какое-то время промелькнуло сообщение, что угонщики выданы. По возвращении в Мордовию я видел одного из них.

Суть истории была такова: Гилев с Поздеевым летели на небольшом самолёте, совершавшем местный рейс. Один из них накинул пилоту на голову мешок, а другой сел за штурвал – он обучился управлению самолётом в одной из школ на юге страны – и взял курс на Турцию. Там они заявили о себе как о беглецах из Советского Союза, им предоставили квартиру, где Гилев и Поздеев находились около года. Турки постоянно интересовались их планами, но они не могли сказать ничего определённого: ни жить в Турции, ни отправляться в какую-нибудь другую страну они не собирались. В конце концов они объявили, что надумали вернуться в Советский Союз. Никаких деталей о своей тамошней жизни, кроме того, что они с утра до вечера смотрели телевизор, они не приводили.

Побег Николая Потапова на Запад был удачен. Он жил в Америке, встречался с дочкой Толстого Александрой Львовной, которая предлагала ему работать на толстовской ферме. Он занялся коммерцией и как-то решил пересечь расстояние между Грецией и Турцией на поезде, который проходил по территории Болгарии. Его просто-напросто сняли с поезда и передали советским властям; получил стандартные 10 лет.

Экзотическим был случай Бабур Шакирова. В 1934-м его родители переехали из Узбекистана в Китай, он родился в 1948 году в Шанхае, жил в узбекском квартале, к 15 годам знал арабский, узбекский и эсперанто. Во время культурной революции его отец переехал в Турцию, поскольку были гонения на иностранцев, а Бабур решил посетить родину предков. По его словам, с группой молодых людей он перешёл китайско-советскую границу, побывал в Ташкенте, принял там в 1968-м участие в волнениях на стадионе «Пахтакор», где после одного из футбольных матчей произошла стычка с милицией: толпа болельщиков и жителей Ташкента – тысячи людей – начали громить всё подряд, продолжалось это несколько часов и прекратилось с наступлением темноты. Какого-то оформления эти события не получили, хотя каждый из участников, видимо, вкладывал, в них свой смысл. Шакиров считал, что это была одна из возможностей начать национальное движение против советской системы. Опасаясь преследования со стороны властей и желая встретиться с отцом, он решил перейти границу в Молдавию и через Румынию попасть в Турцию. Его арестовали, судили в 1968-м в Кишинёве и приговорили к 12 годам лишения свободы. Практически весь срок Шакиров отбыл, побывал и во Владимирской тюрьме. С 1963 года он довольно хорошо говорил по-русски, кроме того, изучал испанский. Последние сведения о нём появлялись в «Экспресс-Хронике» – в августе 1992-го он был арестован в Ташкенте как участник оппозиционно-демократического движения. С тех пор о его судьбе мне ничего не известно.

Некоторых задерживали при попытке перехода границы, как Вячеслава Ивановича Миркушова: после армии он поступил на филфак в каком-то украинском университете, через год бросил учёбу и пошёл пешком в сторону Турции. Его задержал пограничный пункт в Армении, во время допроса он сказал, что направляется в Турцию, его тут же передали КГБ, завели дело и осудили на

10 лет лишения свободы. Вот, собственно, и всё. Дело основывалось только на его собственных показаниях и заключалось в намерении перейти границу. Никаких дополнительных сведений, свидетельствующих о враждебных намерениях, или о том, что называется причинением вреда общественному и государственному строю, в деле не имелось.

Когда эти люди заканчивали срок, то, как правило, не могли вернуться на Запад, даже если им и было предоставлено гражданство. Единственный известный мне случай исключения из этого правила – это случай Будулака-Шарыгина. Я видел его мельком, когда Николая Александровича Будулака-Шарыгина вели из БУРа в баню. Украинский подросток, во время второй мировой войны он ухитрился оказаться в Англии, принял гражданство, женился и в начале 1970-х как представитель английской торговой фирмы поехал в Советский Союз. Тут его арестовали и инкриминировали «измену родине»; в таких случаях, как правило, власти подозревали, что у человека есть какое-то скрытое намерение. Будулак-Шарыгин, отбыв срок, смог вернуться в Англию, но произошло это не сразу, а после всевозможных переговоров между Москвой и Лондоном. Сообщение о его возвращении было передано по Би-би-си уже в 1980-х.

Характеризует атмосферу того времени и случай, который произошёл с Владимиром Гринем. Его призвали во флот, он служил дизелистом и, будучи человеком небесталанным, удивлял сослуживцев грамотностью и любовью к знанию. Начальник спецчасти их корабля мог попросить Гриня помочь что-то переписать, составить докладную записку. Гринь демобилизовался. В одном из приморских городов Черноморского побережья зашёл в кафе, к нему подсадились мужчина и женщина, завязался разговор, подвыпивший Гринь что-то рассказывал о своей службе. Когда он вышел на улицу, то не прошёл и ста метров, как его затолкали в машину и отвезли в комитет госбезопасности, где Гриню было объявлено, что он обвиняется в выдаче государственной тайны представителю иностранного государства: человек, с которым он поболтал несколько минут, оказался иностранным военным атташе. Просидев несколько месяцев, Гринь признал себя виновным: ему обещали увеличить срок или даже расстрелять, если он не признает вину. Только в лагере он осознал, что фактически его дело раздуто из ничего: во время следствия даже делался запрос в органы, которые занимаются контрразведывательной деятельностью, не просачивалась ли информация о работе того судна, где служил Гринь, не была ли допущена утечка каких-нибудь секретных сведений. То есть, власти пытались задним числом что-то добавить к единственному факту разговора. Ответ на запрос был отрицательным. Тем не менее Гринь получил 5 лет и, прибыв в лагерь и поняв, что этот случай был использован как предлог для раздувания шпиономании или для того, чтобы следователь, который завёл дело, получил повышение по службе или поощрение за проявленную бдительность, Гринь написал протест, в котором заявил, что обвинение беспочвенно, что он не считает себя виновным и берёт назад все свои показания. Несмотря на необходимость в таких случаях назначения дополнительного расследования, дело пересматривать никто не собирался – Гринь уже находился в другой системе – исправительно-трудовых учреждений. Он просидел свои пять лет, позже уехал на Кубань, обзавёлся хозяйством, возможно, и сейчас в тех краях. Всё это мне известно с его слов и со слов людей, которые беседовали с ним.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов в Мордовии образовался своего рода молодёжный лагерь. Все прибывающие, – а в то время заключённых было, по крайней мере, не меньше, чем в начале 1970-х, – находились в возрасте между 20 и 40 годами. В зоне шло довольно интенсивное общение, что позволило потом выработать разного рода социальные концепции, и если сначала превалировали коммунистические идеи, то впоследствии на первый план стали выходить идеи демократического плана, а затем широкое распространение получили концепции национально-религиозные. Прибыв в начале мая 1970 года в Мордовию, я наивно предполагал, что большинство заключённых по 70-й статье придерживаются промарксистской ориентации, но с удивлением обнаружил, что их удельный вес в общем числе осуждённых за антисоветскую пропаганду невелик и с каждым годом становится всё меньше.

Моё внимание, конечно, привлекали люди, которые интересовались примерно тем же кругом проблем, что и наша группа, в частности, партийными разногласиями 1920-х годов. Довольно яркой личностью был Борис Иванович Бульбинский; он шутил, что его инициалы – Б. И. Б. – напоминают о двух главных врагах, с которыми он должен бороться всю жизнь – буржуазия и бюрократия. Бульбинский родился в начале 1930-х, если я не ошибаюсь, в 1933 году и в конце 1950-х сел на Украине на 10 лет за изготовление некоммунистических листовок. В тогдашних мордовских лагерях содержались осуждённые по статье 58-10, которую в 1958 году переименовали в 70-ю. Он договорился с несколькими сокамерниками, что, как только срок их заключения кончится, они сразу же продолжат пропагандистскую деятельность. В 1963 году Бульбинского выпустили – то ли он написал просьбу о помиловании, то ли подпал под какую-то тенденцию. Бульбинский, Сергей Бабич и ещё один человек, фамилию которого я забыл, освобождаются и тотчас начинают разбрасывать листовки чуть ли не на станциях, через которые едут из Мордовии на Украину. Их довольно быстро арестовывают и дают второй срок – опять 10 лет Бульбину (с 1963 по 1973 он их исправно просидел). Тот же срок дают Бабичу, он дважды делает неудачную попытку к бегству, и срок ему набавляют.

Бульбинский, как только нас привезли, расспросил меня и Кирикова о статье и сути нашего дела. Когда он узнал о концепции нашей группы и характере текстов, которые мы распространяли, то, заговорщически снизив голос, сказал: «Имейте в виду, что в лагере есть настоящие коммунисты, но их очень мало, окружение враждебно относится к нашим идеям, поэтому будьте осторожны». Одним из своих ближайших друзей Бульбинский назвал Витольда Абанькина. Судя по рассказам, он сел за попытку перехода границы в Германии. Беседовать мне с ним не пришлось, позже я узнал, что, когда Абанькина перевели во Владимирскую тюрьму, он стал поддерживать акции протестов и голодовок. В начале 1990-х он излагал историю своей попытки бегства в Западную Германию как целенаправленное действие, предпринятое для продолжения борьбы с советским режимом. Возможно, тот опыт, который он пережил в детстве – знакомство с событиями в Новочеркасске, с другой стороны, советская реальность, – могли сформировать у него определённое оппозиционное отношение к советскому ре-

жиму. Но в момент, когда мы находились вместе в Мордовии, он не общался с нашей демократической компанией, и мне трудно было составить какое-нибудь представление о характере его дела; для меня и моих приятелей он относился к традиционным перебежчикам.

О Сергее Хахаеве и его группе существует сейчас довольно большая литература, впрочем, несистематизированная. Напомню: это был ленинградский «Союз коммунаров», большинство его участников составили выпускники ленинградского технологического института, в середине 1960-х они распространяли программный документ «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», издали несколько номеров журнала «Колокол», летом 1965 года были арестованы и приговорены к лишению свободы от 3 до 7 лет. Между собой мы называли их «колокольчики».

Мне приходилось встречаться ещё с двумя группами, которые, как и мы, разделяли социалистические взгляды. Ворошиловградская группа называлась довольно красноречиво – «Партия борьбы за реализацию ленинских идей». Реализовывать ленинские идеи они начали с того, что ночью подогнали к типографии мотоцикл и похитили 66 килограммов шрифта, который намеревались использовать для изготовления листовки. Милиция очень быстро их раскрыла, дело передали в КГБ. Листовку они изготовить не успели, но поскольку кража была осуществлена не с целью наживы, то делом занимались органы госбезопасности. По делу было осуждено 4 человека – Чеховской, Потоцкий, Белоусов и Хохлов. Все они получили сроки от 3 до 5 лет, что по тем временам было средним.

Свердловская группа называлась «Революционная рабочая партия», по её делу были осуждены братья Пестовы, Берсенева и Шабуров. Чётких программных установок, структурированной оценки современного общества и перспектив его развития у них не было, основное требование заключалось в призыве к улучшению социальных условий и повышению заработной платы рабочим и стипендии студентам.

Из групп, которые изначально декларировали себя как демократические, был «Союз демократического социализма», основанный Николаем Драгошем, работником молдавской средней школы. Он подобрал себе талантливых приятелей – Ивана Чердынцева, Николая Тарнавского и ещё трёх молдаван, которые помогали Драгошу распространять написанный им текст под названием «Правда – народу», даже размножили его типографским способом. Группа просуществовала недолго, её раскрыли в 1964 году. Шестеро её участников прибыли в Мордовию, где я познакомился и подружился с Драгошем и Тарнавским.

Юрист Юрий Гендлер был осуждён вместе с Львом Квачевским в 1968 году в Ленинграде за распространение самиздата. Гендлер принимал участие в составлении первых выпусков «Хроники текущих событий», общался с диссидентами и мог познакомить меня в общих чертах с деятельностью демократического движения. Гендлер часто рассказывал, что видит во сне Америку; он шуточно обращал взор в сторону небольшого хвойного леса, окружавшего нашу зону, и напевал: «Чему ж я нэ сокил, чому ж нэ литаю»... Свою американскую мечту ему удалось осуществить: Гендлер уехал в Штаты и стал заведующим нью-йоркским отделом «Радио Свобода».

Одним из основательных и интереснейших людей в нашей компании был Зиновий Анатольевич Троицкий. Он родился в 1932 году; в 1952 году, учась

в Саратовском юридическом институте, создал с однокурсниками, в число которых входила и его будущая жена, подпольную группу из 5 человек. После вуза он получил распределение в Пермь, работал в областной прокуратуре, защитил кандидатскую диссертацию. В 1958 году эта группа распространила листовки в Саратове. Троицкий говорил, что вначале он стоял на социал-демократических позициях, кружок определял советскую систему как государственно-монополистический капитализм. Позже Троицкий стал всё больше и больше склоняться к демократическим концепциям: левее кадетов, но правее эсеров, как говорил он в шутку.

В середине 1960-х годов его жена, увлекавшаяся эсперанто, получила от одного из своих зарубежных корреспондентов предложение ознакомиться с программой Народно-Трудового Союза. Она проконсультировалась с супругом, который заинтересовался этой идеей. Программу НТС прислали. Троицкие с друзьями, входившими в кружок, прочитали её, в основном одобрили, но не успели ничего сделать в её исполнение, так как вскоре последовал обыск. Оперативники КГБ сразу же спросили, где находится программа НТС. Троицкому достаточно было сделать заявление, что он её прочитал и сразу выбросил, возможно это вполне было бы принято на веру. Он, тем не менее, указал местонахождение программы, – она была запрятана в ёлочную хлопушку, – потому что боялся, что все предметы в доме будут тщательным образом изломаны для того, чтобы обнаружить искомый документ. На всякого мудреца довольно простоты: кандидат юридических наук, человек, который по любому вопросу международных отношений и внутренней политики высказывал основательное и всесторонне аргументированное мнение, тем не менее и почте советской доверился и, побоявшись, что обыск будет такой, что ни одного целого предмета в доме не останется, сам указал оперативникам место, где спрятана программа, хотя её могли бы и не найти. Троицких арестовали, были прослежены все их связи. В приговоре значилось, что Зиновий Троицкий начал свою деятельность с того, что в 1952 году в Саратовском юридическом институте создал антисоветски настроенную подпольную группу, которая собиралась и вела между собой разного рода «политически вредные» разговоры, в 1958 эта группа распространила листовки, в 1965 Троицкий со своей женой получили программу НТС, собрали своих единомышленников и эту программу одобрили. Вот весь криминал, за который он получил 6 лет, а его жена 3 года. Остальные участники группы были привлечены к делу в качестве свидетелей. Такая практика часто применялась: власти решали, что достаточно посадить только активистов движения, а остальных, чтобы не создавать громкие процессы со многими участниками, старались оттеснить на второй план. Те, кто проходил по делу в качестве свидетелей, чувствовали себя находящимися под бдительным оком органов безопасности и в дальнейшем, и, как правило, никакой особой активности не проявляли.

Впрочем, бывали и исключения. Так, Михаил Капранов в 1963 году прошёл свидетелем по делу Ковбасюка; несмотря на это, он продолжал распространять самиздат и в 1969 году был арестован и осуждён на 7 лет. До этого его дважды исключали из Горьковского университета и два раза восстанавливали. Теперь он священник, служит в Барнауле. Он был арестован и осуждён в Горьком вместе со студентами университета Сергеем Пономарёвым и Владимиром Жильцовым. Четвёртым в их группе был преподаватель одного из учебных заведений

Горького Владлен Павленков. Основным в деятельности этой группы было распространение самых разных текстов самиздата. Власти начали их разыскивать после того, как 4 апреля 1968 года они распространили в городе листовку с призывами к обновлению советского общества.

Эти истории демонстрируют степень враждебности, с которой тогдашняя власть встречала любые попытки знакомиться с ситуацией в стране и давать ей оценку. В своё время Вениамин Иофе в одной из статей, посвящённых истории диссидентского движения, справедливо заметил, что если бы большинству преследуемых дали возможность спокойно заниматься социологией, то эти люди принесли бы гораздо больше пользы обществу.

Были группы, которые трудно охарактеризовать как однородные, например, группа Бергера – Брауна – Мальчевского: Николай Браун, сын известного ленинградского поэта, был человеком, ориентированным монархически, позже – одним из активных деятелей монархического движения в распадающемся СССР. Бергер представлялся при знакомстве как русский поэт, его ориентация была, видимо, общедемократической, о Мальчевском трудно сказать что-то определённое. Говорили, что кроме антисоветской пропаганды этой группе пытались инкриминировать какие-то криминальные эпизоды.

* * *

События, связанные с арестом, следствием и судом часто далеко разводили участников одной группы, обнаруживались разногласия и разница жизненных позиций; иногда влияли биографические детали – наличие родственников или детей. Власти это прекрасно учитывали и использовали как повод для шантажа. Гамма условий, которые складывались вокруг каждого участника любой из группировок 1950-80-х, приводила к тому, что все группы, которые организовывались и принимали программу, практически переставали существовать после ареста участников. Иногда это происходило в силу того, что исторический процесс, как однажды выразился Эдуард Кузнецов, шёл в направлении самосознания интеллигенции от неомарксизма через демократию к национализму. Получалось, что люди, которые начинали вместе, как Владимир Осипов и Эдуард Кузнецов, становились участниками национальных движений, один – русского, другой – сионистского, которые могли находиться в состоянии конфронтации.

Исключение составляет правозащитное движение, каждый из его участников мог продолжать деятельность установленных им самим рамках – никаких уставов и организационных моментов тут не было. Широкая база либерально-демократического движения позволяла каждому человеку, даже после отбытия наказания, вновь принимать в нём участие. То же было и с деятелями национальных движений – сам характер участия был обусловлен национальностью и стремлением к независимости своей республики.

Те же группы, которые пытались создавать жёсткие организационные формы, неизбежно распались.

Вообще, чем больше группа противопоставляла себя режиму, чем радикальней она себя ощущала, тем больше она ожидала ответных репрессий, и поэтому арест и следствие проходили более трагично и драматично внутренне и более

конформистски в формах внешних. Каждый из обвиняемых острее переживал конфронтацию с режимом, но, в то же время, опасаясь жестокой расправы, старался вести себя более лояльно. В тех же случаях, когда люди считали, что они стремятся к соблюдению существующей законности, они могли выступать более резко, поскольку чувствовали свою правоту.

* * *

Каждое воскресенье (суббота была рабочим днём) после завтрака мы собирались и пили чай или кофе, дискутировали, обменивались информацией и обсуждали книги и статьи, вспоминали прочитанное до ареста. Так, Гендлер пересказывал содержание книги «10 дней, которые потрясли Кремль» – о венгерских событиях 1956 года, изданной где-то на Западе и содержащей более-менее подробную хронику. В основном общение в зоне происходило в компаниях, которые естественным образом делились по национальному признаку. Украинцы, например, отмечали свои праздники, даты, связанные с жизнью Шевченко, иногда приглашали кого-нибудь из нас. Компания, сложившаяся у нас, условно говоря, была российской, в неё входили люди, стоявшие на демократических позициях. Если воскресенье совпадало с каким-нибудь праздником, собиралось довольно много людей – 20 – 25 человек; мы сидели на траве и пили чай. Была традиция наливать чай в кружку или пиалу и передавать по кругу. Если кружки не хватало, вдогонку пускали другую. Чай заваривался обычно из расчёта 50 г на двухлитровую банку кипятка, средней крепости; цифирь не пили никогда.

Чай, стоивший на воле 36-48 копеек, в зоне шёл за 1 рубль, но получить наличные было не так-то легко, и приходилось либо проносить их со свиданий, либо использовать нелегальные каналы. В общем-то, человек всегда мог рассчитывать, что сможет купить чай, если уж не у надзирателей, то у заключённых, имеющих с ними контакты. В ларьке, как правило, продавались однообразные продукты: дешёвые конфеты-подушечки по рублю за килограмм, маргарин, сигареты, папиросы, махорка, иногда пряники. Где-то в середине 1960-х в местный ларёк-магазин, где можно было покупать продукты за безналичный расчёт, завезли финики без косточек. Стоили они довольно дорого, 1 руб. 80 коп. за килограмм, и администрация объявила, что каждый, кто купит полкило фиников, имеет право на покупку пачки чая. Таким образом, на весь месячный расход можно были купить порядка 1,5 кг фиников и 3 пачки чая. Обычно люди покупали килограмм фиников плюс чай и оставляли немного на сигареты и карандаши с конвертами. Финики разошлись. Было ясно, что их привезли не специально в наш лагерь, просто у местного населения этот экзотический продукт не пользовался спросом и считался роскошью, а заключённые были согласны из-за лишней пачки чая купить всё, что угодно. Чай тоже считался своего рода деликатесом, традиция чаепития была широко распространена во всех лагерях.

В середине 1970 г. произошёл известный случай с попыткой угона самолёта в Ленинграде. Один мой знакомый говорил, что это единственная группа, повлиявшая на политику советского руководства, на её фоне все остальные воспринимались как научные кружки, занятые отвлечённым теоретизированием. По самолётному процессу было осуждено 11 человек, задержаны они были 15 июня 1970 года. Их дело пробило брешь в эмиграционной политике. Проблема эмиграции и, шире, проблема свободы передвижения стала наиболее актуальной именно после процесса самолётчиков в 1970 году. До этого времени переход границы был реализацией права на свободу передвижения явочным порядком, в программах групп эта проблема не рассматривалась, до 1970 года мне не приходилось слышать о группах и организациях, которые целенаправленно занимались проблемой выезда. Любой человек, который пытался явочным порядком реализовать своё право согласно Всеобщей декларации прав человека, подвергался уголовному преследованию по статье «незаконный переход границы» или по статье «измена родине». О тех, кто осуждались за незаконный переход границы, мы знали очень мало, они, как правило, содержались в следственных изоляторах Карелии, Средней Азии, Закавказья, Молдавии и отбывали срок в уголовных лагерях.

Одним из примеров совершенно дикого толкования понятия «измена родине», хотя и само по себе оно абсурдно, был случай с Гороховым, который в 1963 году в городе Ош Киргизской ССР написал заявление с просьбой о переезде в Израиль на постоянное жительство. Как гласит лагерное предание, он был осуждён за это районным судом города Ош на 15 лет лишения свободы по обвинению в «измене родине», и только после апелляции к Верховному Суду Киргизии, который рассудил, что, поскольку советский суд ошибаться не может, а 15 лет это уж слишком, срок ему снизили до 10 лет, и с 1963 по 1973 он полностью его отбыл. Когда к нам стали прибывать люди, осуждённые за самолётное дело, он интересовался у них, нет ли где-нибудь возможности перейти границу. Ему терпеливо объясняли, что не надо предпринимать никаких нелегальных попыток, достаточно написать заявление, что вы хотите выехать для воссоединения с семьёй. Горохов отвечал: «Я уже один раз писал и получил за это 10 лет».

В лагерь в течение года прибывали люди, осуждённые за сионистскую пропаганду, – ребята из Кишинёва, Риги и Ленинграда, в общей сложности, по пяти сионистским процессам. У всех новоприбывших я спрашивал, нет ли у них приговора, и, по возможности, старался запомнить содержание как можно ближе к тексту. В разговоре с одним из участников кишинёвского сионистского процесса, Анатолием Гольдфельдом, я спросил, не будет ли он возражать, если я постараюсь каким-то образом передать огласке содержание их приговора в пересказе, или буквально переписать и переправить на волю – в большую зону, как мы называли территорию СССР за пределами лагеря. Гольдфельд сказал мне, что лично он не возражает, но не знает, как к этому отнесутся остальные 8 его подельников, поэтому, пока не получено согласия этих людей, он не считает возможным давать мне на это и своё согласие. Принцип добросовестности в словах Гольдфельда заставил меня задуматься над тем, что человек несёт ответственность

за информацию, которая принадлежит не только ему, и о том, насколько каждый из нас имеет право пересказывать факты, не являющиеся содержанием его личной биографии. В дальнейшем я подходил к этому вопросу более аккуратно.

Появилась новая микрообщина, ребята с гордостью называли себя сионистами, что было несколько непривычно: в официальной идеологии слово «сионизм» имело резко отрицательный оттенок, а у нас люди воспринимали это как почётное звание. Новая традиция чаепития возникла буквально у нас на глазах – в сионистском кружке каждый пил чай из своей посуды. Когда их приглашали в какую-нибудь компанию, они пили вместе со всеми, если они приглашали кого-то, то предлагали захватить с собой кружку.

Из 11 людей, осуждённых по делу самолётчиков, я встречал Альтмана и Пэнсона. С Альтманом у нас было общее увлечение бардами, он знал много песен Окуджавы и любил их напевать. С Пэнсоном я увиделся уже после того, как вернулся из Владимира.

По рижскому процессу – Мафцера, Шепшиловича и Рут Александрович – запомнился Миша Шепшилович; когда его привезли в лагерь, он ещё не знал, кто есть кто, и опасался откровенно разговаривать с малознакомыми людьми. Я прочитал приговор по делу Шепшиловича, мы ходили, как у нас было принято, по кругу дорожек среди бараков, и я спросил, читал ли он книгу Лема о различных цивилизациях. «Технологию власти?» – уточнил Миша и спохватился, поняв, что оговорился и проговорился о знакомстве с книгой Авторханова. Я перевёл разговор на другую тему, дав понять, что если он даже и читал «Технологию власти», то для меня это не является чем-то из ряда вон выходящим. Хотя, в принципе, если бы кто-то другой донес об этом лагерному начальству, это могло бы вызвать серию следующих вопросов с их стороны: у кого брал книгу, кто ещё её читал, и так далее, чтобы выявить оставшихся на воле людей. Администрация могла прибегать к такого рода сбору информации. Все так или иначе были осторожны в своих высказываниях из-за постоянной угрозы нового срока, который могли прибавить за неосторожные разговоры или какие-то обнаруженные тексты. Такие случаи были крайне редки, наиболее известный – дело Святослава Караванского, который ухитрился, сидя во Владимирской тюрьме, передать свои произведения через жену – Нину Строката-Караванскую для публикации на Западе.

* * *

Судьбы людей в лагере были переменчивы, иногда неожиданная встреча изменяла течение привычной жизни. С нами сидел Миша Вындыш, пытавшийся бежать с корабля и осуждённый по 64-й статье. Он был сиротой, воспитывался в детском доме, кроме сестры у него никаких родственников не было. Не припомню, чтобы он интересовался чем-либо, кроме игры на музыкальных инструментах, до тех пор, пока в лагерь не стали привозить сионистов. Миша вспомнил, что его родители были евреями, и вдруг стал с особой остротой тяготеть к общению с компанией сионистов и в какой-то степени культурно образовываться.

Незадолго до отправки во Владимир я подружился с потомственным литовским националистом Алексасом Пашилисом – нелегальную литературу с при-

зывами к независимости Литвы распространяли его прадед, дед, отец, мать и сам Алексас. Он был националистом настолько, что мог даже сказать, что он скорее язычник, чем католик, как бы напоминая, что Литва приняла христианство только в XIV веке, а литовский язык ближе к санскриту, чем к европейским языкам. Пашилис был очень общительным человеком, и нас с ним несколько раз приглашали на чаепитие сионисты. Местная полицейская общественность, исходя из мифологической аксиомы, что еврей может общаться только с евреем, сделала логический вывод, что Пашилис и Романов до поры, до времени скрывали свою подлинную национальность. К такого рода изысканиям обычно относились иронически, но не считаться с этой атмосферой было нельзя. Когда до нас дошли слухи, что израильское правительство собирается построить на территории Гефсиманского сада стадион, мы решили, что распространять такого рода информацию в лагере не стоит – это было всё равно что подливать масла в огонь. Какие-то неприязненные высказывания в адрес евреев были, об этом пишет Вудка, может быть, и другие мемуаристы. Я не могу сказать, что это имело последовательный и систематический характер, – условия нашего содержания не располагали к конфронтации, мы походили на зверей, которые во время наводнения плывут на одной льдине и вместо того, чтобы грызть друг друга, думают о том, как бы не утонуть; мы понимали, что существует карательная система, которая рассматривает нас как врагов, и по отношению к ней мы находимся в одинаковом положении. Разумеется, были люди, которые сотрудничали с этой системой открыто, как правило, это были нарядчики, зав. столовой, но вокруг них возникал своего рода невидимый барьер. Впрочем, и тут бывали исключения – мне приходилось наблюдать, как надзиратели и заключённые играют в волейбол или бильярд, и было дико смотреть, как палач и жертва дружно играют в одну игру, и то один, то другой выигрывает.

* * *

Ближе к осени 1970 года в нашем кругу появился ещё один человек. К моменту появления меня и Кирикова в лагере он сидел в БУРе за публикацию на Западе книги «Арестантские встречи», в марте 1971 года его перевели во Владимирскую тюрьму. Александр Александрович Петров родился где-то в Сибири 3 ноября 1921 года, умер 15 ноября 1986, прожив 65 лет, из которых 30 провёл в заключении, причем 15 лет он сидел за свои стихи и 15 лет по обвинению в мошенничестве. Он был осуждён в конце 1940-х и сидел где-то до конца 1950-х – начала 60-х. В 1962 году Куйбышевский районный суд г. Ленинграда приговорил его по обвинению в мошенничестве ещё к нескольким годам лишения свободы. После этого Петров был осуждён в 1968 году за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Мне удалось прочитать его обвинительное заключение и приговор по делу 1968 года. В нём говорилось, что Петров, начиная с 1943 года, писал антисоветские стихи, за что был в конце 1940-х осуждён, но на этом не успокоился и в 1968 году собрал свои тексты антисоветского содержания, переписал их в общую тетрадь и вручил жительнице Москвы Елене Загрязкиной, которая передала их в КГБ. Удивительным было то, что Елена Загрязкина и Елена Алексан-

дровна Петрова, дочь, были единственными свидетелями по делу, причём они свидетельствовали о совершенно различных эпизодах: Петрова говорила, что отец читал ей свои стихи, а Елена Загрязкина показывала, что Петров передал ей тетрадь со стихами с просьбой посодействовать их публикации за рубежом. Так или иначе, и в первом и во втором случаях других свидетелей не было, и достаточно было Петрову настаивать, что данные эпизоды не имели места, как всё обвинение бы рухнуло, поскольку для того, чтобы какой-то эпизод был признан юридически доказанным, необходимо иметь показания как минимум двух человек. Но Петров не только не отказывался от подтверждения показаний своей дочери и Загрязкиной, но в конце судебного заседания заявил, что кроме ненависти он ничего к советскому общественному и государственному строю не испытывает. Это был довольно редкий случай: большинство или признавали себя виновными в антисоветской агитации и пропаганде, направленной на подрыв существующего общественного и государственного строя, или говорили, что к строю они относятся вполне лояльно и себя виновными не признают, потому что никогда не пытались с ним бороться. Иногда подсудимые заявляли, что им не нравятся отдельные стороны советской действительности, но такое резкое заявление мне повстречалось только однажды. Петров получил 7 лет (может быть 6, а один ему прибавили как не отбытый по бытовой статье).

Мы иногда вместе отмечали день рождения, в частности, в 1973 году, когда и я, и он вернулись из Владимира, кажется, и в 1974 году. К лету 1975 он освобоёлся и вплоть до 1977 года я получал от него письма из Москвы. В феврале 1977 года в «Литературной газете» была опубликована статья Петрова «Лжецы и фарисеи», в этом же году в «Неделе» появилось несколько его статей, в которых Петров поливал грязью диссидентское движение и наиболее видных его представителей. После этого писем от него я не получал и сам ему не писал. До меня дошли слухи, что его снова посадили за то, что он занял у московских пятидесятников (мне говорили, что Петров-Агатов одно время склонялся к протестантизму) крупную сумму денег якобы на приобретение дома и не возвращал её. В 1986 году он скончался в лагере строгого режима. В 1988 мне приходилось в Москве видеть мужа его дочери, который показывал мне тетрадку со стихами последнего года жизни Петрова, её передали родственникам после его смерти. Стихи были в основном посвящены лагерной и религиозной тематике.

Николай Богач (мой ровесник, учился в техникуме на Кубани, создал группу «Организация массовой борьбы за справедливость»; никакой чёткой программы у группы не было, он считал, что в обществе много несправедливости и нужно как бы с ней бороться, это был, скорее, юношески-романтический порыв; дали ему, если я не ошибаюсь, 3 года) сочинял мелодии на стихи Петрова, Ронкина и исполнял их под гитару. Петров утверждал, что его литературный псевдоним – Агатов, и приписывал себе авторство текста песен из кинофильма «Два бойца», в частности, знаменитую «Тёмную ночь», которая тогда очень часто передавалась по радио. Из публикаций в открытой печати мне известно стихотворение в журнале «Советская милиция» (в № 11 за 1982 год), посвящённое погибшему грузинскому милиционеру и прочитанное на собрании милиционеров в Грузии. Публикация сопровождалась фотографией автора.

Человек он был очень экстравагантный, необычный в поведении, о чём можно найти упоминания в воспоминаниях заключённых Мордовских лагерей

и Владимирской тюрьмы 1960-70-х. Мне попадались воспоминания о нём в журнале «Грани», где были опубликованы письма Юрия Галанскова, в письме Бориса Пэнсона, опубликованном в начале 1970-х в «Вестнике РХД» и в воспоминаниях Зиновия Красивского «Владимирский централ». Мемуаристы более позднего времени однозначно осуждают Петрова, что вполне естественно после его статей в «Литгазете» и «Неделе». В переписке Кронида Любарского и священника Сергия Желудкова, которая была опубликована в бельгийском издательстве «Жизнь с Богом» и впоследствии перепечатана в журнале «Октябрь» под названием «Атеизм и христианство», Любарский даже вынужден оговориться, что переписка относится к середине 1970-х. В то время он положительно относился к Петрову-Агатову, но вынужден был впоследствии изменить свою точку зрения. Красивский отмечает, что Петров соблюдал религиозные предписания, но считает, что делал он это явно небескорыстно. Я не думаю, что в тот момент, когда Красивский общался с Петровым, у него было именно такое впечатление, тем более что после заявления в 1968 году на суде, после публикации «Арестантских встреч», где Петров восхищался ВХСОНовцами, трудно было предполагать, что дальше он будет делать прямо противоположное. Петров-Агатов написал этот текст в лагерной больнице, размножил рукопись в нескольких экземплярах и стал передавать через знакомых, чтобы те каким-то образом вынесли текст на свидание, или – механизмы каждый раз были разными – даже и через надзирателей; такого рода сведения очень тщательно конспирировались. Ему удалось передать книгу за пределы зоны, она попала за рубеж и была там опубликована; позже отрывки из этой повести мне приходилось читать в Имка-прессовском сборнике, посвящённом ВХСОН.

Я могу засвидетельствовать, что во время моего пребывания во Владимире он два дня в неделю ничего не ел: постился по средам и пятницам, в 3 часа ночи вставал на колени и до 6 утра молился. Петров мог давать дельные советы, касающиеся стихосложения, охотно рассказывал о каких-то эпизодах из своих предыдущих отсидок. Моё общение с ним было достаточно ровным, мы никогда не были особо дружны, между нами не было конфликтов. Я вспоминаю о Петрове как о творчески активном и стремящемся к совершенству человеке, хотя трудно сказать, чтобы это стремление обретало гармонические формы. Мне кажется, он был жертвой собственных страстей.

* * *

В октябре 1970 года мы собрались в каптёрке, и Петров читал свои стихи о Гумилёве. Чаепитие было посвящено получению Солженицыным Нобелевской премии по литературе. Вскоре после этого меня посадили в БУР на 4 месяца, там я сидел с Лёней Треповым и Колей Сенцовым. Коля Сенцов, родом из донских казаков, тоже наш ровесник, был перебежчиком – «солдатом», как мы говорили. Потом какое-то время мы сидели в одной камере с Валерием Вудкой и Славой Миркушовым, и 4 месяца пролетели довольно быстро. Раз в неделю нас водили в баню, которая находилась внутри зоны, и в это время наши товарищи старались нас чем-нибудь «подогреть» – передать чай, растворимый кофе, конфеты, сахар, сигареты – то, что запрещалось иметь в помещении камерного типа.

Когда я вышел из БУРа весной 1971 года, в лагерь прибыл Вячеслав Родионов, о котором мне приходилось читать заметку в газете «Правда» ещё в октябре 1970. На последней странице содержалась информация, что в Москве осуждены Макаренко и Родионов, заметка была составлена, как и все сообщения такого рода, сумбурно и невнятно, и понять существо дела было невозможно. Но когда Родионов прибыл, и мы посмотрели его приговор, всё разъяснилось.

У Михаила Макаренко была довольно бурная биография: в 1940 году в 8-летнем возрасте он перебежал из Румынии в Советский Союз и его определили в детский дом; он был, что называется, человеком, который сделал сам себя. Одно из его деяний конца 1960-х – устройство выставки Кандинского и Малевича в Новосибирском Академгородке, где он был директором картинной галереи. Затем Михаилу Яновичу пришло в голову создать «Всесоюзное движение трудящихся за коммунизм», он привлёк к этому делу своего приятеля Славу Родионова, они сочинили обращение к румынским и венгерским коммунистам. Слава посещал посольства этих государств и вручал обращения якобы от двухмиллионной партии, которая нелегально существует в СССР, выражает насущные чаяния советских трудящихся и желает принять участие в международном совещании коммунистических и рабочих партий. На самом деле всё движение состояло из двух человек.

Макаренко с Родионовым были людьми, талантливыми в ремесленном отношении, и значительную часть времени посвящали реставрации купленных в антикварном отделе комиссионного магазина предметов, которые потом сдавали в тот же магазин по, естественно, более высокой цене. Это было расценено советским судом как спекуляция, и Макаренко получил 8 лет, а Родионов 3 года. Это был довольно редкий случай в общей картине приговоров по 70-й статье: у Макаренко и Родионова стостраничный приговор состоял из «антисоветской» части, изложенной на 1 странице, а остальные 99 содержали перечень отравлированных и вновь проданных предметов. Чашу терпения переполнила не столько их реставраторская деятельность, сколько хождения по посольствам и претензии на конкуренцию с компартией. А реставраторство им «повесили» дополнительно, причём в «Правде» акцент делался на том, что люди занимались спекуляцией и незаконной наживой, а попутно изображали из себя борцов за права человека.

Слава Родионов был очень доброжелательным в общении человеком и, в отличие от большинства «семидесятников», находившихся в лагере, умел что-то делать своими руками – резал по дереву; рядом с цехом, где он работал на приклеивании шпон к часовым футлярам, завёл огородик, который тщательно возделывал, это давало нам возможность дополнять свой рацион салатами из культурных растений, наряду с дикими травами, которые росли на территории зоны. Освободившись, Родионов принял активное участие в издании осиповского журнала «Вече» и в основном занимался вопросами христианского просвещения в Советском Союзе. Макаренко после выхода из лагеря уехал в США, и время от времени в западной печати появлялись сообщения, позволяющие заключить, что он продолжает принимать участие в правозащитном движении.

Если мы изучим приговоры по 70-й, то найдём там самые разные эпизоды, в том числе не относящиеся напрямую к антисоветской агитации и пропаганде, которые власти с удовольствием инкриминировали обвиняемым, например, самогоноварение.

По-разному переживаются моменты, связанные с арестом и обыском. Когда пришли к Юрию Львовичу Гендлеру и он понял, что после обыска его арестуют, то сказал следователям, что очень волнуется и хотел бы выпить стаканчик воды из графина, который стоял в комнате. Ему любезно разрешили, он хватанул из этого графинчика стакан самогонки, потом второй, потом, может быть, третий, и к концу обыска гэбэшники с изумлением заметили, что человек, которого они пришли арестовывать, лыка не вяжет, и его пришлось буквально нести.

Прямо противоположный случай был с литовским врачом по фамилии Рудайтис. Это был весьма эрудированный, степенный, аристократического вида человек; за него очень хлопотали американцы. Когда к Рудайтису пришли с обыском литовские гэбисты, он предложил им не торопиться, немного посидеть, выпить, а потом уже заняться делом. Они согласились. Рудайтис налил им достаточно крепкого зелья, они его приняли и через какое-то время, что называется, выпали в осадок. Рудайтис успел бросить в реку пишущую машинку и сжечь все бумаги, и когда пришедшие с обыском проснулись, предложил им обыскать дом. Они, естественно, уже ничего не нашли, о чём был составлен соответствующий акт, но поскольку более молодые и менее опытные подельники Рудайтиса дали какие-то показания, на их основании он был приговорён к 2 или 3 годам лишения свободы, что выглядело бы совсем по-другому, если бы у него нашли какие-то компрометирующие материалы.

* * *

До ареста мне приходилось читать повесть Стругацких «Обитаемый остров». В ней рассказывалось о попытках подпольного движения взорвать некий центр, который своими излучениями действовал на жителей страны таким образом, что они становились покорными властям. Каково же было моё удивление, когда уже в Мордовии я узнал о том, что в середине 1960-х где-то в Казахстане молодой человек по фамилии Ханженков и двое его друзей разрабатывали планы взрыва глушилки. Трудно сказать, носились ли подобные идеи в воздухе, или информация о процессе Ханженкова как-то дошла до Стругацких. Ведь и «Петербургский романс» Галича был написан сразу же после ввода войск в Чехословакию 21 августа 1968 года, но до выхода Литвинова, Горбаневской и других участников демонстрации на Красную площадь: здесь художественное произведение опережало реальность.

Ханженков получил 10 лет за попытку, как это тогда называлось, взрыва. На самом деле имело место лишь намерение, но власти расценили его планы как «начало попытки».

В Петрозаводске другой молодой человек, Эдуард Хямяляйнен, проходя по аллее, где висели портреты руководителей партии и правительства, поджёг несколько из них, это было расценено как антисоветская пропаганда, и он получил 5 лет. Можно предположить, что в любой стране с демократической формой правления дело ограничилось бы штрафом.

В лагере находились несколько человек, о способностях и знаниях которых ходили легенды. Один заключённый, сидевший в конце 1950-х по обвинению в антисоветской пропаганде, настолько хорошо изучил костюмы всех времён

и народов, что его пригласили консультантом на съёмки фильма «Гамлет». Его фамилия была помещена в титрах, несмотря на то, что в те годы такие случаи практически исключались – всякое упоминание фамилии человека, который не только находился в заключении, но даже отсидел, могло появиться в очень редких случаях или в специфическом контексте. Мне не пришлось встретиться с этим человеком, равно как и с Александром Ивановичем Удодовым. Он был сыном генерала и увлекался военной историей, сидел по 70-й. В лагере Удодов мог часами рассказывать в деталях и подробностях о военных сражениях, после освобождения присылал в зону письма с не менее подробными их описаниями, всё остальное было для него несущественным. Кто-то из знакомых рассказывал мне, как Удодову приснился кошмарный сон, в котором он видел себя одним из участников знаменитой битвы. Кошмар заключался в том, что какая-то деталь в его обмундировании не соответствовала форме армии, на стороне которой Удодов сражался. Позже он уехал в Швейцарию, и его имя мелькало в советской печати в связи с тем, что он подвергал критике «западный образ жизни».

Были люди, которых мне не приходилось видеть, но запомнившиеся благодаря своим именам, как, например, Франц Завиркин и Гарри Спиридонов. Англо-ман Спиридонов по паспорту был Игорем, но подчёркивал, что его нужно звать Гарри. Завиркин тоже отличался эксцентричностью поведения, о нём рассказывали, что всех окружающих он считал агентами КГБ, был уверен, что лагерь создан специально для него и даже, когда привезли Синявского, сказал ему: «Ну вот, Андрей Донатович, я-то знаю, что, конечно, у вас звание не ниже капитана КГБ и вам специально сочинили всю эту историю для того, чтобы подослать ко мне». Видимо, это было связано с какого-то рода душевным расстройством.

* * *

В начале сентября 1971 года меня привезли во Владимирскую тюрьму. Как я позже узнал, в конце августа 1971 года 15 человек объявили голодовку в знак протеста против моей отправки с расчётом, что решение о смене лагерного режима на тюремный будет отменено. Среди них были Альтман и Шепшилович, осуждённые по ленинградскому и рижскому сионистским процессам. Как показывает дальнейшая история мордовских, а затем и пермских лагерей, как правило, в общедемократических акциях националисты принимали участие не так уж часто. Но когда речь шла об условиях содержания или об усилении репрессий в общесоюзном масштабе, участием в протестах объединялись представители самых разных национальностей, разных слоёв и возрастов. Эта голодовка продлилась 7 дней и была безрезультатной.

IV

Первые месяцы во Владимире я сидел с Юрием Храмцовым. Нас поместили в камеру, предназначенной для троих человек, во 2-м корпусе, как я позже узнал, больничном – Храмцов уже бывал во Владимире, поэтому взял на себя роль гида и рассказал, какие существуют корпуса, какие раньше были порядки.

Вещи, которые человек привозит после суда в лагерь или из лагеря в тюрьму, просматриваются через рентгеновский аппарат. Спрятанную в шапке иголку – инструмент нужный, но не положенный – проглядели, зато вынули железные ступоры из сапог. Ещё мне удалось пронести пачку цейлонского чая, которую я высыпал в махорку и два месяца потом выбирал по чайinke. Мне удалось заварить его как раз в начале ноября на свой день рождения: мы с Храмцовым поставили алюминиевую кружку так, чтобы можно было нагревать дно, и стали зажигать под ней листы бумаги до тех пор, пока вода не закипела. Заварки набралась спичечная коробка, но чай настолько пропитался табаком, что больше одного глотка мы выпить не смогли.

Храмцов родился в Удмуртии в 1932 году, в детстве остался без родителей, воспитывался, кажется, тёткой. Разорение крестьянства происходило у него на глазах, и впечатления детства настолько сильно повлияли на его мировоззрение, что, когда его призвали в армию и послали служить в Восточную Германию, при первой же возможности перебежал на Запад. Там он принял американское подданство, закончил разведывательную школу и был заброшен в начале 1950-х с одним таким же молодым человеком в Советский Союз. Напарник сдался властям, и им с Храмцовым дали по 25 лет. По слухам, его подельник через 15 лет освободился; Храмцов отбыл весь срок. К тому времени, когда мы с ним были отправлены во Владимирскую тюрьму, он просидел уже 19 лет. Это был человек, большую часть времени уделявший молитвам, внутренним размышлениям, очень немногословный. О своём деле он мне не рассказывал, я знаю об этом с чужих слов; говорили, что в 1952 году была статья в «Правде», где сообщалось о засылке двух шпионов на нашу территорию, назывались их фамилии. Из каких-то мимолётных замечаний – что вот эту пломбу ему поставили в Швейцарии в 1951 году и она до сих пор держится – можно было представить, что какой-то опыт жизни на Западе у него был.

Прибывающих во Владимир сажают на так называемый режим пониженного питания. Я ещё не встречался с ситуацией, когда утром дают 450 г хлеба, в обед миску супа и вечером миску каши и несколько килек – и так целый месяц; кроме кипятка в течение суток больше ничего получить невозможно. Практически это был один обед за полный день. Лагерное питание отличалось существенно: в зоне утром давали кашу, в обед суп и кашу и вечером кашу или что-то наподобие – вроде макарон. Сахар давали и в зоне, и на общетюремном режиме. Хлеба в то время практически можно было есть неограниченное количество, и «молодых» – от 18 до 40 – это сильно выручало, а «старики» обычно ели мало хлеба, и в общем балансе всё уравнивалось. Считалось, что в среднем человек съедает килограмм хлеба в сутки.

За весь месяц пониженного питания был только один случай, когда я смог съесть дополнительную порцию. Вечером давали кашу из кукурузы, она была

не очень питательная, но её вкус мне нравился. Раздававший пищу уголовник, подъехав с бачком каши к нашей камере, вдруг сказал: «Давай ещё раз миску». Я уже успел съесть свою порцию и снова протянул посуду – это было событием!

Когда месяц пониженного питания закончился, нам возвратили продукты, привезённые с собой из лагеря. Друзья положили мне в вещи сгущёнку, но железную банку нельзя было держать в камере, поэтому обслуга вскрыла её, и нам было предложено перелить содержимое в кружку, что мы и сделали, разделив с Храмцовым сгущёнку на несколько дней.

К концу месяца мы оба довольно сильно ослабели, у меня заметно ухудшилось зрение, я стал меньше читать. Но, надо сказать, из-за того, что я в школьные годы и во время учёбы в университете любил фантастику, то наверстал упущенное и прочёл 15 томов Герберта Уэллса. Вечером свет в камере был тёмный, да и днём не очень яркий – окно было забрано решёткой жалюзи, но лампочка над дверью горела круглосуточно. Храмцов брал из библиотеки «Историю России» Соловьёва, иногда читал мне стихи Гумилёва, которые я записывал в тетрадку.

Я хочу поделиться опытом совместного сидения, поскольку считаю, что, несмотря на то, что люди могут быть разными по возрасту, жизненному опыту и идейным устремлениям, они могут, при известных ограничениях, находиться вместе в камере довольно долгое время. В какой-то степени нам повезло, потому что утром после завтрака я обычно ложился спать, слабость как-то располагала ко сну. В 1971-73 годах, пока я был во Владимире, днём лежать на нарах не запрещали, надзиратель особо не вмешивался, хотя были годы, когда это преследовалось, и такое послабление многие рассматривали как очень большую удачу. Я спал примерно до полудня, до обеда, а Храмцов в это время ходил по камере, она была небольшая, 2 x 4 м, там стояло трое железных нар буквой С. Я спал у одной стенки с левой стороны от двери, а Храмцов справа. Раз в сутки нас вывели на прогулку, по возвращении Храмцов ложился отдыхать и дремал до ужина, а я в это время ходил по камере или сидел и читал, после ужина мы с ним по договорённости включали динамик радиотрансляции и слушали последние известия или какой-нибудь концерт классической музыки. Так проходили дни, и практически мы виделись только несколько часов.

Потом нас перевели в 16-ю камеру 4-го корпуса и в декабре добавили ещё трёх заключённых – Тимофеева, Петрашко и молодого литовца Драгунаса, переведённых с общего режима на строгий за какие-то нарушения.

Вадим Тимофеев служил в Восточной Германии и пытался убежать в ФРГ со своими приятелями. 64-я статья предусматривала конфискацию имущества, у большинства этих мальчишек, призванных в армию, такового не имелось, лишь у одного была коза. В приговоре торжественно записали: у осуждённого такового-то конфискуется коза.

Валерий Петрашко был одним из тех редких людей, который, наряду с 70-й статьёй, имел ещё 68-ю – террор. В нескольких словах он описал суть предъявленного им обвинения. Террор заключался в том, что он, его приятель Потёмкин и ещё одна девушка – всем им было по 17 лет – в конце 60-х раскидали в городе Красноярск-45, режимном населённом пункте, куда попасть можно было только по спецпропускам, листовки, подписанные тремя буквами – НМП, что означало Нацистская Молодёжная Партия. Листовками они не ограничились, а сожгли суд, милицию и прокуратуру – вечером забросали здания, очевидно, деревян-

ные, бутылками с горючей смесью; это дало властям повод инкриминировать им не только антисоветскую агитацию и пропаганду, но ещё и диверсию. Поскольку они были несовершеннолетними, им дали по 6 лет, а девушке 5. Это был один из редких случаев, когда мне встретились люди, стоящие на крайне правых позициях, впрочем, какой-то чётко выраженной идеологии или отчётливо сформулированной программы они не имели.

* * *

В начале декабря заканчивался трёхмесячный срок строгого режима, и меня должны были перевести на общий. Мне хотелось попасть на 1-й корпус, где были люди, о которых я много слышал, или мои старые знакомые. Тимофеев уверил меня, что, если я сделаю заявление о том, что не желаю находиться на 4-м корпусе, то меня могут перевести в любой другой. Я заявил воспитателю Федотову (так назывался офицер МВД, прикрепленный к политзаключённым), что не хочу оставаться в 4-м корпусе, и это было воспринято как нежелание подчиниться распоряжениям администрации. Я просто не знал, что существуют правила, когда администрация реагирует только на те ситуации, которые она считает критическими: если бы меня посадили в другую камеру и я заявил бы, что у меня с кем-то из заключённых конфликтные отношения, то меня бы перевели в другой корпус. Администрация в таких случаях считала, что в случае драки или убийства работникам тюрьмы грозит выговор за то, что они не предотвратили эту ситуацию, хотя имелось предупреждение в виде заявления со стороны заключённых. А поскольку у меня конфликта ещё не возникло, а я уже выдвигаю требования, начальство не только не собиралось выполнять каприз заключённого, но и считало необходимым наказывать за любое подобное самовольное желание: меня на 10 суток посадили в карцер.

Карцер располагался в 3-м корпусе и навсегда запомнился крайне суровыми условиями содержания. Горячей едой кормили через сутки – 1 день на жаргоне заключённых назывался «лётным»: ты «пролетаешь» и не получаешь ничего, кроме 400 г хлеба и кипятка; на другой день полагалась в обед миска супа, утром и вечером миска каши. Карцер представлял из себя маленькую тесную камеру, почти неосвещённую, с окошком под потолком в стене напротив двери. Сидел я в декабре, окошко было разбито, хотя и зарешечено, свет через него не поступал, но постоянно дул холодный ветер. Внизу проходила тонкая труба батареи отопления, но было ощущение, что температура не выше 15 градусов. 4 стены, бетонный пол, небольшой каменный выступ, на который можно было поставить миску и кружку – больше ничего. В 22 часа давали деревянный топчан, но из-за холода заснуть сразу не удавалось и, чтобы согреться, я долго бегал по камере, час или два лежал в изнеможении, а в 6 утра топчан забирали, выводили в туалет и умывальник. За стеной сидели два бытовика, один, мой ровесник, всё время просил что-нибудь ему рассказать, мы переговаривались через небольшое отверстие внизу в стене между камерами. Когда его карцерный срок подходил к концу, он сказал, что может оставить для меня в умывальнике кусок тряпки с двумя медными проволочками – её можно было засунуть под куртку и немного отогреться. (Затрудняюсь сказать, откуда взяли проволочки. В тюрьме заклю-

чѐнные приспособляют самые разные предметы для самых разных нужд: клеят коробочки для того, чтобы стряхивать пепел, или превращают зубную щѐтку в нож, затачивая края пластмассовой ручки – мягкий хлеб хорошо разрезался.) Я нашѐл эту тряпку в указанном месте и упрятал под одежду так, чтобы не было видно. Вскоре во время обхода начальник корпуса – утром и вечером они с надзирателем обыскивали камеру – заметил уголок тряпки, торчащий из-под куртки, выхватил её и забрал; сам факт, что у заключѐнного кроме куртки, брюк, трусов и тапочек есть что-то ещё, возмущал начальство.

Так, не разрешалось иметь шапку, тёплые носки и тёплое бельѐ. Где-то по середине моего двухлетнего владимирского срока разрешили доставать из личных вещей тёплое бельѐ, и это немного облегчило наше существование. В камерах зимой было очень холодно, летом жарко, зиму мы спали в одежде, а летом готовы были обливаться водой каждые полчаса.

* * *

Из карцера меня поместили в 17-ю камеру 4-го корпуса. Пока я находился на строгом режиме, в ней сидел Леонид Бородин; когда я вернулся, его уже перевели в другое место. Бородин был известен тем, что сидел по делу ВСХСОН, и, видимо, сразу начал проявлять оппозиционность по отношению администрации, поскольку его отправили во Владимирскую тюрьму. Позже он выпускал самиздатский журнал «Московский листок», получил второй срок; сейчас он редактор журнала «Москва». За время заключения познакомиться с ним мне так и не удалось. Когда он освободился в 1973 году после отбывания 6-летнего срока, то присылал Петрову-Агатову в тюрьму письма и фотографии, из которых можно было узнать какие-то подробности о его жизни.

В камере со мной сидел отец Борис Заливако, которому в то время было около 30. Он, по слухам, вместе со студентом химического факультета Ленинградского университета Анатолием Чинновым решил пойти пешком учиться в Ватикан. Как рассказывали люди, знакомые с их делом, Чиннов пришѐл к выводу о необходимости получить образование у католиков под влиянием чтения сочинений Владимира Соловьѐва. Когда они перешли советско-чехословацкую границу, чешские пограничники выдали их советским властям; судили их в Ужгороде. Отец Борис рассказывал моему знакомому, что когда шло следствие, его поместили в одну из камер изолятора в Ужгороде, стены которой были покрашены в краску, вызывающую утомление глаз и раздражѐнно-подавленное состояние психики. На отца Бориса это настолько сильно действовало, что надзиратель, ходивший в коридоре, посочувствовал ему и посоветовал глядеть в белый потолок, чтобы снять это состояние. Сначала мне показалось, что отец Борис преувеличивает, но позже знакомые художники подтвердили, что можно создать сочетание красок, угнетающе действующее на психику – как может успокаивать зелёный цвет, так есть и сочетания, вызывающие болезненные состояния; видимо, это известно в дизайне. В данном случае это могло быть использовано в качестве эксперимента для деморализации заключѐнных. Чиннову и отцу Борису было предложено признать себя виновными, в противном случае им грозило помещение в психиатрическую больницу, которая в опре-

делённом смысле хуже лагеря. И Чиннов, не признавший вину, был помещён в психбольницу, а отец Борис получил 8 лет и 5 ссылки, отбыл их полностью. Он был человеком очень кротким, немногословным, было видно, что он постоянно про себя молится, по просьбам заключённым устраивались и общие молитвы. В камере отец Борис читал «Жизнь животных» Брэма и книги о природе. Мне он запомнился как очень вежливый, обходительный и внимательный человек, доброжелательный ко всем окружающим. В сибирской ссылке на него продолжали оказывать сильное давление: когда стали приходиться посылки и бандероли из-за границы от людей, желающих помочь ссыльному, в одной из местных газет было напечатано его заявление, в котором говорилось, что в помощи он не нуждается. Это было явно вынужденным действием, потому что сам отец Борис, конечно, никогда не стал бы это писать.

В 16-й камере я встретил Ярослава Лесива, который участвовал со мной в голодовке летом 1970 года в Мордовии; он был осуждён по делу «Украинского национального фронта» в Ивано-Франковской области. Просидели мы с ним всего сутки, и это была наша последняя встреча, на следующий день Лесива перевели в другую камеру, с тех пор я его не видел и только недавно узнал, что несколько лет назад он погиб на Украине в автомобильной катастрофе. Незадолго до этого он принял сан священника.

Сидели в камере два старых украинца, Константин Луш и Андрей Демчишин. Демчишин охотно вспоминал, как проходило провозглашение независимости Украины во Львове во время нацистской оккупации. На какое-то время гитлеровцы разрешили такой акт из тактических соображений, потом всю эту независимость очень быстро прихлопнули, но в то время наивным и неискушённым в политике людям казалось, что это одна из возможностей после многочисленных исторических катаклизмов снова получить независимое государство. Луш и Демчишин были подельниками, их посадили за участие в украинском национальном движении ещё в 1940-е годы. В то время была такая практика: людей, посаженных при Сталине, во время хрущёвской оттепели выпускали, но потом власти по каким-то соображениям приходили к выводу, что можно снова заняться их делами, и их возвращали досиживать сроки. Обычно это бывало с националистами. Как раз такими людьми были Луш и Демчишин. Демчишин удивил меня тем, что, несмотря на свой преклонный возраст – ему было уже около 70 лет, он так и не научился плавать.

Ещё одним украинцем такой же судьбы – посаженным в 1940-е, выпущенным в 50-е, а потом вновь арестованным в 1960-е, был Иван Фарбишевский. Как и Луш с Демчишиным, он не смог получить образования, но все они были очень интеллигентными и доброжелательными людьми, с большой культурой общения – возможно, сказывались общее воспитание, любовь к национальной истории и культуре. Фарбишевский сидел в Казахстане в конце 1940-х, в угольных шахтах он получил силикоз, у него был нездоровый землистый цвет лица. Мне запомнилась его оценка книги «Один день Ивана Денисовича»: Фарбишевский говорил, что всё так точно и подробно описано, что при чтении он представлял именно тот лагерь, где он находился; его жизненный опыт подтвердил достоверность художественного обобщения.

Почти весь тюремный срок я просидел в 17-й камере 4-го корпуса, лишь за несколько месяцев до отправки в лагерь меня и моих сокамерников перевели в 3-й корпус. Камера была на 10 человек, время от времени кого-то переводили в другие корпуса, а к нам приводили других заключённых, состав камеры обновлялся, и мы узнавали новости из Владимирской тюрьмы и с воли – от прибывавших людей, осуждённых после 1969 года. Таким был Олег Воробьёв, осуждённый в Перми вместе со своим приятелем. Подельник Воробьёва ранее сидел по бытовой статье, он помогал Воробьёву распространять самиздат и активной деятельностью не занимался. Ему дали ст. 190-прим и отправили в бытовой лагерь. Воробьёв получил 5 лет и 2 года ссылки, тогда почему-то часто давали именно такой срок – не большой и не маленький. Общение с Олегом Воробьёвым мне много дало в плане расширения кругозора. Ему часто писала знакомая москвичка, и почти в каждом письме были какие-нибудь стихи, которые нельзя было найти в то время в советской печати – Набокова, Мандельштама, Гумилёва, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака из романа «Доктор Живаго». Всё это с удовольствием прочитывалось, стихи, которые мне нравились (а в таком замкнутом пространстве в условиях дефицита информации мне нравилось почти всё), я переписывал в тетрадку и отправлял в письмах домой – я знал, что письма читает не только моя мать, но и приходящие к ней мои друзья. Таким образом происходило своего рода распространение самиздата из Москвы в Саратов через Владимирскую тюрьму. Помнится, освободившийся к тому времени Гинзбург прислал Воробьёву половину «Баллады о вечном огне» Галича, вторую часть он обещал прислать в следующей открытке, но, видимо, она была задержана цензурой. В письмах указывались имена авторов стихов, но это как-то проskalзывало, может быть, указаний изымать именно эти тексты не поступало. Хотя мне рассказывали о каком-то журналисте, который будто бы был осуждён в Казахстане за распространение песен Высоцкого, но не исключено, что кроме этого эпизода в его обвинительном заключении были и другие, которые власти считали более существенными; что касается «попутных» обвинений, то они могли быть самыми разными. Нам, в частности, вменялось в вину распространение письма Раскольниковова, о котором в 1964 году в советской печати довольно открыто говорилось, скорее, в положительном смысле, а в 1967-м Раскольниковова вновь объявили врагом народа, что и дало повод следствию инкриминировать нам этот текст.

Во Владимире мне и моим сокамерникам была дорога каждая весточка с воли. Не могу не вспомнить с благодарностью Моисея Штеренберга, – математик по образованию, он по моей просьбе переписал и прислал в письмо малоинтересную для него статью Белинкова об Олеше. (А в тюремной библиотеке я обнаружил «Историю русской советской литературы», откуда, в свою очередь, с удовольствием переписал главу Белинкова о Тынянове.)

Во Владимире разрешалось отправлять одно письмо в месяц, объём ограничивался вместимостью конверта, и можно было исписать до 12 листов ученической тетрадки. Однажды Воробьёв прочитал мне «Реквием» Ахматовой, стихи настолько понравились, что я в один вечер запомнил их наизусть. Мне

захотелось, чтобы «Реквием» прочитали мои друзья в Саратове, я переписал его и в положенный день отдал письмо для отправки. Вскоре представитель администрации заявил, что письмо конфисковано и посоветовал мне впредь не сочинять таких произведений. Я ответил, что он слишком высоко ценит мои способности к поэтическому творчеству, но до Ахматовой я явно не дорос. Тем самым продемонстрировали свою грамотность люди с офицерскими званиями, поставленные для работы с политзаключёнными. Мне рассказывали, что на процессе Гендлера и Квачевского председатель областного ленинградского суда поинтересовался у подсудимых, потрясая изъятым на обыске рукописным экземпляром «Всеобщей Декларации прав человека», кто из них сочинил этот антисоветский документ. Что касается «Реквиема», Воробьёв записал его в камере уже по памяти, и когда они сидели вместе с Квачевским, то тщательно выверяли текст и разбивку на главы.

Население камеры довольно часто менялось. У нас появился Лёня Трепов, который рассказал, что их держали вместе с Вячеславом Миркушовым в одной камере вдвоём много месяцев, и они почувствовали, что наступает предел, после которого люди начинают конфликтовать, отдавая себе отчёт, что ссоры происходят по совершенно пустячным поводам. По заявлению их рассадили в разные корпуса. Когда через некоторое время в нашу камеру привели Славу Миркушова, они между собой продолжали общаться вполне благожелательно, теперь у каждого из них была возможность не замыкаться друг на друге, поговорить с кем-нибудь из 10 человек и не чувствовать, что в камере только один человек, привычки которого уже начинали тебе надоедать. Администрации иногда использовала такие особенности психики для своего рода пытки – сажал вместе людей, заведомо несовместимых, иногда даже душевнобольных.

Гунар Роде, получивший 15 лет за активное участие в латышском национальном движении, запомнился мне своей образованностью и тактичностью. По слухам, ему предлагали освобождение и работу в привилегированной биологической лаборатории в обмен на публичное раскаяние. Он отказался, хотя здоровье у него было не очень крепкое и тюрьма сказывалась на нём особенно угнетающе.

Позже в камере появился Иван Сокульский, его привезли с 19-й зоны вслед за мной через несколько месяцев, потом Петров-Агатов. Мы очень много времени посвящали обсуждению литературных новинок, читали друг другу свои и чужие стихи.

В заключении часто писали венки сонетов, видимо, это связано с твёрдой формой, способствующей запоминанию. Венки сонетов владимирского заключённого Анатолия Родыгина, с которым мне не довелось познакомиться, был напечатан в «Вестнике РХД». Петров-Агатов говорил, что его стихи производят впечатление «железобетонных», то есть, написаны тяжеломерно.

Когда Иван Сокульский получил 15 суток карцера, то сразу же поставил себе задачу каждый день писать по сонету, и в результате сплёл венок, который назвал «Путь исправления». За ироническим названием могло скрываться что-то более существенное, потому что к тому времени Сокульский считал себя верующим и вместе с отцом Борисом Заливако принимал участие в совместной молитве в камере: отец Борис вставал лицом к востоку, рядом с ним становились Сокульский и Петров-Агатов. Сокульский тогда, видимо, не придавал значения

разнице между православными и униатами и считал, что вполне может принимать участие в совместном служении.

Однажды Сокульский показал мне текст под названием «Общая песня». Я считаю, что образцы лагерного творчества должны сохраняться и привожу её текст. Олег Воробьёв предлагал исполнять его на мотив известной песни из кинофильма «Юность Максима» – «Крутится-вертится шар голубой», что мы не раз и проделывали.

*Нет в мире лучше особой тюрьмы,
Здесь процветаем свободные мы.
Радостно дышится, ну-ка, скажи?
Общие правила, общий режим.
Нам ненавистен стяжательства зуд,
Мы обеспечены правом на труд,
Слова не знаем «моё» и «твоё».
Всё у нас общее, даже бельё.
В доме казённом, прекрасном таком,
Общий порядок, всеобщий закон
Правды захочется – правду ищи.
Общая каша, всеобщие щи.
Скорей привыкайте же, кто не привык:
Общая родина, общий язык.
Хором пропели вам общие мы
Общую песню особой тюрьмы.*

* * *

Разрешалось заказывать печатную продукцию через «Книгу-почтой» и «Союзпечать». Если 2-3 человека выписывали хотя бы по 3-4 издания, за месяц в камеру приходил десяток журналов. Я получал «Природу» и «Литературную газету», украинцы «Литературную Украину». Выписывал я и книги, иногда присылали довольно редкие издания, например, «Неизданный Достоевский» из «Литературного наследства». В камере можно было увидеть сочинения по математической логике, книги из серии «Философское наследие».

Библиотека во Владимирской тюрьме была довольно необычной, она составлялась из книг, конфискованных в 1930-е годы у тогдашних «врагов народа». В майеровском энциклопедическом словаре на немецком, который читал Роде, был штамп «библиотека Коминтерна», рядом стоял другой – «библиотека Владимирской тюрьмы ГУГБ НКВД» – главное управление государственной безопасности народного комиссариата внутренних дел. Из книг, которые я не мог бы увидеть в саратовских библиотеках, мне запомнились «Опыт и система средневекового мирозерцания» Генриха Эйкена, «Боярская дума Древней Руси» Ключевского, изданная во время гражданской войны. Однажды библиотекарь – они были вольнонаёмные – спросила, не хочу ли я почитать Пруста, и протянула мне том «Под сенью девушек в цвету», изданный в «Академии» в начале 1930-х с предисловием Луначарского. Во Владимирской тюрьме мне удалось прочитать

«Письма Асперна» Генри Джеймса в «Иностранной литературе»; стиль этого произведения чем-то напомнил мне Пруста, и я был рад, найдя подтверждение этому в послесловии. Своего рода сенсацией в нашей камере стал роман Хейли «Аэропорт», где описывались такие стороны американской жизни, которые советская пресса старалась замалчивать.

Чтение и общение способствовали тому, что я сдвигался в своих идеологических симпатиях, и всё, что было связано с идеями коммунизма и социализма, мне стало казаться проповедью тоталитарного насилия над личностью. Я очень благодарен своим сокамерникам, которые, несмотря на различие жизненного опыта, идейных установок и характеров, тем не менее, сходились в одном – не должно быть насилия над свободой, если она не затрагивает свободу другого.

Особо ценным были для меня размышления, на которые меня натолкнул Вячеслав Миркушов. Иногда он изъяснялся загадочными афоризмами, которые содержали, на мой взгляд, глубокие интуиции. Сам он очень высоко ценил Гегеля, читал книги по математической логике и восточной философии. Однажды он сказал, что Веды и Пятикнижие Моисея являются ключом друг к другу. Раздумывая над этой фразой, я пришёл к выводу, что эти тексты могут быть поняты только во взаимном их сравнении. Начав сравнивать, я сразу же перешёл к типам культур, которые выросли на их основе, пытаюсь найти сходство и различие. Вкратце суммируя, можно сказать, что существуют два вида цивилизации: одна культурная система, сохраняя неподвижность социальной организации и кастовое деление, тем не менее, создала огромное многообразие философских школ, в то время как другой тип культуры, положив в основание 10 этических заповедей, создал очень гибкую социальную организацию, в ходе которой каждый человек в течение жизни может сменить несколько социальных ролей. В том, что на Востоке сложилась стабильная социальная система с динамичной духовной жизнью, в то время как на Западе – динамичная социальная система, руководствующаяся минимальными этическими правилами, мне усматривался принцип дополнительности. Если провести аналогию с человеческим существованием, то человеку, уделяющему много внимания физическим движениям, действиям, работе, необходимо постоянно иметь в виду набор минимальных правил, который постоянно корректирует его деятельность, в то время как стандартная, изо дня в день повторяющаяся стабильность бытового и социального существования предоставляет человеку возможность для созерцания, интеллектуальной деятельности, формулирования идей и концепций. Позднее я стал развивать эти идеи по линии сопоставления пантеистического и деистического мировоззрений и синтеза их в идее триединого Бога.

По инициативе Олега Воробьёва мы проводили своеобразные вечера народной песни – пели украинские, русские, латышские песни вполголоса, тихо, хором. В пении принимали участие Олег Воробьёв, Гунар Роде, Слава Миркушов, Лёня Трепов и я, иногда подпевали отец Борис Заливако и Борис Быков.

Сидевший с нами в камере Женя Пашнин в то время объявил обет молчания, и когда ему надо было объясняться с кем-то из сокамерников или представителей администрации, он писал на бумаге. В течение года он не произнёс ни слова. Судьба Пашнина была довольно сложной, он сел в Молдавии за попытку создания демократической партии, в дальнейшем его позиции могли быть

охарактеризованы как национально-религиозные. В конце 1980-х он принимал участие в создании и деятельности Христианского Патриотического Союза.

Милицонер из Алма-Аты Борис Быков был осуждён за распространение листовок, призывающих к выполнению решений очередного съезда коммунистической партии. Криминалом был сам факт листовок; возможно, содержащийся в них призыв можно было трактовать как косвенное указание на то, что решения съезда не выполняются – оборотная сторона любого лозунга или призыва. Сам Быков говорил, что его посадили незадолго до принятия статьи 190-прим и будь он арестован чуть позже, то по характеру действий ему никак нельзя было бы инкриминировать статью 70. В лагере и тюрьме он склонялся к русскому национализму, и мне хочется в связи с этим сделать одно уточнение к книге Юрия Вудки «Московщина» (Иерусалим, 1984), где говорится, что конфликт между Быковым и украинским националистом Романом Семенюком произошёл на почве идейных разногласий. Но это была типично камерная бытовая ссора, которая началась при мне.

После обеда Быков играл в домино с Демчишиным и Луцом. Он сказал, что хорошо бы после освобождения уехать в какое-нибудь тихое место, где будет природа и не будет людей, и жить вдалеке от цивилизации. Мы с Семенюком в это время ходили по камере и о чём-то беседовали. Семенюк с иронией заметил, что многие мечтают, что после освобождения уедут в тихие и глухие места, а вместо этого стремятся прописаться в столицах. Надо учитывать лагерную ситуацию, когда слишком эмоциональное высказывание воспринималось как обида: Быков стал допытываться у Семенюка, кого он имеет в виду. Семенюк, поняв, что тот воспринял его слова слишком болезненно, ответил, что не имел в виду никого, а выражался вообще. Быков, видимо, затаил обиду; мы, ничего не подозревая, легли спать, и где-то под утро услышали крик. Нары были сдвоенные, Семенюк спал надо мной, я открыл глаза и увидел, что он прыгнул на пол и хватается за голову, а с виска течёт кровь: ночью Быков ударил Семенюка ребром алюминиевой миски по виску, рана кровоточила. На крик прибежали надзиратели и отвели Быкова в карцер. Семенюка вызвали, он рассказал о характере конфликта, был очень разгорячён и настаивал чуть ли не на заведении уголовного дела. Всё ограничилось тем, что Быков отсидел в карцере, позже претензий к нему не предъявлялось. Это к вопросу о культуре сидения, о том, как люди должны быть осторожны в выражениях, чтобы вся тяжесть камерного общения, когда люди находятся в замкнутом пространстве, не переходила в ненависть: если у людей не возникло симпатии друг к другу, то они должны были хотя бы относиться друг к другу сдержанно.

В «Московщине» встречаются и неточности в отборе информации, ссылки на малодостоверные источники. Иногда Вудка явно отдаёт предпочтение версиям, которые отвечают его концепции: если в камере сидят русский и украинец, то между ними должны возникнуть такие же отношения, как между соответствующими республиками. Вудка тоже сидел с Храмцовым – в книге он не называется, но очень узнаваемо описывается – и они поссорились из-за споров о том, в какое время включать радио. У нас этот вопрос тоже иногда поднимался, но в серьёзные конфликты не переходил. Определённый отпечаток недовольства Храмцовым мог возникнуть, когда тот высказывал, например, какое-нибудь великодержавное, по мнению Вудки, замечание, которое тот мог воспринять

как антисемитское, хотя я не думаю, чтобы у Храмцова были юдофобские настроения. Другое дело, что человек он был весьма своеобразный и мог иногда удивлять неожиданностью оценок. Так, скажем, он безапелляционно заявил, что Гегель – материалист. Сейчас я вообще не стал бы говорить, что Гегеля надо отнести в какую-то категорию, но тогда это замечание показалось мне странным.

Главным было не представительство республик или направлений, а люди. В первую очередь именно в тех условиях играла большую роль общительность человека, его способность к компромиссам, в том числе в бытовом отношении, способность пожертвовать своими привычками для удобства других. Были правила, которые распространялись на всех. Когда мы сидели в 17-й камере 4-го корпуса, каждый день дежурил кто-нибудь из заключённых; независимо от срока, статьи, национальности и возраста, каждый по очереди должен был выполнять определённые обязанности, мыть пол, например, или делить на 10 частей 500 г солёной рыбы, которую нам давали вечером. Новичку говорили: будешь дежурить тогда-то и делать то-то. Как правило, это воспринималось безоговорочно. Исключения могли быть в особых случаях, как с Колей Тарасовым, который вообще ни с кем не разговаривал, что-то бормотал иногда, ходил босиком по бетонному полу камеры. Очевидным было его душевное нездоровье. Вскоре Тарасов отказался принимать пищу, и на третий или четвёртый день его перевели в другую камеру.

Душевнобольным, видимо, был и латыш Артур Ирбитис; его тоже привезли «досиживать» неотбытый с 1940-х срок. Ему было за 50, о деле он почти не рассказывал, но был уверен, что из-за него арестовали всех родственников. В качестве аргумента Ирбитис приводил пиджак своего брата, который он видел на одном из уголовников, когда сидел в рижской тюрьме. С одной стороны, такое могло быть и на самом деле, хотя все понимали, что это маловероятно и, во всяком случае, только этого факта недостаточно. Было видно, что новый арест и вырванность из привычной обстановки его настолько потрясли, что психика с этим не справилась и он уже неадекватно реагировал на окружающее. Что с ним было дальше, не знаю.

Ввиду ограниченности общения и доступа информации поневоле очень ярко запечатлевались какие-то черты, которые в других условиях показались бы малозначимыми. Обострялась способность своего рода интуитивного познания в реконструкции деталей, недоступных непосредственному восприятию в камере. Это касается и умения читать между строк в советских газетах и воспроизводить зигзаги внешней и внутренней политики. В частности, – не знаю, насколько наша догадка относится к реальному положению вещей, но мы заметили, что по радио текст советской песни «Три танкиста» иногда передают с вариантами: когда ухудшались отношения с Китаем, что чувствовалось и по другим публикациям и сообщениям, строчка «в эту ночь решили самураи перейти границу у реки» звучала так: «в эту ночь решила вражья стая»; таким образом, сознание советского человека ориентировалось не на японских самураев, а на некую вражью стаю, под которой подразумевался наш дальневосточный сосед со столицей в Пекине.

Одним из способов общения были граффити в бане, которая полагалась раз в 10 дней. Баня была одна на всю тюрьму, камеры водили по очереди, мы не встречались, но могли на стене написать, что в такой-то камере сидят такие-то и прочитать то, что оставили другие заключённые. Поскольку записи сопровождались датой, мы могли их сопоставить, и таким образом мы практически знали всех заключённых Владимирской тюрьмы.

Одно время Сокульский приспособился вести переписку с Валентином Морозом, который сидел на особом режиме. Мороз в первый раз был осуждён за участие в национальном движении, он издал на Западе книгу о мордовских лагерях «Репортаж из заповедника имени Берии», по возвращении на Украину через какое-то время опять был арестован и посажен на особый режим. Однажды к нашей камере подошла библиотекарь и сказала, что Мороз, который сидит в другом корпусе, – видимо, она недавно поступила на работу, её не успели должным образом проинструктировать, и она полагала, что мы все друг о друге знаем и никакого тут секрета нет, – что Мороз прочитал все свои газеты, они ему больше не нужны и он их вам передает. Когда мы стали читать эти украинские газеты, то обнаружили, что карандашом между строчек написано обращение к нам – напишите, кто сидит, и передайте с газетами. Во время следующего визита библиотекарю мы сказали, что у нас тоже накопились прочитанные газеты и журналы, которые можно передать Морозу. Так продолжалось в течение нескольких недель, пока Сокульский не исписал все белые места на стихотворном сборнике на украинском языке, полученном им по «Книге-почтой» своими стихами. Вскоре, когда нас выводили на прогулку, дежурный офицер вернул Сокульскому эту книгу и сказал, чтобы он так больше не поступал, потому что если это дойдёт до начальника тюрьмы, то вас накажут. После этого никаких книг, журналов и газет у нас не брали.

Было известно, что в 21-й камере 4-го корпуса сидит Буковский – в марте 1971-го его арестовали в Москве и дали сначала пребывание в тюрьме. С ним сидел Василь Кулынин, известный мне ещё по 19-й зоне, потом Кулынина перевели к нам, и он с восторгом рассказывал о Буковском. Мне запомнилось, что Буковский читал только тексты на английском языке и труды по физиологии высшей нервной деятельности. Моё общение с Буковским свелось к тому, что однажды меня вели то ли к зубному врачу, то ли вызвал воспитатель Федотов для какой-то беседы, но в это же время в 21-й камере выдавали ларёк. Когда меня проводили мимо, открылась кормушка, в неё выглянул Буковский, и мы обменялись приветствиями.

Ларёк давали два раза в месяц, и можно было покупать только маргарин и батон на сумму не более 3 рублей, обычно её делили на 2 части; но нельзя было покупать больше, чем 4 батона по 15 копеек и пачку маргарина за 30 с чем-то копеек. Обычно на 90 копеек покупали батон и маргарин, а на остаток – 50 копеек – конверты, карандаши, зубную щётку, зубной порошок. Можно было купить польские сигареты «Клубовые» – такая маленькая пачка с фильтром, очень пресные, невзрачные. Большим спросом они не пользовались: в рацион входила махорка и её, в общем-то, хватало. Те, кто не курил, отдавали свою порцию сока-мерникам.

Иногда на прогулку нас выводили в соседние дворики, и мы через сетку могли перекидывать записки, один раз даже просунули в щель неплотно пригнанной сетки целую книжку. Когда 21-ю камеру проводили мимо нашего дворика, я видел проходящих Василия Кулынина и Якова Берга из Кишинёва, который во всех двориках писал на иврите «шалом», надеясь, что кто-то вступит с ним в переписку. Яков Берг с Гунаром Роде одно время сидели в 4-м корпусе, в «многонациональной» камере: латыш Роде, еврей Берг, украинец Кулынин и русский Буковский.

Однажды, гуляя в прогулочном дворике в 3-м корпусе, я забрался по стене до сетки над двориком, в углу её можно было приподнять. Несколько секунд – в любой момент меня мог заметить надзиратель, и последовало бы наказание – я смотрел на Владимир с высоты 4-этажного дома. Запомнилась панорама города и несколько храмов, выделявшихся своим великолепием. Я видел город практически один раз, тем более не знал ни одной улицы.

Мы знали, что во Владимирской тюрьме сидел Владислав Гомулка, позже там находились Пауэре и сын Сталина; говорили о каком-то леснике, осуждённом потому, что он видел, как расстреливают поляков в Катынском лесу Смоленской области в 1940 году. Может быть, кто-то упоминал, что здесь сидел Даниил Андреев. Тюрьма была достаточно знаменита с конца XIX века, хотя бы Владимирской дорогой, по которой из Москвы шли в Сибирь кандалные этапы – ныне шоссе Энтузиастов. Города мы, конечно, не видели, только знали, что есть Успенский и Дмитриевский соборы XII века, иногда доносился колокольный звон из храма неподалёку от тюрьмы. В качестве обязательного дополнения к нашему рациону приносили областную владимирскую газету «Призыв», мы могли узнавать какие-то местные новости, но, конечно, как и все областные издания того времени, она была заполнена советским официозом, и только по каким-то косвенным признакам можно было получить представление о том, что действительно происходит в области.

Свидание давали раз в год на полчаса, и моей матери приходилось специально выбирать день, отпрашиваться с работы, ехать 800 км до Москвы, потом ещё 200 до Владимира, чтобы 30 минут посидеть напротив меня за столом с перегородкой. Посылок в тюрьму присылать не разрешали, принимали одну бандероль в год весом 1 кг, поэтому родственники или друзья присылали что-нибудь максимально калорийное при минимальном весе – печенье, что-нибудь сладкое, и получавшие бандероль делились содержимым со всей камерой. При скудном владимирском рационе мы, тем не менее, ухитрялись готовить сухарики – вечером клали хлеб на батарею и съедали за завтраком.

В начале 1972 года нам в камеру, где уже было 10 человек, дали новенькую урну, она была прямо с завода, с опилками на дне. Вместо того, чтобы использовать её по назначению, мы насыпали туда свои сахарные порции за 10 дней, налили воды, бросили корочки от батончиков и, завернув в телогрейку, поставили на батарею. Урна стояла около двух недель, и никто из надзирателей не обращал на неё внимания. Мы разлили по алюминиевым кружкам образовавшийся напиток – слабенькая брага типа пива – и потягивали через полые стерженьки от шариковых ручек.

* * *

Когда человек зарабатывал что-то в лагере, деньги находились на его лицевом счету. Родственникам и знакомым разрешалось присылать переводы. Этими средствами разрешено было пользоваться и во Владимирской тюрьме. Но питание и махорку нам выдавали за счёт государства, были люди, у которых на лицевом счете вообще никаких денег не было, и получалось, что нас кормили и содержали бесплатно, в отличие от лагерей, где 50 процентов заработанных денег автоматически отчислялось на наше содержание и на содержание нашей охраны. Видимо, поступило указание, что нужно заставить политзаключённых трудиться, и однажды нас решили определить на работу – это был первый и единственный случай.

Нас повели в рабочий корпус, который стоял отдельно от жилых, дали молнии, которые вшиваются в одежду, и замки к ним. Наша задача заключалась в том, чтобы за рабочий день вставить замки в 3000 молний, дабы потом эту конструкцию можно было вшить в одежду. Мы узнали, что норма установлена для фабрики, где работают вольные рабочие, к тому же там эти операции были полуавтоматизированы, а нам нужно было из одного ящика выбрать замок, из другого молнию, соединить их и положить в третий ящик. Всё это приводило к тому, что такую норму мы выполнить не могли и от силы делали за смену сотни две-три, то есть 10 процентов. Даже непрерывно работавший Ирбитис, который не терял ни минуты, не делал и половины нормы. Он приходил в отчаянье и пытался что-то объяснить представителям администрации. В конце концов, наверху пришли к выводу, что в таких условиях выполнить норму невозможно, а продолжать нерентабельную работу не имело смысла, тем более, что нас нужно было каждое утро выводить на работу, потом заводить на обед, после обеда опять выводить. Сдвигалось время, определённое для прогулки, и хлопот, связанных с этой работой, было, вероятно, больше, чем отдачи. Вся эта история продолжалась около месяца, потом нас снова закрыли в камеру и выводили только на час в прогулочный дворик.

* * *

Из последних своих сокамерников я помню двух пожилых латышей, которых также привезли повторно. Когда я спросил одного из них, в чём он обвинялся, тот ответил: в участии в бандах в конце войны. Я сказал, что в конце войны знал только одну банду на территории СССР, которая сидела в Кремле. Мой собеседник, бывший «зелёный брат», опасливо покосился.

Когда подошёл к концу двухлетний срок пребывания во Владимире, мне было предложено все вещи, которые были в камере – в основном тетрадки с записями, вырезки статей из журналов, – сдать на проверку с тем, чтобы вернуть при отправлении на этап. Этот день наступил, меня отвели на 4-м корпусе в отдельную камеру на 1-м этаже, где находились карцеры, потом вывели и посадили в «воронок». Там уже сидели несколько бытовиков в полосатой форме, что означало осуждённых на особый режим, на мне была серая одежда, которая свидетельствовала о принадлежности к строгому режиму. Они стали спраши-

вать про статью и срок, я ответил. Как правило, эта статья редко встречалась на пересылках, поэтому они стали уточнять, как она квалифицируется. Когда я объяснил, что сижу за антисоветскую агитацию и пропаганду, один из бытовиков начал рассказывать, как несколько лет назад сидел с одним из политзаключённых и подробно расспрашивал у него о программе их группы. Когда тот изложил ему свои программные установки, бытовик задал ему вопрос: а что вы будете делать с нами, уголовниками, когда придёте к власти? Нимало не колеблясь, тот ответил: как сидели, так и будете сидеть. Тогда, говорит бытовик, я взял чайник и стал его этим чайником бить. Я очень живо представил себе эту картину и подумал, что, пока мы едем до вокзала, меня будут расспрашивать о программных установках и планах в отношении людей, нарушивших уголовный кодекс, но в этот момент в тесный боксик напротив посадили двух молодых женщин и, потеряв ко мне всякий интерес, бытовики переговаривались с ними всю дорогу. В вагоне меня посадили в отдельную камеру; вместо купе в таких вагонах – двойные нары, но туда набивают по 10 и больше человек.

Надо сказать, что когда мы встречались с бытовиками на пересылках, они относились к нам с интересом и вполне дружелюбно, у меня никогда никаких конфликтов не возникало, более того, кто-нибудь из них по своей воле помогал мне тащить два больших чемодана с журналами и записями. Мне приходилось слышать историю проехавшего по этапу литовца, у которого возникли напряжённые отношения с окружающими бытовиками, и мне кажется, что такая ситуация могла возникнуть в том случае, если человек каким-то образом демонстрировал к ним пренебрежение, давая понять, что считает себя в какой-то степени выше их.

V

Из Владимира я ехал – меня везли – в одиночестве. В воронке – от вагона до зоны – ко мне подсадили несколько человек. Некоторые возвращались из боличной зоны в лагерь на 19-ю, среди них был сионист Могилевер, осуждённый по ленинградскому процессу Бутмана; его везли в карцер или в БУР. По дороге он рассказал мне новости другой зоны и просил передать какие-то сведения тем, с кем я находился на 19-й.

Когда я прибыл в лагерь, ко мне сразу же подошли два молодых человека, один из них спросил, узнаю ли я его. Поскольку за время моего отсутствия произошли некоторые нововведения – на левой стороне куртки у всех была прикреплена матерчатая табличка, где значились фамилия, инициалы заключённого и номер отряда, – на этой табличке я прочитал: Учитель А. Е. Я действительно видел Александра Ефимовича Учителя в январе 1970 на нашем судебном процессе в Саратове, но тогда бороды у него не было; он был осуждён по делу, связанному с нашей группой в Петрозаводске в том же 1970 году.

У второго на табличке было написано: Белохов В. К., он сказал мне, что он из Саратова. Это, конечно, меня очень заинтересовало, мы сразу же стали разговаривать о характере его дела, и я узнал, что их группа возникла после того, как по городу распространились слухи о нашем осуждении. Выпускник саратовского авиационного техникума Валерий Константинович Белохов, 1947 года рожде-

ния, решил создать свою группу, которую он и его единомышленники назвали «Союз прогрессивного социализма». Надо сказать, что, по словам Белохова, их платформа приближалась, скорее, к шведской модели социализма, это была попытка встать на позиции правой социал-демократии в европейском понимании. К моменту ареста Белохова осенью 1972 года группа насчитывала 11 человек, у них были планы создания радиостанции, которая бы действовала в пределах Саратова и вела передачи, разъясняющие действительное положение в стране. Пытались также издавать журнал «Время перемен», на обложке которого был изображён профиль Ленина. Белохов объяснял это тем, что, поскольку идеи социализма в массовом сознании связаны именно с именем Ленина, то его символическое изображение должно было настраивать людей, которым попадал в руки этот журнал, более спокойно и сигнализировать, что речь идёт о разработке круга идей, знакомых со школы и института. Мне ни один из текстов увидеть не удалось; я надеюсь, что когда-нибудь архивы будут доступны и мы сможем более подробно узнать о том, что представлял собой «Союз прогрессивного социализма». Просуществовал он недолго, 2-3 года, как и наша группа. В 1972-м уже Белохов был арестован и получил 5 лет, кроме него никто не был привлечён к делу.

По прибытии в лагерь меня несколько удивило, что больше не собирается российская демократическая компания. Я спросил у Михаила Капранова, почему в лагере те, кто перед моей отправкой во Владимир как-то держались вместе, сейчас не собираются на совместные чаепития. Он с некоторой иронией ответил, что наступила эпоха персонализма. Скорее это была эпоха национализма – стали резче обозначаться компании по национальному признаку – евреев-сионистов, украинцев, армян, литовцев, русских, эстонцев, но совместных акций они уже не предпринимали. К тому времени образовалась компания молдаван, прибыл Теодор Гимпу, осуждённый вместе с Валерием Грауром и ещё одним пожилым молдаванином за создание «Союза борьбы за освобождение Молдавии от русско-советского ига». Сам Гимпу был работником ЦК комсомола Молдавии и, видимо, какие-то резоны и перспективы у движения в то время были.

Незадолго до моего возвращения из Владимира произошла история, которая, видимо, была в определённом смысле завершающей в истории существования российской демократической компании на 19-й зоне. Связано это было с таким обстоятельством. Должен был освободиться латыш Иварас Жуковскис, ему был передан текст обращения к общественности политзаключённых 19-й зоны, который подписали посаженный в 1972 году за распространение самиздата астроном Кронид Любарский (впоследствии – редактор мюнхенских «Вестей из СССР»), Бабур Шакиров, Виктор Комаров и другие. За несколько дней до освобождения у Жуковскиса был произведён обыск и обнаружен этот текст. Немедленно последовали меры: Любарский, Шакиров и Будулак-Шарыгин были посажены в ПКТ. Комаров в карцер. Кажется, в составлении этого документа принимал участие и латыш Феликс Никманис, с которым мы подружились и часто общались в сентябре-октябре 1973 года, 2 ноября его перевели в другую зону, и я не видел его до 1977 года, когда мне удалось побывать у него в гостях в Латвии. Таким образом, репрессии по отношению к участникам акции привели к тому, что движение сопротивления было временно приглушено и распылено.

Общих многодневных голодовок или требований к администрации об изменении условий содержания не было. Протесты были разовыми акциями декларативного характера, а не конкретным требованием каких-либо перемен. Когда в феврале 1974 года был выслан Солженицын, единственный протест во всей Мордовии написал Евгений Пашнин. В начале ноября 1973 года я вместе с другими политзаключёнными составил протест, приуроченный к годовщине смерти в мордовской лагерной больнице Юрия Тимофеевича Галанскова. Из администрации 17-го лагеря, где сидел Галансков, мне пришла бумага довольно абсурдного содержания, где было написано, что администрация этого лагеря в смерти Галанскова не виновна. Они как бы оправдывались передо мной, что усугубляло неуклюжесть официальной формулировки. В январе 1974 года я написал протест в связи с двухлетней годовщиной арестов на Украине, присоединившись к инициативе украинцев.

* * *

Осенью 1973 года меня поставили на очень тяжёлую работу в кочегарке – каждую смену нужно было забрасывать в топку котла со старых дореволюционных паровозов, которым обогрелась промышленная зона, 3 тонны угля. Вскоре я довольно сильно ослабел и истощал.

В это же самое время в моём мировоззрении произошли резкие и значительные перемены, я пришёл к выводу и почувствовал всем своим существом, что единственным приемлемым для меня мировоззрением может быть только христианство. Благодаря дружеской помощи будущего священника Михаила Капранова, отца Бориса Заливако, который вскоре после этого прибыл в зону, и других заключённых я стал осваивать комплекс знаний, связанных с тем, что вкладывается в понятие христианская религия, и стараться быть не «философствующим христианином», а воплощать свою веру в жизнь. Я переписывал и запоминал молитвы, впервые, благодаря Капранову, сумел регулярно читать Новый Завет. Эта решимость в значительной степени определила мою дальнейшую идейную эволюцию, и с тех пор я не помню такого времени в своей жизни, когда мне хотелось бы изменить выбранному пути. До моего выхода из лагеря в августе 1975 года я большую часть свободного времени уделял изучению христианской доктрины; в определённой степени этому способствовало то, что каких-то общих акций в лагере не было.

Библию иметь не разрешалось, поэтому экземпляр Нового Завета, который мне давал Михаил Капранов, хранился у него нелегально. Однажды я видел Библию, когда мы собирались на один из православных праздников и по очереди читали текст; я обратил внимание, что это была довольно большая по формату книга, которую трудно было спрятать. При обысках надзиратели без всяких оговорок изымали такого рода литературу. Мне рассказывали о случаях, которые могли производиться на администрацию ещё более шокирующее впечатление: у сидевших в лагере свидетелей Иеговы вдруг оказывался свежий номер журнала «Башня стражи», печатавшийся в Бруклине; каким образом он попадал в зону, было совершенной загадкой для всех, кроме самих свидетелей Иеговы.

Мы переписывали послания апостола Павла, Евангелия. Ещё во Владимире Олегу Воробьёву присылали тексты Евангелия от Матфея, и несколько заключённых, сидевших с ним в камере, переписывали их, пока не был сделан большой обыск и все тексты не были изъяты. Но так или иначе они всё равно воспроизводились.

Для меня главным стала ориентация на христианскую систему ценностей, и я старался больше общаться с людьми, которые могли мне помочь в этом отношении. У нас сложился кружок, собиравшийся в основном по праздникам – Евгений Вагин, Михаил Капранов, отец Борис Заливако, Сергей Соловьёв – власовец, арестованный советскими властями много лет спустя после войны во Франции. Иногда нам удавалось беседовать с Василием Калининным – человеком, по-своему уникальным, ближайшим соратником Михаила Ершова, занимавшего видное место среди истинно православных христиан, не признавших советской власти и ушедших в подполье после смерти патриарха Тихона. С самим Ершовым мне не довелось познакомиться. Он умер в июне 1974-го в лагерьной больнице на 3-й зоне. Говорили, что Калинин по мере возможности поддерживал связь с единоверцами за пределами зоны, которые очень чтили Ершова и Калинина и старались всеми способами помогать им.

Истинно православные христиане обвинялись в антисоветской пропаганде, они отрицали всё, что связано с советским образом жизни, не признавали государство, отказывались от работы, поскольку работать можно было только на государство, от службы в армии, от паспортной системы, то есть все гражданские установления советской власти, и, поскольку они об этом открыто заявляли, им «давали» антисоветскую пропаганду. Считалось, что патриарх Тихон перед смертью посвятил несколько человек в епископы, которые, в свою очередь, имели право рукополагать священников и считали себя полномочными представителями Православной церкви, которые вправе производить таинства. О Ершове говорили, что он один из таких епископов, который был поставлен преемником Тихона. Таким образом, Ершов считал себя духовным лицом, полномочным производить священнослужение и совершать таинства, а с точки зрения Московской Патриархии он такими полномочиями не обладал. Калинин был мирянин, который разделял судьбу Ершова. О Ершове мне приходилось слышать отзывы двух человек, которые его видели – Олега Сенина и Михаила Коренблита. И тот и другой говорили о неизгладимом впечатлении, которое произвёл на них Михаил Ершов идущей изнутри добротой и любовью ко всему окружающему, которая буквально излучалась из него – даже в условиях лагеря. По рассказам, Ершов сидел с 1943-го по 1974-й – практически непрерывно. Калинин примерно столько же, дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Людей, осуждённых за религиозные убеждения в первой половине 70-х во Владимире и на 19-й зоне, было немного: власти предпочитали внесудебные преследования и придирки по бытовым статьям, чтобы отрезать их от политлагерей, пресечь возможное распространение информации об их судьбе. У сионистов, например, были родственники за рубежом, и прекратить с ними контакты было крайне затруднительно, соответственно, имела место неизбежная утечка информации. А когда человека сажали в уголовный лагерь, его круг общения резко замыкался и сообщать что-либо о себе, равно как и принимать какие-то сообщения, было очень трудно. Кроме истинно православных христиан, из рели-

гиозников в нашей зоне были свидетели Иеговы; мне приходилось беседовать с молдаванином Руссу, коренастым, с круглой лысой головой. Другой свидетель Иеговы, Костя, здоровый и плечистый, чем-то напоминавший Маяковского, уверовал уже в лагере; срок он получил по другой статье. Свидетели Иеговы часто собирались и беседовали между собой, администрация формально не могла запретить им общаться, разве что при появлении надзирателя все разговоры прекращались. В лагере уверовал и Виталий Синеговский, ставший баптистом.

Заключённые отмечали религиозные праздники. К тому времени администрация решила, что преследовать людей за то, что они заваривают чай или отбирать постоянно изготавливаемые самодельные электронагреватели слишком утомительно, и в здании столовой была отведена специальная комната, где стоял «титан». Помещение сразу нарекли чайханой, там мы отметили Рождество 1974 года, на которое украинцы пригласили меня, Белохова, Мельника и литовца Смайлиса.

Юрий Викторович Мельник носил прозвище «Телетайп», история его такова: молодой человек, весьма одарённый в техническом отношении, Мельник ухитрился изготовить удостоверение сотрудника одного из НИИ и заполучить домой, якобы для научной работы, приставку к радиоприёмнику в виде теле-тайпа; благодаря ей он мог принимать передачи западных радиостанций на иностранных языках, которые тут же распечатывались, и Мельник с приятелями их переводил. Таким образом, он имел возможность, избегая глушения, получать свежую информацию о внутреннем и внешнем положении СССР, за что и поплатился лагерным сроком.

* * *

После того, как я вернулся из Владимира, мне пришлось встретиться с курьёзными случаями осуждения людей по поводам, которые для нас казались довольно ничтожными. Анатолий Меркурьев был осуждён в Ворошиловграде за то, что, купив карточку «Спортлото», написал на ней фразу: «Спортлото – обман трудового народа». На карточку выпал выигрыш, он пошёл его получать, но кассирша сочла карточку испорченной, позвали заведующего, тот сказал, что это хулиганство и надо обратиться в милицию, милиция передала дело в КГБ, и ему дали 5 лет за антисоветскую пропаганду. Приговор Меркурьева читал Белохов, его это очень развеселило, он стал пересказывать его друзьям, и после этого Меркурьев перестал давать свой приговор кому бы то ни было.

Второй случай свидетельствует о том, что госбезопасность иногда пыталась зацепиться за любой повод, чтобы оправдать своё существование. Сергей Нарзулович Рахимов, молодой мастер одной из радиоремонтных мастерских Кишинёва, проходил по улице и увидел своих знакомых студентов, вскапывающих землю в сквере; он спросил, чем они занимаются, ему ответили, что это субботник. А заплатят вам деньги за этот субботник? – поинтересовался Рахимов. Студенты сказали, что нет, это занятие добровольное, и он посоветовал им бросить работу и разойтись по домам. Второй эпизод, который был записан у Рахимова в приговоре, был связан с тем, что на одном из вагонов на железнодорожной станции, предназначенном для отправки за рубеж, он написал какую-то фразу типа

«Да здравствует чилийская хунта», что было явно результатом его озорного настроя. Оба эти случая привели к тому, что его осудили на 2 года лишения свободы, вдобавок по возвращении в Кишинёв он получил административный надзор.

Не менее странным было дело Николая Сирика, который был осуждён по бытовой статье по малолетке, а потом, как сказано в приговоре, зашёл в помещение школы (в колонии для малолеток, да и в нашей зоне существовала школа для тех, кто не успел получить среднее образование, в специальных бараках были отведены комнаты, где вели занятия вольные учителя), сорвал портрет одного из руководителей КПСС и на его место повесил свой карандашный рисунок, изображающий Гитлера. За это Сирику добавили к сроку 5 лет за антисоветскую пропаганду и направили к нам на 19-ю зону. Это, разумеется, не было проявлением какого-то устойчивого мировоззрения или сложившейся системы взглядов, скорее ироническим издевательством или проявлением индивидуального протеста под настроение и в нестандартных формах; в любом случае, каралось деяние явно неадекватно.

Мне вспоминается также дело Владимира Топчия, студента Луцкого пединститута; по слухам, его отец был начальником лагеря где-то на Севере. Некоторые заключённые, склонные к умозрительным построениям, усматривали в судьбе Топчия своего рода кару за карьеру отца. Как рассказывал Топчий, его обвинили в изготовлении нескольких экземпляров листовки, которая состояла из трёх слов: «Все на страйк»; «страйк» по-украински – забастовка. Листовка была подписана: «Подпольная организация Луцкого пединститута». Вся подпольная организация состояла из одного Топчия, и вся программа ограничивалась призывом к забастовке; это был, скорее, факт фрондёрства. Когда Топчия привезли к нам, то поначалу, то ли из-за безобидности его дела, а может быть, и потому, что за него хлопотал отец, его поставили на относительно лёгкую работу, не требовавшую физических усилий, кажется, контролёром ОТК, который проверял готовую продукцию и ставил штамп соответствия стандарту. Но когда не стало хватать рабочих рук в цехе, где разгружали брёвна, Топчия решили перевести туда. Он отказался, получил 15 суток карцера, после чего вынужден был грузить брёвна. Видимо, всё это его как-то деморализовало, возможно, и до этого были какие-то предпосылки к душевной неуравновешенности, да и само его дело носило фантастический характер: как и кого агитировала эта листовка, к какой забастовке она призывала, зачем нужна была подпись, сыгравшая роковую роль? Когда я вернулся из Владимира, Топчий уже освободился; к тому времени его душевный дисбаланс, видимо, усилился: сионисты мне рассказывали, что он писал какие-то бессвязные тексты под названием «Послание к евреям», которые клал им под подушку в их отсутствие; в курилке, которая одновременно служила умывальной комнатой, прилюдно падал на колени и восклицал: «Я зверь 666». Отсидел он 3 года, что с ним было потом, мне неизвестно.

Одним из курьёзов было дело инженера Юрия Васильева из Ленинграда; он пришёл к идее классового строения советского общества, изготовил на эту тему несколько листовок, одну направил почтой соседу по квартире, желая узнать его мнение, а другую вложил в конверт, надписав «Здесь. Эдите Пьехе» и тоже бросил в почтовый ящик, очевидно, полагая, что адрес всесоюзно известной певицы на почте должны знать. Конверт был вскрыт и направлен в КГБ. В лагере Васи-

льев стал интересоваться иглоукальванием и новозаветной литературой, о его дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

Из Ленинграда привезли к нам и Володю Гаврилова, который был простым рабочим, жил в очень стеснённых условиях и часто питался впроголодь. Первое время он даже считал, что в лагере ему стало посытнее и более вольготно, чем на воле: хлеба можно было есть неограниченное количество и сначала он чувствовал себя как бы переведённым на санаторно-курортный режим. Срок у него был 3 года; по слухам, он уехал в Америку и женился на миллионерше.

* * *

По возвращении из Владимира я познакомился со стариком, которого звали Василий Фёдорович Воробьёв-Воробей. Он утверждал, что родился на территории Польши и не принимал гражданства ни одной страны. Теоретически Воробьёв-Воробей мог бы потребовать создания для себя отдельной зоны, но тогда бы ему пришлось общаться исключительно с надзирателями, и поэтому он избрал иную тактику: когда ему надоедала зона, где сидели советские политзаключённые, Воробьёв-Воробей обращался к начальству и напоминал, что не является советским подданным и его переводили в зону для иностранцев. Через некоторое время он заявлял, что не является иностранным гражданином, и его снова переводили в зону, где находились советские зэки. К середине 70-х годов он оказался в 19-м лагере. Помимо запоминающейся внешности, совершенно седой головы и энергичной жестикуляции, Воробьёв-Воробей отличался рассказами о невероятных событиях. В БУРе он поведал Кронида Любарскому и Будулаку-Шарыгину, что во время первой мировой войны царский генерал по фамилии Шкура захватил Дели и собирался присоединить Индию к Российской империи, но что-то ему помешало. В награду за взятие Дели царь даровал ему право для благозвучия переименовать себя в Шкуро. Любарский стал возражать, что в школьных учебниках истории об этом эпизоде не упоминается. «В советских учебниках вообще ни слова правды», – невозмутимо отвечал Воробьёв-Воробей. «Но я учился в английской школе, сказал Будулак-Шарыгин, – и нам тоже об этом не говорили» «Естественно, – подтвердил Воробьёв-Воробей, – разве англичане когда-нибудь признаются, что русский генерал сумел захватить столицу Индии, находившуюся в то время под британским владычеством?» Иногда он вспоминал послевоенные времена, когда сидел в одном из северных лагерей. По его словам, начальник лагеря развлекался тем, что приказывал выдолбить на реке две проруби метрах в двухстах друг от друга, и зэки с утра до вечера таскали вёдрами воду и переливали из одной проруби в другую. Эта история, к сожалению, уже не казалась вымыслом.

А Гриша Рябчун был посажен по малолетке в конце 40-х и отправлен на урановые рудники, бежал, его поймали и прибавили срок. Рябчун был совершенно лысым, он был очень замкнут, редко разговаривал, было видно, что это человек добрый, но уставший от пережитого и потерявший интерес к жизни. Мне приходилось видеть человека, который в течение года ожидал исполнения смертного приговора. Он тоже обращал на себя внимание тем, что после работы занимался только игрой и домино, он почти не разговаривал. Рябчун тоже практически ни

с кем не общался, я беседовал с ним раз или два, он говорил, что у него не осталось ни родных, ни знакомых, и единственная его возможность как-то устроиться после освобождения, это поехать к такому же, как он, бывшему заключённому куда-то в южные края, где теплее и жизнь полегче.

С Рябчуном я виделся в начале 70-х. Я не решался расспрашивать его: можно было навлечь на себя подозрения в том, что ты что-то выведываешь для доносов администрации, но в то же время люди не могли совсем не рассказывать друг другу что-то о себе. Однажды я присутствовал при споре двух власовцев о том, с чего начиналась присяга в армии Власова. Они никак не могли прийти к общему мнению, может быть, потому, что служили в разных подразделениях. У Славы Айдова не было такого внутреннего тормоза, и он часто расспрашивал бывших полицаев и власовцев о тех местах, где им приходилось бывать, о сражениях и эпизодах второй мировой войны. Многие отвечали откровенностью на его любознательность, вполне доверяя ему, да и полагали, что какие-то эпизоды их биографии имеют уже только исторический интерес. К сожалению, Слава не был профессиональным историком, и его интерес был вызван желанием как-то расширить свой кругозор. Когда он рассказывал мне об этих беседах, я досадовал, что многое упустил. (Айдов был поделельником Якова Берга, они собирались распространять листовки общедемократического характера и разработали конструкцию множительного аппарата, который должен был делать копии с огромной скоростью. Дальше проекта дело не пошло, кто-то из знакомых их выдал, их вдвоём судили в конце 60-х – начале 70-х в Москве, потом Айдов стал жить в Кишинёве).

* * *

Когда речь заходит о такой пёстрой мозаичной картине, как политлагерь первой половины 70-х, в ней можно увидеть самые разные моменты – от комических до трагических. Идиллический внешний вид, скажем, санчасти – небольшой побелённый домик, рядом газон с цветами, лавочка, скамейки, несколько берёзок, – почти санаторий, – никак не соответствовал трагедиям, которые разыгрывались у нас в зоне. Вскоре после приезда в лагерь я обратил внимание на старика, который ходил по несколько дней заросший щетиной, хотя в 1970 году разрешалось носить бороду, и люди либо её отпускали, либо брились, а вид этого старика со щетиной был какой-то запущенный. Фамилия его была Кожинов. Однажды он подошёл ко мне и спросил, есть ли у меня родители. Да, ответил я, в Саратове осталась мать. Ты уж старайся относиться к ней почтительно, сказал он. Через несколько дней я с ужасом узнал, что в рабочей зоне Кожинов вскрыл себе живот ножом, оставив записку: не хороните меня живым. Ему было около 60, говорили, что он был в 50-х партийным работником, коммунистом, разумеется, на Украине и оказывал какую-то поддержку украинским националистам, за что получил 25 лет. Осудили его где-то в 1957-1958 годах, просидел он 13 лет и рассчитывал, что по половине срока его отпустят, но все его кассации отклонялись и, видимо, он считал, что не сможет выдержать ещё столько же.

Другой случай произошёл, когда я вернулся из Владимира. В лагере могли годами держать тихо помешанных, и никто не собирался их списывать и

активировать. С одним из таких людей, стариком, я ехал в воронке, возвращаясь на 19-ю зону. Его везли в БУР, причём по его собственной просьбе, потому что у него постоянно возникало стремление бежать за пределы зоны, и он понимал, что поддайся он этому желанию, его просто пристрелят с вышки. Он повесился в помещении камерного типа во второй половине 1974 или первой половине 1975 года. Ещё один самоубийца – санитар санчасти Козел, из полицаем, с таким тёмным худощавым лицом и внешностью душевнобольного, близких знакомых у него не было.

Не все выдерживали условия заключения. Одни кончали с собой, другие пытались бежать. Все побеги, даже удавшиеся, заканчивались возвращением в лагерь и добавлением нового срока. Бежал сидевший на 19-й зоне Юрий Петрович Вандакуров, он спрятался в вагоне, куда складывали готовую продукцию, предназначенную для вывоза из зоны, и выехал за пределы Мордовии. Ему удалось добраться до Чёрного моря, где, по словам Вандакурова, его выдал кто-то из знакомых. Вандакурову прибавили 3 года. О его деле я не имею точных сведений, сам он утверждал, что сидел по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде на Украине во второй половине 1950-х. Если я не ошибаюсь, он бежал вместе со своим приятелем художником Юрием Ивановым; их вместе отправили во Владимирскую тюрьму, Вандакуров позже вернулся в Мордовию.

Другим беглецом был украинский националист Роман Семенюк. Через подкоп ему удалось бежать с напарником, в следы они сыпали махорку и клали иголки. Они добрались до Украины, по дороге покупали сборники Шевченко и раздавали детям. Их схватили около селения, где жили родственники Семенюка. На Украине работникам милиции были розданы их фотографии, об этом рассказывал милиционер Михайло Дяк, севший потом по делу Украинского национального фронта. Мы интересовались у Семенюка, почему они пошли на Украину? Семенюк удивился и сказал, что находиться где-нибудь в другом месте не видел никакого смысла. Когда их поймали, обнаружилось, что у его напарника есть нераскрытое дело по второй половине 40-х годов, было заведено дело по вновь открывшимся обстоятельствам, он был приговорён к расстрелу и расстрелян.

Третий беглец – Сергей Бабич, сел в конце 1950-х за антисоветскую пропаганду. В лагере он договорился с Бульбинским, что как только они освободятся в 1963 году, то продолжат свою деятельность. Второй раз Бабич получил 10 лет особого режима и совершил побег. В мордовской деревне он попросил хлеба, его схватили и передали милиции, – окрестные жители как-то награждались за поимку беглецов. В лагере Бабича приговорили к отбыванию дальнейшего срока во Владимирской тюрьме; как только его привезли во Владимир, он пытался бежать на вокзал. У Бабича было слабое зрение, он носил очки, и много ему пробежать не удалось, ему прострелили ногу и добавили срок за вторую попытку побега. Он отбыл его во Владимире, вернулся на особый режим, а к середине 1970-х его перевели на строгий, где я с ним и познакомился. Меня удивило, что к тому времени он перестал писать письма родителям, выглядел он усталым, был немногословен, любил выкурить трубочку, почти ничего не читал. Дальнейшая его судьба складывалась не менее трагично; когда закончился второй 10-летний срок с прибавленными годами за побег, в родной деревне он был обвинён в хищении автомата из школьной комнаты, где хранилось оружие для учебных занятий. Ему дали 15 лет, и освобождился он во время перестройки; в общей слож-

ности его пребывание в заключении превышало 20 лет. Первые два срока были получены только за высказанные им взгляды, которые никому вреда не принесли, стремление к побегу, да ещё по таким статьям, не является в глазах заключённых криминалом, который подлежит моральному осуждению, что касается последнего срока, то он был несоразмерно велик, обстоятельства дела весьма смутны, и есть основания считать это мезью властей человеку, сидевшему ранее за антисоветскую агитацию.

* * *

Одним из выдающихся людей, с которыми я познакомился по возвращении из Владимира, был Зорян Попадюк, студент филологического факультета Львовского университета. Он создал студенческую группу, которая называлась «Украинский освободительный фронт», получил 7 лет и 5 ссылки, хотя его группа не успела развернуть активную деятельность, его срок ещё не подошёл к концу, как ему прибавили ещё 10 лет и 5 ссылки. От него я узнал довольно много подробностей о положении на Западной Украине, о современных тенденциях национальных движений. Главными ценностями, как он писал мне из ссылки, для него были позитивизм в философском плане и идеи сохранения национальных традиций, понимаемые как демократические.

Обычно действия националистов оценивались следующим образом: если человек – обычно молодёжь – на Украине или в Прибалтике срывал советский флаг и заменял его национальным флагом, за это давали 2 – 3 года, если человек пытался создать группу, ему давали в среднем около 5 лет; если группа уже приступила к каким-либо целенаправленным действиям, существовала продолжительное время, то старались, особенно на Украине, давать до 7 лет по 70-й статье, иногда давали 15 лет по статье «Измена Родине» – по пункту о нарушении территориальной целостности СССР.

В 1974 году я познакомился с Альгисом Жипре, литовцем с особым режимом. Он возил с собой и перечитывал «Феноменологию духа», однажды изложил мне пантеистическую систему литовского философа Видунаса. Жипре получил 25 лет в конце 50-х, вскоре максимальный срок был сокращён до 15 лет, и он начал писать протесты в различные инстанции, где требовал немедленного освобождения, поскольку 15 лет он уже отсидел. Жипре отправили на психиатрическую экспертизу, дальнейшая его судьба мне не известна.

Из прибалтов я дружил с Феликсом Никманисом, меня поразило, что в своей пропаганде они осуждали убийство царской семьи не потому, что были сторонниками российской монархии, а потому, что считали это действие антиправовым и антигуманным; гуманистическая направленность их идей, основанная на правовом сознании, мне внутренне импонировала. Из литовцев, прибывших в лагерь после того, как я вернулся из Владимира, я подружился с Ромасом Смайлисом и Евгениусом Юодвиришисом, которые были поделщиками из Паневежиса. Обращала на себя внимание такая деталь – когда мы гуляли где-то по лагерю втроём и они, споря, не могли адекватно выражать свои идеи по-русски, то просили у меня извинения, переходя на литовский. Такая предупредительность глубоко меня тронула и в свою очередь заставила быть внимательным в тех слу-

чаях, когда я говорил с кем-нибудь из своих друзей, а среди нашей компании мог встретиться человек, который плохо понимал русскую речь.

Мне удалось не только научиться читать по-украински, но и понимать диалог, и даже принимать в нём участие, что вызывало расположение ко мне людей, которые видели мой интерес к их родному языку. Однажды я прочитал Петру Рубану, с которым мне ни до этого, ни после не приходилось общаться, стихотворение, посвящённое украинскому национальному движению, оно растрогало его и настроило на то, что среди русских тоже есть люди, с которыми можно найти общий язык. Подобные эпизоды развеивали образ врага, такие контакты, как бы они ни были кратковременны и малозначительны, оставляли след: я чувствовал, что моё стремление выразить уважение к другим народам находит отклик у другого человека, в данном случае, украинского националиста, а в его сознании это запечатлевалось как стремление найти общий язык и возможность для диалога.

* * *

По-прежнему к нам продолжали прибывать люди, осуждённые по 70-й и 64-й статьям. Мне запомнился Николай Уколов, который решил перейти границу и был задержан где-то в районе Финляндии; ему инкриминировался документ, который, с точки зрения следствия, подтверждал антисоветскую направленность его действий, это было частное письмо, значившееся в приговоре как «антисоветский документ под названием "Письмо к теще"».

Другим был Пётр Лычак, после школы он служил в армии где-то под Москвой и, по его собственным словам, был завербован какой-то иностранной разведкой, в детали он не вдавался. Ему было предложено сообщать сведения о секретах, к которым Лычак по роду службы имел доступ. Деятельность эта продолжалась недолго, и получил он срок не очень большой, около 8 лет. Человек он был добродушный и общительный, в тех условиях это играло большую роль, многое зависело от того, как прибывающий реагировал на обращение к нему старожил, насколько он вписывался в среду. Был ещё Дима Михеев, аспирант МГУ, о нём писал «Огонёк»: он взял паспорт у кого-то из иностранцев, наклеил свою фотографию и собирался покинуть пределы Советского Союза.

В последний год своего заключения мне приходилось довольно часто общаться с Евгением Кузиным. Кузин, 1938 года рождения, первый раз был осуждён в 1958 году в Новгороде на 10 лет за антисоветскую пропаганду. Вероятно, это было обычное в те времена распространение листовок – после 1958 года многие молодые люди приходили к выводу о необходимости распространения своих оппозиционных взглядов именно таким способом. Просидел он тогда 7 лет и был отпущен после снятия Хрущёва: в кассационных жалобах ему удалось доказать, что он выступал не против существующего строя, а против волюнтаризма, как тогда говорили. В 1965 году Кузина освобождают, в начале 70-х он заканчивает лесотехнический институт в Орле, работает лесником и вместе с двумя коллегами-лесниками создаёт группу «Патриотический фронт России», программа которой приближалась, по словам Кузина, к программе кадетской партии. Ему приходилось встречаться с Петром Якиром, через которого Кузин

передавал на Запад информацию о деятельности ПФР, но после того, как в начале 1972 начался разгром «Хроники текущих событий», на его группу вышли органы госбезопасности. Его судили второй раз и дали 4 года и 2 ссылки, несмотря на то, что на суде Кузин заявил, что, раз он отсидел 7 лет незаконно, то ему не должны засчитывать новый срок – ведь государство и так должно ему 7 лет; на это суд, естественно, не прореагировал, и всех троих привезли в Мордoviю. В то время Кузин собирал материалы по истории декабристов, позже занимался исследованиями о своеобразии русской истории в общемировом историческом процессе.

Когда к нам привезли Федю Коровина из Риги, мы были удивлены степенью распространённости в Риге самиздата и новым моментом, который до этого в приговорах не встречался: было указано, что Коровин покупал у своего поделщика и, в свою очередь, продавал ему какие-то самиздатские тексты. Традиционно люди обменивались самиздатом, тратили свои деньги на общее дело и, во всяком случае, момент торгово-денежных отношений между поделщиками был для нас новым, даже если речь шла и о компенсации.

* * *

В мой последний мордовский год начался любопытный процесс – перевод людей, сидевших на особом режиме, на строгий: зоны особого режима по неизвестным причинам сокращались. Некоторые из этих людей попали на особый режим, имея первоначальную судимость по бытовой статье. Я запомнил Маркопольского, которому как раз в это время исполнилось 40 лет и у него было чуть ли не два десятка лет заключения за плечами; насколько я помню, большинство этого срока было по бытовым статьям и только под конец, я до сих пор не знаю почему, он попал на особый режим в политическую зону; с ним было интересно беседовать, он мог высказать неожиданное и оригинальное суждение по литературным вопросам.

Другим заключённым, переведённым с особого режима и имевшим бытовую статью, был Яков Крючков, о котором мне приходилось слышать ещё во Владимире: в одной из книг я нашёл надпись, сделанную древнееврейскими буквами. Поскольку в начале 1971 года в БУРе Валерий Вудка обучил меня этому алфавиту с помощью газеты «Биробиджанер Штерн», я смог прочесть надпись, тем более, что она содержала фразу по-русски, написанную, так сказать, ивритицей: «Яков Крючков, основатель террористического интернационала». Он прибыл на 19-ю зону в конце 1974-го или в начале 1975 года и изъявил желание со мной побеседовать. Мы стали, как это принято у эзков, ходить по кругу – по дорожке, окружавшей зону, – и разговаривать. Один из вопросов Крюčkова был очень оригинально сформулирован: «Приходилось ли вам читать в местах лишения свободы антисоветскую литературу?». Я также серьёзно и в тон ему ответил: «Нет, мне не приходилось читать в местах лишения свободы антисоветскую литературу».

Я думаю, что террористический интернационал существовал лишь в воображении самого Крюčkова. Прослеживалась забавная закономерность: когда собирались несколько человек, они назывались группой; трое-четверо обычно

именовали себя «союзом»; Макаренко с Родионовым назывались «всесоюзным движением», а Яков Крючков один объявил себя целым интернационалом. Судя по всему, он был его секретарь, председатель и бессменный член.

Из прибывших с особого режима литовцев наиболее яркое впечатление оставили Пятрас Паулайтис и Людас Симулис, эти люди, я думаю, сейчас хорошо известны в Литве. Паулайтис – к тому времени ему исполнилось 70 лет – сидел с военного времени; как я узнал, к 1990 году он скончался, а Людас Симулис, слава Богу, жив до сих пор. Симулис, человек с очень ярким мышлением, жизне-радостный, с хорошей памятью и умением логически рассуждать, был арестован в двадцатилетнем возрасте за участие в литовском национальном движении и получил 25 лет; таким образом, родившись в 1935 году и будучи посажен в 1955-м, в 1975-м он отмечал одновременно своё сорокалетие и половину жизни пребывания в неволе. Паулайтис и Симулис с уважением относились к Вагину, Капанову и мне, считая нас представителями русской христианской общины. Мне помнится, как Паулайтис приглашал нас на чашечку кофе по случаю своего 70-летия. Он рассказывал, как был послом в Португалии до второй мировой войны; причём он отмечал, что советская пропаганда значительно искажала действительное положение вещей в те годы при Салазаре. В детали он не вдавался, а я в то время стеснялся расспрашивать о вещах, которые непосредственно не относились к нашему лагерному быту и не были связаны с какими-то метафизическими вопросами.

Это была уже привычка: определённые темы табуировались, дабы человек – и я в том числе – даже случайно не мог рассказать о том, что могло бы вызвать репрессии по отношению к другим заключённым или находящимся на воле. Уже много лет спустя я узнал у Михаила Капанова, что когда он работал дежурным электриком, была возможность по ночам в рабочей зоне слушать передачи западных радиостанций по транзисторному приёмнику; иногда он рассказывал мне какие-то новости, которые мог бы узнать или на свидании или ещё каким-то путём, они оказывались точными, и можно было предположить, что у него имеется какой-то источник информации. И только много лет спустя он рассказал мне, как было дело. Помню, как по приезду в лагерь меня пригласили на чаепитие пожилые украинцы и стали расспрашивать о том, за что я осуждён, причём предупредили, – и я потом предупреждал новичков, – что хотят услышать только то, что зафиксировано в приговоре. После того, как я рассказал о своём деле, один из украинцев, Виталий Гай, спросил, остались ли на воле мои единомышленники, которые могли бы продолжать подпольную деятельность. Старики-украинцы зашикали на Гая, но я совершенно искренне ответил, что мне самому интересно было бы об этом узнать. Дело в том, что мы соблюдали определённую конспирацию и никто из нас в полном объёме не знал о деятельности других людей. Скажем, со смертью Георгия Фёдорова вся деятельность в мединституте осталась нераскрытой. Да и если обратиться к историческим прецедентам – в воспоминаниях людей, которые были связаны с делом Жигулина, до сих пор встречаются намёки на то, что какие-то обстоятельства так и не стали известными госбезопасности и до сих пор являются скрытыми, хотя относятся к концу 40-х годов. Такие темы действительно очень опасны; мы осознавали себя живущими в системе, которая может и после смерти людей причинять неприятности их родственникам и знакомым...

У Бориса Николаевича Соколова, которого привезли к нам из Средней Азии, была привычка любой разговор сводить к индийскому кино, поклонником которого он являлся. У Соколова на руке была татуировка «мать-камо». Он говорил, что это аббревиатура имени его матери, Анны Моисеевны Коган. Старая большевичка, имевшая какое-то отношение к ГПУ – НКВД, уже на пенсии она стала писать в верховные органы всякого рода протесты, которые Борис помогал ей переписывать. Их обоих арестовали, её отправили в женский лагерь, а его по ошибке – в уголовную зону какой-то среднеазиатской республики, кажется, в Таджикистан; там он участвовал в поджоге барака, и когда стали разбираться с его сроком и статьёй, то обнаружили, что Соколов должен находиться в зоне для особо опасных государственных преступников в Мордовии, и его направили к нам, не забыв добавить 4 года за участие в беспорядках. Дело Соколова ещё раз показывает, что судьба человека в значительной степени зависит от произвола властей. Трудно предположить, что те взгляды, которые он пытался – даже не пытался, потому что писал под диктовку своей матери в Верховный Совет или ЦК КПСС, – распространять, можно назвать пропагандой.

У одних привычки выражались в любви к индийским фильмам, у других в пристрастии к социологическим схемам. Преподаватель Бауманского МВТУ Александр Болонкин почему-то решил, что мне очень важно узнать в его изложении различие между идеей диктатуры и идеей демократии и около 4 часов читал мне лекцию на эту тему, причём содержание её можно было изложить в нескольких словах. Такого рода рассуждения мне приходилось слышать практически в течение всех 6 лет заключения, и постоянное повторение одних и тех же схематических построений и заклинаний становилось несколько утомительным. Меня более интересовало содержание книг, которые перечислялись в приговоре Болонкина. Его текст был достаточно содержательным в том смысле, что из приговоров, подобных приговорам Болонкина, Воробьёва, Любарского, Капранова, я узнавал о новинках самиздата и, если люди, которые привозили с собой тексты подобных приговоров, были общительными, можно было услышать достаточно адекватный пересказ каких-нибудь текстов: Болонкин рассказывал о содержании «Чонкина» Войновича, Любарский о книге Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», это расширяло кругозор и давало возможность обмениваться впечатлениями. Среди наиболее часто встречающихся названий были «Большой террор» Конквеста, «Технология власти» Авторханова, «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына, «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяева. Таким образом, мы имели представление о самиздате, который циркулировал в стране. Было заметно, что большое распространение к середине 70-х получил тамиздат, в частности, уже Воробьёв во Владимире рассказывал, что ему пришлось видеть выпуски «Хроники текущих событий», исполненные типографским способом на Западе.

* * *

Кроме впечатлений, которые мы получали из непосредственного общения и из текстов приговоров, большое значение играло лагерное творчество. Если художников у нас можно было пересчитать по пальцам – Борис Пэнсон, кото-

рому даже присылали репродукции с его выставок, проходивших в Америке в то время, как он находился в Мордовии, Евгений Пашнин, Юрий Иванов, с которым мне не приходилось встречаться, но приходилось видеть его рисунки: портрет Юрия Галанскова его работы часто воспроизводился в русских изданиях, посвящённых Галанскову, – всё-таки, чтобы заниматься живописью, нужны были определённые условия, тогда как стихи можно было писать и по памяти, как Сокульский в карцере. Стихи писали очень многие, но широко известны были лишь некоторые. Валентина Соколова заучивали наизусть, читали и переписывали. В 1994 году в Москве впервые вышел сборник его стихов. Образец творчества Вагина, писавшего изредка, был помещён в «Неделе» в 1977 году в очередной статье Петрова-Агатова как аргумент знакомства автора с Вагиным. Из людей, севших за свои стихи, кроме Петрова-Агатова и Сокульского, можно назвать Анатолия Иванова – московского таксиста, который писал четверостишия и читал их всем подряд, в том числе пассажирам, например, такие:

*Человечество в ударе,
В его генах смысл веков,
Человечество сметало
И сметёт большевиков.*

Или такие:

*Все, кто служит вам, подонки –
Теле, радио, печать,
Вы хотите всю планету
Лжой-отравой накачать.*

Когда в Чили произошёл переворот, Иванов написал:

*Мне Альенду жалко-жалко,
Ведь он тоже человек,
Ведь он, сам того не зная,
Укорачивал свой век.*

Естественно, что очень скоро его стихотворная деятельность была прекращена и он угодил в Мордовию с 5-летним сроком. Здесь он продолжал читать и писать стихи, но никаких дальнейших санкций к нему не применялось. Он очень сильно переживал лишение свободы, и, видимо, это сказалось на его душевном здоровье. К концу срока за ним приехала жена и увезла его куда-то в район Одинцово под Москвой, где он жил; больше мне ничего о нём слышать не приходилось.

Стихи писали люди самые неожиданные, казалось бы, нерасположенные к творчеству. Когда приехал Родионов, он привёз с собой строчки, написанные Макаренко в Лефортовской тюрьме:

*Семьдесят два кубометра стен
И шесть квадратных метров – пол.*

*Что меня ждёт – мутация ген
Или стандартный осиновый кол?*

Слава говорил, что Макаренко произвёл измерения и цифры взяты не произвольно.

В стихию творчества вольно или невольно вовлекались многие, с кем мне приходилось встречаться в Мордовии. Когда я познакомился с младшим братом Юрия Вудки Валерием, он прочитал мне несколько стихотворений, которые они написали незадолго до прибытия в лагерь. Вот стихи Юрия:

*Недаром изнывала грудь
В тысячелетних путах ада,
На проторённый нами путь
Из тьмы выходят мириады.*

*Веки правда не умрёт.
Последний враг падёт бессильным.
И Богом избранный народ
Вольётся в царствие Мессии.*

Второе его стихотворение тоже имеет еврейский колорит:

*Почему я не там, где тревога.
Где восторг невозможному равен,
Где Кинерет, как зеркало Бога.
Ярко блещет в зелёной оправе.*

А Валерий Вудка написал такое стихотворение:

*Пусть порой не похожи,
Горький голуса плод,
Наши лица и кожа –
Мы народ, мы народ.
И звучит в Палестине,
Где когда-то возник,
Наш священный, единый,
Возрожденный язык.*

Голус – это вариант термина «галут», на идиш – рассеяние.

Стихи писали по самым различным поводам. Так, Константин Сафронов, узнав о том, что 30 июля 1970-го исполняется годовщина с момента начала разгрома нашего движения, написал акростих «Спасите наши души»:

*Снасти оборваны, мачты срубили,
Погнут о рифы коварные киль.
А до земли ещё мили да мили.
Сотни, а может быть, тысячи миль.*

*Искру надежды вода погасила,
Тонет скорлупка, уходит в пучину,
Если прощаться пора наступила.
Надо уйти, как уходят мужчины.
А над водою чайкою-птицей,
Шторму бесстрашно вызов бросаю
И побеждая, будет кружиться
Дерзкая наша мечта голубая.
Уходим под воду, бортов уж не видно,
Шторм-реквием будет над нами звучать,
И страху ни капли, но очень обидно...*

Последняя строка тонет в рёве надвигающегося шторма: заключение не вписывалось в акростих.

Как-то во время чаепития я преподнёс Юрию Гродецкому книгу, на которой сделал надпись:

*Мы с вами встретились не в рае,
Но вещи тлен и суть не в них.
Угаснет всё. Не догорит
Лишь пламя помыслов благих.*

Анатолий Гольдфельд, который был осуждён по кишинёвскому сионистскому процессу, решил дать свой вариант этих строк:

*Мы с вами встретились не в рае,
И в клубе тут не пляшут гурии,
Здесь воздух смрадом отравляют
В мундир наряженные фурии.*

Лагерная поэзия могла быть и своего рода средством идейной полемики. В карцере сидел Виктор Комаров, в помещении камерного типа Могилевер; камеры располагались в одном бараке, и в коридоре можно было переговариваться. Комаров, как бы декларируя свою тогдашнюю националистическую русскую позицию, прочитал Могилевру такие строки:

*Если ты русский – умей быть жестоким.
Если ты русский – учись убивать,
Чтобы на Западе и на Востоке
Повелевать, повелевать.*

Могилевер воспринял их как своеобразную программную установку нарождающегося русского фашизма и пообещал, что как только придет в Израиль, постарается предать гласности такие настроения.

Творчество Виктора Комарова было достаточно разнообразным; к сожалению, кроме слухов о том, что его стихи попадали в какие-то заграничные издания и передавались западными радиостанциями, я ничего не могу сказать. Неко-

торые его стихи мне нравились изысканными аллитерациями и неожиданными сравнениями. В одном стихотворении были такие строки:

*Помутившийся разум,
Просветлеешь ты, нет ли?
Почему же ты сразу
Не напомнил о петле?*

А вот начало одного из стихотворений, посвящённых чаепитию, когда собравшиеся отмечали годовщину расстрела Николая Гумилёва:

*Вышка, проволока, круг.
Слева друг и справа друг.
То ли день, то ль чай такой.
Горько. Пьём за упокой.*

Лагерная жизнь тоже, разумеется, находила отражение в поэзии, характерным образчиком может служить, независимо от литературных достоинств, одно из стихотворений Петрова-Агатова:

*Идёт по кругу кружка с крепким чаем.
Закон железный – только два глотка.
В пустыне смерти мы не умираем,
На гибель обречённые зэка.
Да, устаём. Да, у своих хозяев
За пачку чая платим три рубля.
Здесь коммунисты этим промышляют,
К своей позорной гибели скользят.
Идёт по кругу кружка с крепким чаем.
Закон железный – только два глотка.
Нас убивают – мы не умираем,
Победа наша верна и близка.*

Иногда на какие-то тексты, родившиеся в лагере, писалась музыка. Валерий Ронкин написал такое стихотворение:

*Прожектора, колючка, вышки,
Собачий лай издалека.
А мы, вчерашние мальчишки,
Политзэка, политзэка.
Наш быт совсем не из приятных
И маловато нас пока,
Но мы не повернём обратно,
Политзэка, политзэка.
Пусть о нас никто не знает,
И наша доля нелегка,
Сегодня на переднем крае
Политзэка, политзэка.*

Сам он предлагал исполнять этот текст на мотив песни из кинофильма «Весна на Заречной улице», но сидевший с нами Николай Богач написал музыку, которая напоминала нечто маршевое, и текст приобретал звучание как бы гимна политзаключённых; когда Богач исполнял его на гитаре, то, по впечатлению Валентина Кирикова, в проигрыше гитара имитировала собачий лай.

Я думаю, что антология лагерной поэзии – дело будущего; каждый из бывших политзаключённых мог бы что-то припомнить. Как бы то ни было, следует отметить, что очень большое число осуждённых за антисоветскую агитацию и пропаганду писали стихи, которые иногда инкриминировались им. Как мне помнится, в период следствия и после суда почти все мои поделники писали стихи, в группе Драгоша писал стихи Чердынцев, в группе Ронкина – Хахаев и Ронкин, в группе Вудки – братья Вудки и Сенин, в группе Сусленского и Мешенера, школьных учителей из Молдавии, осужденных за протест против вторжения советских войск к Чехословакию, кто-то писал стихи в духе Баркова; не говоря уже о таких людях, как Сокульский и Петров-Агатов, которые и обвинялись в том, что занимались антисоветской агитацией в стихотворной форме.

* * *

«Сонет о чёрной неблагодарности» я написал в Владимире. Я читал его редко и только тем людям, в чьей надёжности не сомневался.

*Нас государство щедро наградило,
Заборы зон колючкой обнесло,
Зимой оно прохладу нам дарило,
А летом драгоценное тепло.
И многих в клетки камер рассадило,
Как бабочек сажают под стекло.
С любовью к ближним – карцер и могилы
Для самых нежных даже припасло.
А мы в ответ на ласку и заботу
Не прекращали вредную работу –
Листовки, песни, письма, самиздат.
Неужто власть покоя не дожидается
И коммунистам так и не придется
Вкусить плоды усилий и затрат?*

Из этого стихотворения видно, что к 1973 году я считал этот режим коммунистическим. В наше время подобные терминологические споры потеряли остроту и определённый смысл, но тогда маркировка режима играла очень большую роль. Когда я прочитал это стихотворение Лассалю Каминскому, он неожиданно стал говорить, что люди, которые стоят у власти, совсем не коммунисты. Для меня это было несколько удивительным, потому что Лассаль проходил по сионистскому процессу, а сионисты, как правило, не были социалистами-коммунистами, сионизм был тесно связан с национальным самосознанием и ориентацией на религиозные ценности или, по меньшей мере, уважение к ним, что приводило к отталкиванию от идеи коммунизма.

Многие из людей, проходивших по сионистским процессам, старались соблюдать в заключении предписания Торы, и невыход на работу в субботу автоматически наказывался. Менделевич, Шпильберг и другие очень много претерпели за стремление следовать своим религиозным обрядам. Однажды у Юрия Вудки отобрали при обыске тексты Священного писания, и он у себя над кроватью повесил надпись на двух языках – русском и еврейском: «Я голодаю потому, что у меня отобрали Священное писание». Голодал он неделю и вынужден был ходить на работу, чтобы не подвергнуться наказанию, и это, конечно, утяжеляло его состояние. С ним был очень дружен Юрий Машков, он постоянно заботился о голодающем. (Машков был судим дважды, один раз за попытку угона самолёта, другой за антисоветскую пропаганду. Он был худощав, с типично русским лицом и огненно-рыжей бородой. Мне запомнилось, что природные катаклизмы Машков трактовал как проявление духовных сил, действующих во вселенной, пытался толковать сны. Он умер в штате Коннектикут, работал простым рабочим на мебельной фабрике и активно участвовал в деятельности русской православной эмиграции.)

* * *

Советская зона уж никак не была похожа на то, о чём мы читали, например, в «Записках из Мёртвого дома» Достоевского. Для нас это лишний раз доказывало, что режим, возникший после 1917 года, резко отличался от России XIX века, и это поневоле настраивало на сочувственное внимание к дореволюционному периоду русской истории (помню, как мы отмечали в 1971 году 110-ю годовщину отмены крепостного права) и более негативную оценку людей, выступавших против царского правительства, поскольку мы считали, что их деятельность в конечном итоге способствовала установлению диктатуры.

Конечно, «Мёртвый дом» неизбежно вспоминался и с удовольствием перечитывался на зоне совсем другими глазами. Был ряд книг, как бы обязательных для каждого вновь приезжающего в лагерь. Мы поневоле сопоставляли их со своим опытом – ареста, следствия, суда, этапов и пересылок. Даже «Повесть о пережитом» Дьякова, и та подвергалась анализу. Обращало внимание, что в этой книге, написанной явно по конъюнктурным соображениям, имелись противоречия. Скажем, Дьяков приводит совершенно ничтожные случаи, за которые люди получали сроки, что подтверждало репрессивный характер тогдашней системы, и, с другой стороны, большую часть книги посвящает описанию гуманности и доброты надзирателей, благодаря их пофамильно. С интересом читалась книга Якубовича-Мельшина о каторге второй половины XIX века, особо поражало, что заключённые в то время получали по фунту мяса – 400 г – в день, что к нашему времени было трудно представимо даже вне зоны.

«Один день Ивана Денисовича» был, конечно, уже изъят из всех библиотек Советского Союза, но любопытно то, что в нашей библиотеке был экземпляр этой книги на эстонском языке, и ни у одного из заключённых-эстонцев, за что бы они не сидели, не возникало и мысли о том, чтобы сигнализировать начальству, что в лагерной библиотеке находится запрещённая книга; удивительное совпадение с мнением Солженицына об этой нации, приведённом как раз в этой книге.

Данный эпизод – одна из крошечных зарисовок, которые слагали общую картину. Я уже говорил о библиотеке Владимирской тюрьмы. Когда я был переведён на тюремный режим, там были уже остатки былой роскоши. Раньше там можно было брать книги, которые невозможно было обнаружить ни в одном откритом фонде СССР: Ницше, Шопенгауэра. Сидевшие во Владимире бериевцы не только не брали читать эти книги, но постоянно писали жалобы в верховные органы и прокуратуру, требуя изъять идеологически вредную литературу, и власти, к сожалению, на эти призывы откликнулись. Более того, бериевцы требовали, чтобы в тюремной библиотеке находились только труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которого они особенно почитали и готовы были с утра до вечера читать и перечитывать. Разумеется, никто бы не мешал им это делать, поскольку нормальные люди считали, что каждый может сам выбирать себе круг чтения, но генералы-эзки умудрились и тут лишить заключённых большого числа книг, продолжая за решёткой ту же варварскую политику удушения свободы мысли.

И вот два факта: хранение эстонцами «Одного дня Ивана Денисовича», свободного и правдивого повествования о лагерях, и попытка оставить в тюремной библиотеке только труды отца народов. Встаёт вопрос, действительно ли эстонские националисты такие изверги, какими их рисует советская пропаганда, и действительно ли бериевские генералы, которые до ареста именовались славными чекистами, такие пронизательные, умные, гуманные и великодушные люди, которые просто вынуждены применять насилие для защиты интересов народа?

* * *

К лагерному творчеству можно отнести также бумаготворчество: протесты, жалобы и всякого рода заявления в официальные органы. Общий характер такого рода текстов был безлико-стандартным, но находились и мастера своего рода. Так, Болонкин в заявлениях в официальные инстанции, независимо от содержания, время от времени напоминал о неизбежности нового нюрнбергского суда над коммунистами. Особенно изощрялся Вячеслав Петров, севший вместе с Егором Давыдовым за самиздат в 1972 году; однажды Петров написал заявление Брежневу, в котором говорилось:

«Ваши подопечные, Леонид Ильич, постоянно нарушают существующие в стране законы и тем самым оскорбляют и Вас лично, так как произвольно трактуют законодательство в области того, должен ли заключённый брить бороду и другие волосяные покровы, поскольку никаких чётких недвусмысленных инструкций по этому поводу нет».

Если местная администрация допускала произвольное толкование закона, то можно было предполагать, что со стороны прокурора ей будут даны какие-то указания или разъяснения в случае неопределённого толкования постановления; если же местный прокурор дружил с представителями местной администрации, то, естественно, всё оставалось по-прежнему. Так или иначе, это было связано с массой привходящих обстоятельств самого разного рода и какой-то однозначной жёсткой системы не прослеживалось, порядки во многом зависели от местных условий, конкретных людей и обстоятельств.

* * *

После Владимира я обнаружил некоторые перемены и в нашей бытовой жизни. Администрация пыталась вводить какие-нибудь правила, разнообразить жизнь как свою, так и заключённых, и чем мотивировались те и иные нововведения, иногда было очень трудно понять. Так, одно время была введена стрижка бород, но разрешены усы. А теперь ввели утреннюю зарядку в обязательном порядке, и если раньше она происходила неорганизовано – предлагалось пройти вокруг зоны два или три раза, то теперь сопровождалась музыкой. Очень дико было видеть пожилых людей, которые иногда чуть не с палками, прихрамывая, демонстрируют свою лояльность администрации под марш «Прощание славянки». Наиболее карикатурно выглядели полицаи.

Кстати, на эту музыку ВСХСОНовцы пели такой текст:

*Ленин хуже татарского ига.
И разрубит ярмо только меч.
Содрогайся, проклятая клика!
Вам уже ничего не сберечь.*

Когда я спросил Вагина, кто автор этих строчек, он нарочито скромно ответил: «Слова народные».

Не менее карикатурно выглядели концерты художественной самодеятельности на 1 мая, 9 мая и 7 ноября, когда хор полицаев исполнял со сцены «Ленин в тебе и во мне» или «Партия – наш рулевой». Когда я только прибыл в зону и мне всё ещё было в диковинку, я пошёл посмотреть, что происходит на этих концертах. Запомнился мне полицай Подгорный, декламировавший стихотворение Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины». Читал он с пафосом, отработывая дополнительную посылку или добавочную сумму на ларёк.

* * *

Я никак не могу сказать, что администрация лагеря относилась ко мне лучше, чем к другим арестантам, и, тем не менее, она была вынуждена иногда идти навстречу. На ужин нам чаще всего давали рыбу, и однажды я почувствовал, что одна из мелких косточек застряла в горле. Было очень болезненное ощущение, я не спал ночь, боялся воспаления и осложнений. Наутро я стал требовать, чтобы мне во что бы то ни стало оказали помощь, но никаких приборов, позволяющих осмотреть горло, в местной санчасти не оказалось. Я продолжал настаивать, и администрации пришлось вызвать машину, в которой меня в сопровождении начальника санчасти и надзирателя повезли в вольную больницу за несколько километров от посёлка. Врач осмотрел меня и сказал, что в горле ничего нет, и я сразу же почувствовал себя лучше: очевидно, там была царапина, и, поскольку я не знал, действительно там застряла кость или нет, то очень волновался. Вернувшись в лагерь, я чувствовал себя крайне неловко, могли ведь возникнуть случаи, когда человеку срочно понадобилась бы неотложная помощь, а админи-

страция стала бы ссылаться на мой прецедент. К счастью, со стороны заключённых я никаких упреков не слышал.

Предпоследнюю зиму я работал на очень тяжёлой работе в кочегарке и сильно ослаб. Несколько моих друзей, которые не сомневались в моей порядочности и в порядочности которых я не сомневался, советовали мне написать просьбу о помиловании. Это предложение периодически поступало после отбытия мной половины срока то от представителей администрации, то от приезжавших из Саратова следователей госбезопасности, которые вели наше дело. На все предложения написать просьбу о помиловании я отвечал, что считаю это аморальным.

Приезды саратовских гэбэшников были довольно загадочны: вызывали меня и Кирикова, спрашивали – как дела, как здоровье, о каких-то незначительных предметах, потом говорили, что вопросов больше нет и встреча закончена. Эти визиты не были связаны ни с международной, ни с внутрилагерной ситуацией. Специфика саратовского КГБ, который решил курировать нас и в зоне, ставила в двусмысленное положение: мы не могли ничего толком рассказать друзьям о причине визита, потому что явной причины просто не было; может быть, встреча проводилась для галочки, как воспитательное мероприятие. К другим заключённым никто из органов не приезжал, и такая ситуация вызывала недоумение. С другой стороны, отказ идти на вызов означал помещение в карцер.

Вообще, любой контакт с администрацией был на виду, скрывать его смысла не было: если человек участвует в художественной самодеятельности и читает со сцены советские стихи, то, естественно, следует предполагать, что он готов к дальнейшему сотрудничеству; если человек работает заведующим каптёркой, то он обязан позволять надзирателям рыться в вещах заключённых в их отсутствие. Однажды я обнаружил в своём чемодане просыпанный сверху сигаретный пепел. Когда я рассказал об этом друзьям, они посоветовали в следующий раз оставить записку с просьбой не прожигать мои книги. Если человека ставили заведующим библиотекой, он должен был показывать начальнику оперчасти формуляры заключённых и тем самым помогать тюремщикам осуществлять идеологический контроль. Мне говорили, что когда Синявскому предложили стать зав. библиотекой, он отказался – эта должность считалась неприличной.

Сотрудничество с администрацией предполагало определённые льготы с её стороны, впрочем, и тут были пределы, которые администрация не могла переступить даже тогда, когда речь шла о людях, постоянно с ней сотрудничавших. Не могли же их в конце концов отпускать гулять за зону, хотя ходили слухи, что некоторым это удавалось.

* * *

Лагерь воспитывал в каждом из нас чувство ответственности за свои поступки, которые могли отразиться на других людях. Мы постоянно находились в ситуации, когда свои действия нужно было взвешивать и оценивать. Я помню, как Валерий Вудка, находясь в помещении камерного типа, по просьбе сокамерника, сидевшего в том же коридоре в карцере, где курить не разрешалось, свернул из газеты трубочку, положил туда махорку и, возвращаясь с работы, бросил в

окошечко в двери. (В отличие от следственного изолятора в Саратове и тюрьмы во Владимире, оно не было забрано стеклом, просто была просверлена дырка.) Надзиратель заметил действия Вудки, написал рапорт о нарушении режима, и Вудку посадили в тот же карцер. Мы убеждали надзирателя, что это слишком жестокое наказание за столь незначительный даже с точки зрения администрации поступок. Охранник оправдывался, что не напиши он рапорт, напарник сигнализировал бы начальству о попустительстве заключённым с его стороны: надзирателей обычно ставили вдвоём, причём старались подобрать людей так, чтобы они не были друзьями, и каждого из них инструктировали следить друг за другом. Они не скрывали, что администрация стравливает их и уж, во всяком случае, не заинтересована в их человеческих взаимоотношениях. А Валерий Вудка вообще-то не курил и знал, что его поступок может вызвать санкции по отношению к нему, и тем не менее всё равно решил помочь товарищу. Когда я сидел в карцере в барак усиленного режима, однажды моё внимание привлёк лёгкий шорох около двери, – в карцере всегда обострялся слух. Я обернулся и увидел, что дневальный по фамилии Макогон бросил в смотровой кружок бульонный кубик. Когда я закончил камерный срок и меня вернули в зону, Макогон сказал, что мне передал его Евгений Вагин; когда родственники привозили сигареты, бульонные кубики, растворимый кофе, всё самое лучшее заключённые старались передавать тем, кто находился в худших условиях.

Администрация же делала всё, чтобы исключить какие-либо человеческие контакты между охраной и заключёнными. Как-то летом Лёня Трепов сидел в траве неподалёку от вышки и наигрывал на гитаре. Вдруг часовой-автоматчик окликнул его. Леонид Алексеевич удивился и спросил часового, откуда он знает его фамилию. Тот простодушно ответил, что в клубе на специальном стенде висит фотография Трепова, где написано, что это особо опасный государственный преступник, который отлично владеет всеми видами оружия, склонен к побегу и нуждается в особо тщательном присмотре. Там же были фото ещё нескольких заключённых с такими же характеристиками. Трепов ни одним видом оружия не владел, и весь этот цирк был затеян только для того, чтобы внушить охранникам страх и ненависть по отношению к нам, заключённым.

Когда меня из следственного изолятора возили на допросы в КГБ, у каждого сопровождающего надзирателя имелась карточка заключённого: фамилия, имя, отчество, срок и статья. На своей карточке я увидел красную полосу по диагонали, где крупными буквами значилось: склонен к побегу, самоубийству и нападению на конвой. Потом я узнал, что такие же полосы были у всех, осуждённых со мной по одному делу. Поскольку ни одного из этих качеств я за собой не замечал, то решил, что это приём, который должен был заставить сопровождающий конвой особо внимательно наблюдать за людьми, обвиняемыми в особо опасных государственных преступлениях. Никто из нас в душе не считал себя особо опасным государственным преступником, и этот контраст между ролью, которую приписывал нам государственный аппарат и нашим внутренним самосознанием, существовал все 6 лет, пока я находился в заключении. Наличие такой вот красной полосы заставляло сопровождающих конвоиров смотреть на меня с опаской и предотвращало возможность установления между нами какого-то человеческого общения. Эта гнуснейшая мера, придуманная режимом, воздвигала препятствия к общению между людьми. Разумеется, система

преследовала свои цели, опасаясь, чтобы те, кого они считают действительно преступниками, не сумели, как в своё время Нечаев, уговорить надзирателей содействовать побегу. Но это вело к тому, что контакты между политзаключёнными и охраной были настороженно-отчуждёнными, как и случаи понимания и помощи со стороны надзирателей были очень редки. Впрочем, каких-то особенных конфликтов я тоже не помню, но это вызывалось с нашей стороны более человечным отношением к надзирателям, чем в среде бытовиков. Поэтому, если мы во Владимире пели вполголоса или на Рождество склеивали ёлку из бумаги и делали «торт» из маргарина и батонов, то, если бы такое затеяли бытовики, не исключено, что администрация заявила бы, что это не положено. Другое дело, когда приходило очередное распоряжение об ужесточении режима, тогда просто из опасения потерять работу администрация старалась делать то, что считала своим служебным долгом. Подчас начальство даже имело возможность возвыситься в собственных глазах за наш счёт. «Да я самого Даниэля в карцер сажал!» – кричал один надзиратель.

Мы чувствовали внимание со стороны людей на Западе, в лагерь приходили письма из Бельгии, Англии, Франции, Израиля, Америки, иногда на языках этих стран. Писали люди, которые были далеки от политики, но хотели выразить своё сочувствие и моральную поддержку, у моих знакомых набирались целые альбомы с открытками и дарственными надписями. Литовцу Рудайтису однажды пришло письмо от госсекретаря США, и администрация не решилась его скрыть. Рудайтиса вызвали и дали прочесть, но с собой брать не разрешили, – госсекретарь сообщал, что постарается поставить перед Брежневым вопрос об освобождении Рудайтиса. Обратная связь даже через прессинг лагерной цензуры морально поддерживала нас, давала почувствовать, что мы не одиноки, помогла переносить испытания и придавала мужества.

Всё это воспитывало в нас стремление к взаимопомощи, взаимоподдержке, и просьба о помиловании в наших условиях свидетельствовала о том, что человек сдаётся, что ради каких-то бытовых удобств он предаёт своих товарищей. По прошествии многих лет я с большим пониманием и сочувствием отношусь к тем людям, которые писали просьбу о помиловании – жизнь порой складывается так, что у людей, попавших в лагерь, могут быть самые разные обстоятельства, например, рождение ребёнка незадолго до ареста, как у Олега Сенина. Разумеется, биография служила одним из средств давления на заключённых. В те годы я был настроен более непримиримо, но сейчас считаю такую позицию слишком резкой, людям, которые стали бы возражать мне моими же словами – что нужно отдавать отчёт в последствиях своих поступков, я могу противопоставить мнение, что необходимо поддерживать динамическое равновесие между интересами группы и интересами личности, которая в эту группу входит, и говорить о том, что человек, отказавшийся пожертвовать своей жизнью ради интересов коллектива, не прав, я не считаю возможным, это зависит от каждого конкретного случая и привходящих обстоятельств.

Одно время меня очень мучило, что во время следствия и на суде вся наша шестёрка признала себя виновными. Когда я говорил об этом в лагере, один мой знакомый, мнение которого я уважал, сказал, что это несущественно, поскольку не имело широкого общественного резонанса. Другие тоже не придавали этому решающего значения, хотя для меня это казалось поражением. Мне запомнились

слова Валерия Петрашко во Владимире: когда мы обсуждали тему отношения к людям, которые пишут просьбу о помиловании, он сказал, что никогда этого не сделает, чтобы потом не испытывать угрызения совести. Мне кажется нормальным, что я просидел срок до конца, с другой стороны, я должен был бы ощущать большую ответственность по отношению к своей матери, которая осталась в Саратове, но это касается уже более широкой постановки вопроса, насколько участие в оппозиционной деятельности наносит ущерб родственникам, друзьям и знакомым. Наш арест привёл других участников движения к исключению из вузов, некоторым было предложено уйти с работы, и это было тоже формой внесудебной расправы. Такого рода деятельность приводит нас к осознанию, что существует своего рода закон сообщающихся сосудов, что всё в мире взаимосвязано и наши действия мы должны совершать с ощущением ответственности за судьбы других людей. В то время я воспринимал это достаточно однозначно и считал, что моя деятельность направлена на освобождение всего населения СССР и отказаться от неё значило бы признать нормальным рабское состояние.

Никто не знал, какое время отпущено этой системе, мы могли ожидать развития «пражской весны», но после её подавления было понятно, что режим не рухнет. Даже книга Алексеевой «История инакомыслия в СССР» как бы подводит итог правозащитному движению и никаких перспектив его дальнейшего развития в ней не просматривается. В перестройку отношение к просьбе о помиловании, или более эвфемистическим вариантам этого документа, предлагаемым властями («я не совершал и не буду совершать государственных преступлений»), было другим. Поступок носил во многом условный характер, и люди знали, что, как только окажутся на свободе, сразу же смогут принять участие в легальной оппозиции, могли рассчитывать на поддержку окружающих. В наших условиях это означало совсем другое – ты выходишь, и власти используют тебя как козырь для дальнейшего психологического давления на оставшихся, администрация получала моральный перевес. Освободившемуся это могло дать право, или, точнее говоря, вернуть право закончить, например, вуз, но ему никогда не дали бы забыть, что это именно помилование, а не оправдание.

Некоторые выступали с раскаянием и уверяли, что оно не связано с надеждой на помилование, а является следствием осознания пагубности действий, которые привели их в лагерь. Если даже не рассматривать подобные заявления как тактический маневр, мы всё равно не могли принять их всерьёз и тем более одобрить. В 1967 году в многотиражной межлагерной газете Дубровлага с оригинальным названием «За ударный труд» была помещена статья «Измена делу партии есть измена делу революции», подписанная Львом Краснопевцевым и его подельником Меньшиковым. В ней они осуждали свои действия, приведшие их на скамью подсудимых, и попутно говорили, что не хотят иметь ничего общего с такими людьми, как Даниэль и Синявский. В конце отмечалось, что если бы наше раскаяние было искренним, то мы бы выступили с ним в начале 10-летнего срока, но поскольку мы его уже почти целиком отсидели, то не собираемся этой статьёй смягчать наказание, а наоборот, демонстрируем, что полностью испустили свою вину и готовы опять приступить к нормальной жизни. В этом можно было усмотреть попытку купить себе относительное спокойствие на свободе и в то же время помощь администрации в дезинформировании людей, которые, попадая в лагерь, не ощущали у них какого-то внутреннего оправдания своих

действий. Ведь кто-то мог повздорить с заводской администрацией, попасть в лагерь и, например, колебаться, порочна ли вся система на протяжении десятилетий или это единичное местное злоупотребление властью. Советская пропаганда работала эффективно, и многие люди были загипнотизированы изо дня в день десятилетиями повторяющимися лозунгами при отсутствии правдивой информации – к распространению которой мы, в сущности, и стремились.

Краснопевцев был осуждён в 1957 году, его группа состояла из 9 человек, трое получили по 6 лет, трое по 8 и трое по 10, все они были сотрудниками московского института, программа их была, видимо, аморфной и нечеткой, во всяком случае, в лагере никто не мог припомнить какие-то программные документы или тезисы.

* * *

Пространство зоны было весьма специфическим. С 40-х годов там сформировался своеобразный микроклимат. Поскольку люди не всегда могли совпадать друг с другом – кто-то слишком долго сидел, и у него могли быть расшатаны нервы, другой только приехал и привёз с собой все привычки, – существовали устойчивые традиции культуры общения, которые должны были снимать напряжённость в отношениях. Каждый вновь прибывающий должен был сопротивляться этим традициям или интегрироваться в систему. Так, человек, живший в вольных – относительно – условиях, мог быть погружен в хаотический быт, оставлять вещи где ему заблагорассудится, тогда как в лагере он вынужден был постоянно считаться с окружающими людьми, а люди эти, скажем, выросли в Прибалтике или на Западной Украине, где была сложившаяся культура быта, связанная с малой площадью и необходимостью населения на этой территории как-то друг с другом сосуществовать.

На бытовом уровне произвольно возникал навык большей организованности, собранности и дисциплинированности, причём это было связано именно с характером политлагерей. То же и во Владимирской тюрьме – когда нас переводили в камеру, где раньше сидели бытовики, она производила впечатление более неряшливой и неухоженной, и мы устанавливали каждодневное дежурство, чтобы приводить её в порядок. Люди, которым приходилось переезжать в зону, где до этого были бытовики, рассказывали, что там часто были поломаны механизмы в рабочей зоне, трудно было увидеть какие-нибудь цветы и так далее.

В плане общения также существовали свои правила. Так, если двое разговаривали между собой, то третий мог подойти к ним только в том случае, если его приглашали принять участие в беседе. Однажды я договорился с Комаровым встретиться после ужина – до отбоя оставалось какое-то время. Ужин закончился, Комаров ждал меня у выхода, но ко мне подошёл один заключённый, и завязался разговор. Учитывая характер беседы, я не мог его прервать, а Комаров не мог вмешаться.

Наша духовная жизнь была довольно интенсивной и носила поневоле плюралистический характер: постоянно шло довольно тесное общение представителей разных духовных опытов, концепций и идейных направлений, и они должны были если уж не солидаризироваться, то, по крайней мере, стараться

избегать конфликтов. Во многом подобный тип поведения определялся именно замкнутым пространством. Мне не приходилось быть свидетелем каких-то резких стычек, хотя, конечно, можно было предполагать, что за всё время существования политлагерей они могли иметь место. Впрочем, были и свои правила, в том числе и на бытовом уровне. Заключённый Ткачёв, например, пристрастившись к чаю, старался под предлогом ожидаемой со дня на день посылки заниматься заварку у всех подряд. В конце концов, ему пришлось просить администрацию о переводе в другой лагерь, где эта история повторялась, потом в третий лагерь, и, наконец, перед концом срока о помещении в ПКТ.

* * *

Пока я был во Владимире, произошло весьма значительное событие – переброска части политзаключённых из Мордовии в Пермскую область и образование там 35-й, 36-й и 37-й зон. Вернувшись, я обнаружил отсутствие многих людей, которые находились в лагере до моей отправки.

Первая причина этой акции, которая сразу бросается в глаза, связана с тем, что Мордовия находилась в 7 часах езды от Москвы и была достаточно доступна для посещения. По закону краткосрочные свидания можно было давать не только близким родственникам, но и просто знакомым: этим правом, например, пользовалась Валя Чикатуева, когда приезжала на свидания с Сергеем Хахаевым, хотя формально они были подельниками и не больше. Контакты, благодаря близости к Москве, были довольно интенсивными, и очень много людей имело возможность приезжать на свидания и привозить какие-то свежие новости, в которых мы нуждались, и, соответственно, вывозить данные о том, что происходит в лагере. Таким образом, имела место утечка информации, что было для властей крайне нежелательным. Ездить же в Пермь было гораздо сложнее, например, с Западной Украины. В Мордовии через больницу также происходило взаимообращение зон, а когда приблизительно половину заключённых отправили в Пермскую область, такого рода контакты стали затруднительными.

В Мордовии можно было что-нибудь пронести на свидание и со свидания. Во Владимире порядки были куда строже – надзиратель не позволял личных контактов и однажды даже выхватил из рук моей матери яблоко, которое она мне протянула. На зоне же тебя полностью раздевали для осмотра, давали новые куртку и брюки, но при этом ты оставался в своих носках, и, если надзиратель был ленив, то вполне можно было что-то передать при встрече во время общего свидания. Однажды мы с матерью явственно слышали из-под пола писк фонащего микрофона, а Хахаев рассказывал мне, что, когда ещё не было компактных магнитофонов, то из штаба в «дом свиданий» и потом обратно в штаб таскали огромный ящик, когда к какому-нибудь «важному» зэку приезжали на свидание. Мать привозила с собой тетрадку с карандашом, и мы писали друг другу то, что хотели, но не могли сказать, а когда родственникам стали запрещать иметь при себе пишущие предметы, для тех же целей использовалась фольга из-под шоколада.

В первое свидание мать привезла мне апельсины. Передала их для меня библиотекарш швейной фабрики, на которой работала моя мать: у неё при Сталине были репрессированы родители, и ей хотелось сделать для меня что-то хорошее.

Иногда мы входили в контакт с нарядчиками, находя общий «экономический» интерес. Положение нарядчиков в зоне было особым, их обязанности сводились к составлению списков заключённых, которых выводят на этот день на работу, нарядчик должен был выкликать каждого по фамилии, и от него зависело, выйдет такой-то или нет. Нарядчик был персоной, приближённой к администрации, ему разрешалось заходить в дом, где происходило свидание заключённых с родственниками, и при попустительстве надзирателей, – видимо, они получали свою долю, – мог проносить в зону привезённые посылки. Когда к нам с Кириковым на первом свидании летом 1970 года привезли килограммов 15 разных продуктов, нарядчик пообещал вынести их за то, что мы отдадим ему четверть содержимого. Своё обещание он выполнил, хотя, как я понимаю, такого рода вопросы он старался согласовать с оперуполномоченным и с начальником режима, дабы по отношению к нему не было претензий, а те уже давали своё согласие или несогласие в зависимости от отношения к заключённому.

Через больницу происходило общение заключённых и можно было иногда даже получить какую-то записочку или открытку от своих поделльников, находящихся в другом лагере. Так к нам попадали стихи Даниэля (он находился в заключении до сентября 1970 года) «Немного арифметики», «Лефортовские страдания». Всё это создавало ощущение интеллектуального и духовного общения, укрепляло в уверенности, что каждый из нас является членом большого братства эзков, отсюда и обобщённое «мы» в песне Ронкина. Впрочем, и в этом братстве существовали такие моменты, как психологическая несовместимость, идеологические противоречия, вызывавшие напряжённость в личных отношениях; некоторых людей, сидящих в одном лагере, нельзя было увидеть не только пьющими вместе чай, но и разговаривающими во время совместной работы.

Мне кажется сомнительной гипотеза, которая приводится в некоторых книгах – Вудки, в частности, – что в Пермскую область были отправлены только те заключённые, которые считались особо опасными с точки зрения администрации, бунтари и зачинщики всякого рода акций протестов. Несомненно, что в целом это расплыло попытки организованного сопротивления произволу администрации, но однозначно утверждать, что такого-то отправили в Пермь, потому что он протестовал, а оставшиеся в Мордовии были люди, склонные к сотрудничеству с администрацией, я бы не рискнул.

Близость политзон к Москве имеет историческое обоснование. Лагеря в Мордовии существуют издавна – во время первой мировой войны зоны для австрийских военнопленных; темняковские лагеря в 20-х, куда ссылали монахов; после 1956 года большинство осуждённых по 58-й статье освободили, и как раз те, кто садился при Хрущёве, были началом новой волны действительно политзаключённых, которые так или иначе выражали свою оппозиционность к режиму, – их, по традиции, стали оставлять в Мордовии, а может быть, именно в силу того, что в 50-х по сравнению с 40-ми политзаключённых было гораздо меньше, решили создать, как остроумно выразился украинский писатель Валентин Мороз, «заповедник имени Берии» под боком у властей.

Обычно поэтически настроенные натуры обыгрывали мордовские топонимы. Иван Сокульский подчёркнуто значительно произносил такие названия, как Потьма, Мордовия, Умор и даже Явас!

В Саранске, по словам Николая Тарнавского, стоит памятник поэту Полежаеву, на постаменте которого выбиты строки:

*Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы прячетесь во мгле,
Между тем, как притеснители
Торжествуют на земле.*

По иронии судьбы, Мордовия, кроме Владимира, была единственным местом, где содержались политзаключённые в начале 70-х годов.

Таким образом, плацдарм, за которым в 50-е удобно было наблюдать из Москвы, к середине 70-х становился помехой: информация начала просачиваться за рубеж. Подобные каналы в 50-е были крайне немногочисленны. Широкое общение с западными журналистами началось, как мы помним по «Запискам диссидента» Амальрика, в середине 60-х. До этого времени все попытки контакта иностранные корреспонденты воспринимали крайне настороженно, да и желающих к ним обращаться было мало.

* * *

Атмосфера конца 60-х – середины 70-х резко изменилась, и в этой связи показателен случай с заключённым 19-й зоны Богдановым. Рабочий военного завода, в 1968 году он вынес оттуда какую-то деталь и пытался продать её в центре Москвы американцам. Он получил 10 лет за измену родине, и особого шума его процесс не вызвал, что свидетельствует об изменении психологического климата в обществе по сравнению хотя бы с историей, описанной в воспоминаниях Копелева и послужившей Солженицыну материалом для романа «В круге первом».

На этой истории можно проследить и обратное влияние литературы на сознание. Построение различного рода идеологием просматривается в случае с Богдановым и в рассказе, который предложил Сенин КГБ в 1967 году. Если мы хотим подвергнуть анализу деятельность ГБ, то следует иметь в виду, что какими бы всеведущими они ни пытались себя представить, это были самые обыкновенные люди, и можно предполагать, что сотрудники отделов, которые не были связаны напрямую с борьбой с инакомыслием, могли вообще понятия не иметь о содержании самиздата, поскольку в нерабочее время им предписывалось избегать чуждых влияний. С другой стороны, они также были подвержены шпиономании, всерьёз читали «Библиотеку военных приключений», и поэтому рассказ Сенина не вызвал у них особых подозрений, они записали его и, очевидно, передали в отдел аналитиков; также и Богданов, начитавшись подобной литературы, был уверен, что американцы с руками оторвут деталь, украденную с военного завода. Сюда же относится и история с Гринем, который сел только за то, что в кафе побеседовал с каким-то военным атташе.

Тетрадь, изъятая у Сенина, не сохранилась, хотя я уверен, что её с большим удовольствием приобщили бы к делу. Кстати, в нашем приговоре есть совершенно абсурдная фраза, что Сенин ещё в 1967-м предупреждался о прекращении

враждебной деятельности, что противоречит истине, поскольку тогда история с тетрадкой была зафиксирована просто как случайный эпизод. Тетрадку потеряли, что свидетельствовало, во-первых, об определённом хаосе в учреждениях госбезопасности, и, во-вторых, о том, что ей не придали большого значения; видимо, подобные тексты достаточно широко циркулировали по стране и достаточно нейтрально воспринимались теми, кто мог с ними познакомиться. Мой одноклассник, которого я встретил, уже будучи участником сенинской группы, сказал, что однажды на пляже году в 1963-1964 он нашёл с приятелем какие-то листовки и потом их выбросил. Меня, конечно, интересовали любые проявления такого рода пропаганды, и я стал спрашивать, о чём там было написано. «Что-то против Хрущёва», – ответил он. Время от времени листовки возникали то тут, то там; КГБ старался все эти факты тщательно скрывать, а население не намеревалось каждую такую листовку тиражировать. Сейчас крайне сложно проследить эту деятельность, пока не открыты полностью архивы ГБ до 1991 года.

Много лет спустя после лагеря я получил от одного из находившихся в Мордовии заключённых – Владимира Ивановича Кузюкина – письмо, в котором он дополнял мои сведения о фактах распространения листовок в Саратове. Летом 1969 года, когда я поехал в Киев, капитан СА Кузюкин распространял листовки в Саратове. Цитирую письмо: «Что касается эпизода распространения листовок в Саратове, это был поиск единомышленников. Так как в положении офицера это сделать было трудно, так я и действовал в одиночку, одного и судили. Листовки мною были приготовлены в ГДР, где я проходил службу, и при прибытии в СССР в отпуск распространил их в Бресте, Москве, Саратове. В Саратове я распространил 6-7 экземпляров, но в КГБ попал только один, из «Дома книги», это было 22 июля 1969 года, а когда вы были в Киеве, я ещё служил в ГДР и приехал на Украину только в 1970 году. Я полагаю, мне было тяжелее, чем другим, у них были друзья, сообщники, а я один, и моя семья после ареста оказалась во враждебном буквально окружении, был пущен слух, что я шпион и так далее». В приговоре по его делу говорилось, что под влиянием прослушивания враждебных радиопередач Кузюкин изготовил несколько листовок, содержащих клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. О конкретном содержании листовок в приговоре, как правило, речь не шла, и бывали даже смешные случаи, когда прибегали к эвфемизмам: «допускал клеветнические измышления в адрес основателя советского государства» или «в адрес одного из руководителей коммунистической партии». Также в приговорах часто употреблялись выражения, которые, с точки зрения властей, должны были придать мнимый характер теоретическим построениям инакомыслящих; по этому поводу у нас сложилась шутка, что в приговоре можно писать что-нибудь вроде: «якобы президент так называемых Соединённых Штатов Америки».

* * *

Вначале меня интересовали люди, придерживающиеся социалистического мировоззрения, затем установились контакты с демократами, а уже в конце срока моё внимание привлекала группа, находившаяся на правом фланге тогдашнего оппозиционного движения. В основном это были люди, принадлежащие

к ВСХСОН, иногда оппоненты называли их для краткости монархистами. Я не ожидал встретить в лагере людей, да ещё из такой большой группы – по процессу ВСХСОН прошло около 30 человек, – ориентированных на создание консервативной системы. Поскольку у меня не было стремления во что бы то ни стало обругать оппонента, но всегда хотелось разобраться в системе взглядов, я с вниманием стал присматриваться к нашим «правым».

Из ВСХСОН на 19-й зоне было 3 человека – Вагин и Аверичкин, осуждённые по 64-й статье и получившие по 8 лет, и Владимир Ивойлов, осуждённый по 70-й статье. Ивойлов освобовился, пока я был во Владимире, и за время заключения нам не удалось толком пообщаться, беседовать с ним мне довелось только в декабре 1991 года. Он был единственным в зоне человеком, имевшим скрипку, на которой время от времени наигрывал. Работал он при бане в жилой зоне, у него была рабочая комнатка, и большую часть времени он проводил в уединении. Не приходилось мне общаться и с Борисом Аверичкиным, круг его общения замыкался на двух-трёх людях и в совместных чаепитиях, как демократических, так и интернациональных, он не участвовал.

Вагин, третий ВСХСОНовец, сыграл большую роль в моём становлении как личным общением, так и своей библиотекой. Его книги резко отличались от того, что было в лагерной библиотеке и в личном пользовании других заключённых: по рукам ходили «Современная социологическая теория» Беккера и Боскова, изданная в начале 60-х для научных библиотек, или переводной «Курс для высшего управленческого аппарата». Я смутно помню беседу Вагина с Вудкой, которая происходила при мне после прибытия братьев Вудок в лагерь, они говорили о вещах, хорошо им знакомых, не ссылаясь на источники, скажем, на неизвестного мне тогда Чаадаева. Для лагерных условий библиотека Вагина была роскошной – до 1969 года разрешалось присылать книги из дома, и этим пользовались многие заключённые. У Вагина было собрание сочинений Владимира Соловьёва, сочинения Ивана Киреевского, «Россия и Европа» Данилевского, двухтомник «Философия общего дела» Николая Фёдорова, «Борозды и межи» Вячеслава Иванова. Заключённые рассказывали, что большая библиотека была и у ВСХСОНовца Михаила Садо, сидевшего в другой зоне; шутили, что человек начинал знакомиться с его книгами с одними взглядами, а заканчивал с прямо противоположными. В определённом смысле Вагин сознательно давал читать книги знакомым, чтобы ориентировать человека в направлении, которое он считал, как я бы сейчас сказал, душеполезным. Книги религиозного содержания иметь запрещалось, а рукописи, хотя и просматривали, но делали это эпизодически, стараясь не затруднять себя копанием в текстах, где мог оказаться и Карнеги, и руководство по иглоукаливанию или хатха-йогe. У Вагина была общая тетрадь, в которой был переписан курс догматического богословия Макария, что было в наших условиях большой редкостью.

Мы постоянно беседовали о книгах, со слов Вагина и других ВСХСОНовцев я знал об Огурцове, создателе и лидере движения. С ним мне удалось познакомиться только летом 1974 года, когда его привезли из Владимира в Мордовию, продержав некоторое время в Перми; наше знакомство продлилось 7 дней. Хотя никаких книг у Огурцова с собой не было, он мог, как пишет и Зиновий Красивский в воспоминаниях «Владимирский централ», прочитать содержательную лекцию по самым разным областям гуманитарных наук. Огурцов, арестованный

в 30-летнем возрасте и пробывший 7 лет во Владимире, сохранил удивительную уравновешенность, он проявлял достаточный интерес к людям, но не был назойливым, чувство меры проявлялось во всём, вплоть до способности мгновенно засыпать во время отбоя в 22 часа и мгновенно просыпаться с подъёмом в 6 утра. Заключённые, как правило, или ложились раньше на полчаса-час, или засыпали после отбоя, побеседовав, покурив и выпив чаю. Огурцов же в 22 часа закрывал глаза, мгновенно засыпал и просыпался в 6 часов утра. Для меня в то время сон был серьёзной проблемой, до обеда я чувствовал себя вялым и разбитым, видимо, сказывалась вольная привычка поздно ложиться и вставать когда попало. А у Огурцова всё, даже биологический ритм, находилось в какой-то умеренной гармонии. Он охотно рассказывал о своём деле, был корректен в обращении – всегда на «вы» и по имени-отчеству, независимо от возраста и лагерного статуса собеседника. В то время было трудно вникнуть во все детали программы ВСХСОН, написанной в начале 60-х годов, но общий смысл был ясен, и у меня возникали только частные вопросы. Так, в 1974 году я спросил Огурцова, считает ли он, что за 10 с лишним лет в стране и мире произошли какие-то изменения, которые требуют пересмотра программы. Он ответил отрицательно, уточнив лишь, что программа нуждается разве что в конкретизации и развитии основных положений, в целом же он остаётся на позиции, сформулированной в начале 60-х. Для меня это было свидетельством последовательности Огурцова, которая, надо сказать, не имела ничего общего с сектантским фанатизмом и узостью, свойственной людям, стремящимся сохранить свои взгляды, несмотря на то, что окружение и исторические события должны были вносить в них коррективы.

Так или иначе все, кто попадал в Мордовию, должны были соотносить свои взгляды с другими, и те, кто считал себя марксистами в конце 60-х, как правило, эволюционировали вместе с интеллигенцией того времени; взгляды от чисто социалистических менялись в сторону демократических, от лево-социал-демократических к более умеренным, как в случае Зиновия Троицкого.

Мне хотелось найти своё место в этом спектре, но не примыкать ни к каким движениям. В какой-то момент я стал считать, что определяющими для меня являются религиозные ценности; в детстве я был крещён в православие и теперь следовало привести свою жизнь в соответствие с требованиями этой конфессии. Если говорить о политических концепциях, я разочаровался в идеях, которые исповедовал до ареста ещё и потому, что они носили атеистический характер; что касается демократов, то они были в полном смысле слова плюралистами и предоставляли каждому человеку выбирать между атеизмом и религиозностью, переводя специфику духовной жизни в ранг личного дела каждого. Таким образом, люди типа ВСХСОНовцев оказывались для меня наиболее близкими. Другое дело, что их религиозность зачастую была очень тесно связана с определённой национальной окраской и политической структурой; в этом смысле я оставался весь свой лагерный срок «непредрешенцем», считая, что политическое устройство зависит от сочетания многих факторов и выделять однозначно лишь одну форму правления для всех народов не считал и не считаю возможным. И когда мне говорили, что ВСХСОН это не только организация, созданная для пропаганды определенных религиозных идей, но и организация военно-политическая, мне это казалось некоторым приземлением, перекосом в сторону социологических схем и концепций, которые требуют всего человека для участия в каких-ли-

бо группах. Для меня с какого-то момента гипноз коллективной психологии, пафос отдачи себя целиком и полностью делу группы, а не постоянного нахождения своей индивидуальной судьбы, стал казаться неприемлемым.

Таким образом, из трёх основных течений наиболее близким мне было национально-религиозное, а из деятелей этого движения все отдавали безусловный приоритет Огурцову; многие люди, которые с ним встречались, особенно националисты, – несмотря на заранее пристрастное отношение к представителю русского национального движения и уверенность в том, что нормальный человек не может настаивать на сохранении многонациональной империи, – признавали, что их впечатление от Огурцова было как минимум благоприятным. И меня удивляло, когда кто-то выносил заочное суждение об Огурцове, не будучи с ним знакомым.

Были и парадоксальные ситуации: в Ленинграде сажают молодого парня по фамилии Шилькрот; по рассказам, ему инкриминировали распространение информации о ВСХСОН, кажется, листовки в их защиту. Когда он попал во Владимирскую тюрьму и украинские националисты стали ему пересказывать программу ВСХСОН в своей интерпретации, он стал сомневаться в необходимости своих действий, которые были вызваны общегуманистическими соображениями.

Несмотря на ярлык, который привешивала Огурцову молва, я убедился из недельного общения и потом из многолетней переписки, что этот человек во многих отношениях мог бы служить примером. В нём сочеталось самоограничение, дисциплинированность и одновременно внимание к самым различным проявлениям жизни и терпимость к вещам, которые, казалось бы, должны были вызвать протест: к самым экстремистским взглядам у него было спокойное и философское, я бы даже сказал, возвышенное отношение, постоянное стремление к нахождению синтеза, гармонии и точек примирения.

Наверное, поделницы Огурцова могли бы собрать о нём какие-то воспоминания. Думаю, что это было бы полезно в отношении каждого лидера группы – Драгош (Кишинёв, 1964), Ронкин и Хахаев (Ленинград, 1965), Вудка (Рязань, 1969), Сенин (Саратов, 1969), Троицкий и его супруга. Также и представитель любого национального движения может назвать своих лидеров, чьи имена в те годы были у всех на слуху, и которые подтвердили жизнью верность убеждениям, как Мустафа Джемилев – человек большого мужества и силы воли, он часто проводил голодовки, и почти вся его жизнь прошла в заключении; не боясь высоких слов, можно сказать, что он отдал её служению своему народу. Эта идея может показаться людям, которые считают себя космополитами или интернационалистами, слишком ограниченной, но для меня ценность личности в значительной мере определяется не только суммой идей, но и степенью их реализации. Это, в свою очередь, требует гармонии и взаимопонимания с окружающими, стремления найти приемлемые формы человеческого общения независимо от идейной позиции, жизненного опыта, социального статуса, пола, возраста и вероисповедания. Сокульский рассказывал мне, как он сидел с Огурцовым, и они часто говорили о будущих взаимоотношениях между русскими и украинцами. То, как Огурцов выражал свои мысли, не вызывало резкого отталкивания у таких известных украинских демократов, как Сокульский или Попадюк. Присутствовавший при этих разговорах Лёня Трепов подтвердил мне, что уровень беседы был

вполне корректным, люди обменивались своими взглядами и пытались найти точки соприкосновения.

Хотя, конечно, есть вопросы, где люди не могут найти общего решения. Так, Воробьёв говорил, что демократия существует только для сторонников демократии. Мне не приходилось встречать – благодаря специфической атмосфере Мордовии первой половины 70-х – людей, которые вполне обоснованно утверждали бы, что в обществе должна господствовать только их точка зрения, а к её противникам применяться определённые санкции – это слишком напоминало бы наших тюремщиков, и никто не пытался заявить, что вопрос власти для него основной. В этом случае следовало бы делать официальную карьеру, а не принимать участие в движении инакомыслия, не тратить время на листовки и самиздат. Мы же стремились распространять некоторую сумму взглядов, что в некотором смысле можно считать романтично-просветительским движением.

Эта позиция позже стала сливаться с идеей защиты прав человека и становиться движением за возникновение достойного общества. Подспудно все понимали, что официальная идеология лжива и античеловечна, и противопоставить ей следует искренность и уважение к личности. Таким образом, можно сказать, что все участники этого движения так или иначе были персоналистами и правозащитниками. И в наиболее концентрированной форме эти взгляды выражались людьми, которых власти признавали инициаторами и организаторами этого движения. Мы помним эпизод, когда Буковский пришёл к своему приятелю и сказал, что нельзя оставить без внимания дело Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой и нужно устроить демонстрацию протеста у здания суда, добавив, что если никто со мной не пойдёт, то я буду демонстрировать один.

Степень решимости у разных людей была различной, такие группы, как наша, опасались выступать открыто, считая систему слишком мощной и способной на мгновенное уничтожение всякого проявления инакомыслия и недовольства режимом, и стремились к конспирации. Это было знаменем эпохи, такие группы возникали как раз в первое десятилетие после XX съезда и стремились себя не раскрывать, а находить единомышленников и вести постепенную пропагандистскую работу, которая бы привлекала всё больше и больше сторонников. Уже потом мы стали узнавать о попытках создания легальной оппозиции на рубеже 1960 – 1970-х годов. В это время возникает Комитет защиты прав человека Сахарова, и хотя его деятельность не развернулась, через несколько лет она нашла воплощение в создании Московской Хельсинкской группы, действия которой были гораздо более эффективными и успешными, и власти не могли сразу выработать механизм противодействия идеям, выдвинутым МХГ. Созрели предпосылки для широкого информационного обмена между различными оппозиционными течениями, что привело в конце 80-х к возникновению Народных фронтов разных республик СССР. Идея создания народного фронта в России в силу специфики обстоятельств не получила развития.

Интересно было бы провести статистический анализ и посмотреть, какие имена чаще встречаются в правозащитной документации, какие темы наиболее часто освещаются. С уверенностью можно сказать, что имена деятелей русского национального движения не пользовались широкой известностью, группы действовали сугубо законспирировано и их идеи не были популярны в широких слоях интеллигенции. ХТС, хотя и давала информацию о правых, но не считала

нужным пропагандировать это движение. Так, наиболее полная информация о ВСХСОН появилась в статье Осипова «Бердяевский кружок в Ленинграде» лишь в 1972 году в «Вестнике РХД». Создавшие и развивавшие «Хронику» люди были настроены демократически, идеи центристского плана более успешно распространялись внутри страны, документы для демократического самиздата охотно переправлялись на Запад, а оттуда проникали в виде тамиздата и радиопередач. Запад тратил время, силы и средства на пропаганду идей демократизации внутри СССР, нежели на идеи национально-религиозного толка: с точки зрения сугубо демократической, религия была личным делом каждого, а национальное движение на окраинах приветствовалось как инструмент ослабления сверхдержавы. Внутринациональное же движение воспринималось с опаской, и в нём виделась опасность возникновения русского нацизма. Повышенное внимание уделялось как раз деятелям экстремистского толка – Емельянов, Евсеев, чьи произведения воспринимались как угрожающее предупреждение. С другой стороны, и в советской печати фамилии Вагина и Огурцова могли появиться только в случайном и безликом контексте, и внимание к этим людям никогда не привлекалось. Первая публикация в открытой печати, где можно найти перечисление членов ВСХСОН, появилась в 1992-м в «Нашем современнике». Что касается Владимира Осипова, то он был более широко известен, потому что пошёл по пути создания легального движения, выпускал журнал «Земля» совершенно открыто и указывал в нём свою фамилию,

В наиболее яркой форме взаимодействие демократов и правых нашло отражение в полемике Солженицына и Сахарова, которая в силу исторических причин и несбалансированности общественного движения не получила достаточно широкого резонанса, и мы не можем сказать, что в конечном итоге Сахаров и Солженицын пришли к компромиссу, который позволил бы достаточно удачно интегрировать их точки зрения. В вопросе о десоветизации стран Восточной Европы сходились практически все, но что касается проблемы возникновения тоталитаризма в СССР, тут концепции были самыми различными, хотя могли быть сведены к двум: результат внешнего влияния или следствие внутренних процессов.

В лагере я чувствовал, что существует различие между «правыми» и представителями демократов и националистов в отношении, скажем так, сугубо земной проблематики. У «правых» ни в программе, ни в перспективных взглядах не ставился вопрос о разделении СССР на отдельные государства, тогда как националисты к этому открыто стремились, и на этой почве не было общего языка. В то же время и демократы, и националисты никогда не спорили с «правыми» по религиозным вопросам, и те и другие признавали приоритет духовных ценностей или, по крайней мере, полноправность религии с другими формами сознания, в то время как коммунизм, марксизм и социализм открыто декларировали атеистическое мировоззрение, и вот тут уже расходились с правыми в религиозном вопросе, но могли находить общий язык по поводу сохранения империи.

Я помню, какое восхищение у меня и моих солагерников вызывал Иван Мирон: часто зимой он ходил по дорожке вдоль барака и читал молитвы. Он был без шапки, и глядя на его совершенно лысый череп, казалось, что он неизбежно должен замёрзнуть. Но Мирон был настолько увлечён молитвой, что она его согревала, и он никогда не простужался. Он отнюдь не был фанатиком, замкнутым

на своей внутренней сфере; сидел он, скорее всего, по обвинению в украинском национализме, выписывал «Science», интересовался какими-то существенными для него событиями. Поскольку религиозная сторона жизни стояла у него на первом плане, он легко находил общий язык с представителями любых национальностей и пользовался всеобщим уважением. Мне он казался воплощённой духовностью. Если человек, принимавший участие в национальном движении, считал себя скептиком и позитивистом, то для него национальное поневоле становилось главным и как бы болезненным, он постоянно пытался в общении с окружающими этот вопрос ставить во главу угла, постоянно вступал в конфронтацию и полемику с людьми, которые, как ему казалось, посягают на его национальное самосознание. Отказ человека от христианских представлений о ценности личности, от любви к людям вообще и привязанность, основанная на кровнородственных связях по происхождению, по месту жительства, мне кажутся рецидивом язычества и сопрягаются с влечениями, которые свойственны всему животному миру: нечто среднее между страстью биологического порядка и представлениями о ценности личности.

Я считал себя просто представителем христианского течения независимо от социального решения проблемы. Несмотря на моё отталкивание от коммунизма и марксизма, люди, которые пытались примирить христианство – как идеал – с коммунизмом – как идеалом, не вызвали у меня внутреннего протеста. Другое дело, когда это было подчинено сугубо политическим целям, когда официальная пропаганда декларировала, что коммунизм и христианство имеют точки соприкосновения. Я видел, что это просто демагогия и попытки использовать религию в тактических целях; на рубеже 1940–1950-х в СССР даже была издана книга архиепископа Кентерберийского «Христианство и коммунизм», которую советская власть с успехом пропагандировала, хотя, может быть, как раз архиепископ Кентерберийский и понимал, что реальные воплощения коммунизма не так безобидны и уж никак не уживаются с проповедью христианской любви. И когда литовские националисты приглашали на празднование 70-летия Паулайтиса члена ВСХСОН Вагина, Капранова, который до ареста входил в либерально-демократическую группу, но к моменту прибытия в лагерь считал себя человеком религиозно ориентированным, меня, севшего за участие в группе левого толка и ставшего в лагере христианином, – нас приглашали именно как русских христиан, так же как могли пригласить украинских христиан, мусульман или иудеев. Я помню, как в 1974 году совпали православная и католическая Пасха, что бывает не так уж и часто, и русские, литовцы и украинцы вместе отмечали этот праздник.

Конфессиональная принадлежность имела большое значение в нашем повседневном общении. Мне не приходилось за всё время заключения слышать какие-нибудь беседы, направленные на достижение экуменического единства, равно как и теологических диспутов, которые бы подчеркивали различие между конфессиями, разговоры крутились в основном вокруг этнических проблем. Лишь однажды кто-то из западных украинцев очень резко отзывался вслух в бараке на 19-й зоне о православии как о дикой и бессмысленной религии, что меня очень удивило, потому что среди нас находились верующие люди, которые, хотя и не получили какого-то светского образования – особенно среди стариков на 19-й зоне, – тем не менее обладали внутренним благородством и были очень

внимательны к окружающим. Именно на почве религии создавалась реальная возможность отодвигать на задний план социальные вопросы, которые приводили к многочасовым спорам и конфронтации, и создавать некий прообраз соборного единения. С другой стороны, единство, основанное на общности положения, возникало, когда представители всех трёх течений могли принимать участие в акциях протеста, которые объединяли нас независимо от традиции.

Характерно, что в таких случаях общего врага видели не в конкретных личностях, а в их действиях. Я не помню, чтобы я когда-нибудь требовал, чтобы против такого-то надзирателя было возбуждено уголовное дело или чтобы он был наказан другим образом. Возможно, и такие требования могли быть правомерными, но за мой срок подобной ситуации просто не возникало; мои протесты были направлены против отягощающего режим произвола или связаны с конкретными событиями, как годовщина смерти Галанскова или массовые аресты на Украине в январе 1972-го, сильно ударившие по украинскому национальному движению и людям, которые были посредниками между украинским и московским демократическим движением.

Я имею основания отождествлять свою эволюцию с общей эволюцией интеллигентского сознания в СССР: отход от коммунистических идей чувствовался не только в подцензурной либеральной литературе, но и в других областях, скажем, в философии, в выходе «Философской энциклопедии» со статьями авторов, уже заявивших о себе как о людях, не связанных с официальной идеологией. Были статьи Белинкова, которые мы с интересом читали во Владимире, появлялись статьи Аверинцева, – чувствовалось, что это люди нового духа, свободные от марксистских и коммунистических стереотипов. Опадала шелуха махровой советской идеологии, происходило своего рода очищение, и на этом фоне те, кто искренне считал себя марксистами и коммунистами, к концу 60-х признавали необходимость перемены своих позиций, чему способствовала и «пражская весна». Конечно, были Будапешт, и Германия 1953 года, и коллективизация, и всё это ещё не убеждало многих, не было доказательством порочности самой системы.

Но вот люди, искренне верящие в коммунистические идеи, начинают сознавать необходимость их пересмотра, и, соответственно, возникают неомарксизм, неокommунизм, более либеральные концепции, которые приводят к выводу, что жёсткая система бесчеловечна и угрожает личности. Появляется желание выдвинуть альтернативу, которая возникает или в виде демократических групп, или национально-религиозных, причём те национальные движения, которые сложились после событий 1939-1940 гг., базировались на осмыслении того, что национальное движение невозможно без внутреннего стержня, которым является религиозное сознание. Построить национально-патриотическое движение на атеистической основе практически было невозможно, потому что атеизм, в лучшем случае, – достояние одиночек, которые, так сказать, ставят себя в центр мира, а всякая попытка сформулировать идеологию любого национализма есть попытка базироваться на какой-то общей для этой нации идее. В истории человечества мы не встречаем безрелигиозных наций. И этот фактор способствовал тому, что любой национализм имел религиозную окраску, и если кто-то из националистов объявлял себя воинствующим атеистом, то тем самым порывал с традицией и вообще с необходимостью бороться за национальные идеалы.

Преодолению коммунистических воззрений или, скажем, их корректировке, если кто-то считал эти взгляды настолько ценными, что не мог с ними расстаться, в условиях лагеря в Мордовии первой половины 70-х помогало то, что большинство населения зоны никак не были людьми, приверженными коммунистической идеологии. За исключением «полицаев», служивших гитлеровцам без всяких идейных побуждений, почти все были настроены к режиму оппозиционно и стояли на некоммунистических позициях. Большинство заключённых были националистами, а национальные идеи по определению не интернациональны, как правило, связаны с религиозными концепциями – армяне привержены монофизитству; западные украинцы считали себя униатами, несмотря на события 1946 года, которые формально прекратили существование униатской церкви на территории Советского Союза; сионисты, скажем, несмотря на то, что среди них я встречал людей, которые, получив советское воспитание, придерживались как бы коммунистических взглядов, по крайней мере, считали приемлемой идею возвращения на родину, а она неизбежно была связана с библейскими мотивами, – всё это предрасполагало к тому, что люди, с которыми мне приходилось общаться, постоянно высказывали свой комплекс идей, некоммунистических или антикоммунистических, которые создавали серьёзный интеллектуальный и эмоциональный противовес: критика коммунизма была достаточно основательной и за ней стояла жизненная правда каждого человека, каждого этноса и его представителей, сохранившихся у нас, в Мордовии.

Эти концепции сложились у меня сначала на основе эмоционального восприятия людей и событий, идей и течений. Сейчас наступает время осмысления, время собирать камни и время воздавать должное людям, которые помогали мне продвигаться по пути обретения личности в общем хоре. Это и попытка самосознания, попытка понять, почему всё сложилось именно так. Например, участники ленинградского «Союза коммунар» (кстати, в ходе эволюции его участников в сторону сближения с либерально-демократическим движением группа эвфемистически стала именоваться то «Делом «Колокола», то «Группой ленинградских технологов»), насколько мне известно, остались на безрелигиозных и интернациональных позициях, но, тем не менее, приобрели уникальный опыт: путь, который каждый из нас прошёл в Мордовии, был путём роста вместе с солагерниками и оставшимися на воле друзьями. Как по закону сообщающихся сосудов, все процессы в стране оказывали влияние на каждого из нас.

Даже наиболее стойкие марксисты, вроде Бориса Бульбинского, претерпевали какие-то изменения. Так, оставаясь коммунистом, он пытался выбрать между китайским и югославским вариантом, других путей он просто не представлял. Грубо говоря, он метался в своих размышлениях между Пекином и Белградом с частыми остановками в Москве, частично признавая правомерность советского варианта коммунизма, частично отвергая. Среди социалистов и коммунистов чаще всего муссировался вопрос: когда произошло перерождение первоначальной коммунистической идеи. Если одни считали, что это случилось в 1921 году, другие в 1937 году, то Бульбинский шёл дальше всех. Он относил это явление чуть ли не к концу 1940-х, когда вместо наркоматов были введены министерства и вместо шпал и треугольников – погоны, которые существовали при царе, что свидетельствовало о крахе революционных идеалов. Этот внешний признак был для Бульбинского более значим, чем вся предшествовавшая

40-м годам история Советской власти. Нежелание эволюционировать, крайний внутренний консерватизм приводили к стремлению не только игнорировать противоположные точки зрения, но даже в рамках одной системы взглядов постоянно воспроизводить тот же самый круг идей.

Середина 70-х была эпохой кристаллизации идей демократического и национально-религиозного спектра. Попытки найти точки соприкосновения уживались с чётким размежеванием позиций, что иногда приводило к конфронтации. Демократы с национал-религиозниками вполне могли соглашаться в понимании социализма как явления тоталитарного характера, и спор начинался там, где речь заходила о социальных схемах, конкретных событиях и личностях, в том числе исторических. Особо это было заметно на примере ещё не прояснённых фигур и событий.

* * *

Последний год моего пребывания в лагере я работал на сравнительно лёгкой работе, она занимала у меня время целиком до обеда и немного после, так что до развода и возвращения в жилую зону оставалось час или два, и я мог читать или с кем-то беседовать. Помню один досадный случай, который очень сильно меня расстроил. Комаров дал мне почитать своё стихотворение, довольно большое; текст был построен в форме диалога старика и молодого человека, на его вопросы старик отвечает одной фразой, которая проходит рефреном: «Я стар и о многом судить не берусь, но знаю одно – Православную Русь». Комаров иногда декларировал себя как язычника, стремившегося к реконструкции дохристианских верований, хотя на практике это никак не проявлялось. Все мы хорошо отдавали себе отчёт, что славянская мифология не сохранилась в достаточно полном объёме и человеку, который всерьёз решил жить полноценной языческой жизнью, пришлось бы тяжело. Стихотворение, в котором явственно звучал интерес к православию, меня весьма заинтересовало, и я стал переписывать этот текст. Я сидел один в помещении, где мы переодевались в рабочую одежду (было два комплекта, один для жилой зоны, другой для рабочей: верхняя куртка и брюки), когда неожиданно вошёл надзиратель. Я спрятал листок в книгу, он заметил и забрал у меня и книгу и вложенное туда стихотворение. Мне ничего не оставалось делать, как пойти к Комарову и сказать, что стихотворение у меня отняли, и предупредить его, чтобы он был готов к разного рода вопросам – в тексте были фрагменты, которые можно было воспринять как проявление нелояльности к режиму. Мы всегда были готовы, что в любой момент может быть заведено новое уголовное дело по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, и, несмотря на то что доверяли друг другу, подобные ситуации были крайне неприятны из-за отсутствия свидетелей. Комаров был человеком очень восприимчивым, у него могла подняться температура только на нервной почве, и он вынужден был всё равно ходить на работу: освобождение в медсанчасти иногда зависело не столько от врачей, сколько от начальника режима. К счастью, Комаров отнёсся к случившемуся спокойно, и на характер наших отношений это не повлияло.

В послеволадимирский период я неожиданно для себя стал заниматься огородничеством. Лагерники латыши и литовцы славились как огородники, при первой же возможности они заводили себе маленькие участки чуть ли не в нацистских концлагерях. Я был городским жителем, не привязанным к земле, разве что, когда ещё был школьником, мои родители сажали картошку. А тут я увидел, с каким удовольствием прибалты ухаживают за насаждениями, да и мой приятель Слава Родионов завёл себе огородик, и после того, как Слава освободился, его участок перешёл ко мне. Оказалось, что на этом кусочке земли растёт многолетний щавель и туда можно подсаживать петрушку, настурции и укроп. Семена прибалтам старались присылать родственники или привозить на свидания, так что существовал определённый семенной фонд. Я втянулся и, уходя на работу в первую смену, просил работающих во вторую поливать грядки после захода солнца, – днём это делать было очень опасно, растения могли выгореть, – и сердился, если узнавал, что об этом забывали. Бывали случаи, что надзиратели вытаптывали посевы просто из вредности или по указаниям начальства. Рядом с цехом была небольшая полоска земли, метр на два, она засаживалась овощами и огородными культурами: укроп, петрушка, щавель, иногда морковка. Я впервые узнал, что листья настурции можно класть в салат. Кроме того, в рабочей зоне был цех, куда привозили брёвна на разделку, там обычно осыпалось очень много шелухи и старой коры, так что образовывались целые площадки с определённым микроклиматом, и можно было видеть кучки грибов, иногда даже найти шампиньоны. Мы собирали их и жарили. Один из моих знакомых продемонстрировал способность жить в экстремальных условиях: наловил майских жуков, зажарил целую сковородку и, к изумлению эзков, съел. Разумеется, это не было насущной необходимостью, скорее демонстрацией того, что человек при желании может воспользоваться и такими дарами природы. Юрий Вудка, хорошо знавший Библию, утверждал, что можно есть саранчу со всем семейством её, и предлагал сушить на зиму связки кузнечиков. До воплощения, впрочем, дела не доходило.

Мне рассказывали, что в соседней зоне эзки развлекались тем, что насыпали в ящик крошки, ловили прилетавших голубей и ели их; это было своего рода деликатесом и развлечением. Один из бывших бытовиков прославился тем, что ухитрился сделать нечто вроде удочки и забрасывать её в запретную зону или даже через забор и ловить там кур, которых выпускали жители посёлка: они могли иногда подходить близко к забору зоны или даже пролезать где-то между досками и бегать по запретке, что вызывало большой ажиотаж у заключённых и желание эту курицу поймать. Если курицу всё-таки съедали, а местные жители начинали жаловаться начальнику лагеря, тот невозмутимо отвечал, что не надо выпускать их так далеко. В лагере было около десятка кошек, они не чувствовали, что находятся в заключении, прогуливались по зоне и знали своих «хозяев» – некоторые эзки их подкармливали, и кошки сходились к определённому часу, зная, когда им принесут еду в рабочую зону, или встречая после ужина своих хозяев в жилой зоне. В этом отношении постоянно вспоминалась ситуация, описанная в воспоминаниях 40-х, когда съедали всё, в том числе и кошек, и бывшие эзки спорили, оправдано ли в рассказе о лагерях присутствие кота. В наше время ни у кого желания съесть кошку не возникало. Мне рассказывали, что по территории одной из мордовских зон протекал ручей, и в нём можно было видеть

бобров; у нас были земляные жабы. Однажды я поймал ужа и показал его своему приятелю Чекаюлису, тот сначала испугался, но когда я ему напомнил, что ужьи считались у литовцев священными животными, успокоился и очень даже благожелательно на ужа смотрел.

Молодой литовец Чекаюлис, отличавшийся деликатностью и интеллигентностью, где-то раздобыл флейту и играл на ней в свободное от работы время. Обвинение его было стандартным – молодые люди пропагандировали идеи независимости Литвы, собирались печатать листовки кустарным способом. Когда я спросил, каким образом произошёл их провал, он вздохнул и сказал: «Как всегда в таких историях, виновата женщина». Он рассказал подружке, та проговорила ещё кому-то, и таким образом дело дошло до госбезопасности. Чекаюлису едва исполнилось 18 лет и наверняка его знакомая была такого же возраста.

* * *

Срок мой заканчивался 29 августа 1975 года. К этому времени я сдал для проверки все имеющиеся у меня книги, рукописи и вырезки из журналов. Моя мать приехала в лагерный посёлок за несколько дней до конца срока и, к моему удивлению, мне разрешили долгосрочное свидание.

Вечером 28 августа меня выпустили обратно в зону, и после ужина я устроил прощальное чаепитие. Обычно собирались все, поддерживавшие дружеские отношения с освобождающимся, тогда это были Смайлис, Болонкин и другие. Комаров в это время пытался не обострять свои отношения с администрацией и предложил мне устроить сепаратное чаепитие, чтобы со стороны не было ощущения, что он присутствует в какой-то компании; мы с ним выпили чая отдельно.

Ночь я проспал вполне спокойно, утром мне предложили пройти в штаб, где я сдал старую одежду и получил новую эковскую форму, её выдавали всем освобождающимся: куртку, брюки, ботинки, телогрейку. Нашивку мою сохранил Федя Коровин. В самые последние минуты по какой-то надобности в штаб зашёл Богдан Ведута, он сидел по обвинению в измене родине, пытался перебежать, служа в погранвойсках. Ведута сказал, что хотел бы что-то оставить о себе на память, и первое, что у него нашлось, это тёмные солнцезащитные очки, которые он мне подарил. Меня отвели на вахту, где была дверь, выходящая за зону, которой пользовались надзиратели; пока оформлялись бумаги, я видел, как происходит лагерный развод, мои друзья шли из жилой зоны в рабочую, и мы махали друг другу, выкрикивая последние приветствия.

* * *

У ворот меня встретила мать, мы направились в бухгалтерию – ближайшее здание рядом с зоной, где мне выдали заработанные за 6 лет заключения 200 рублей. Я, конечно, тратил что-то на подписку, на «Книгу-почтой», но всё равно, общая сумма и по тем временам выглядела смехотворной – две средних месячных зарплаты. Практически я выходил с пустыми руками, хотя были случаи, когда у людей, сидевших по 10 – 15 лет, на лицевом счете накапливалась приличная сумма, на которую по освобождении можно было купить дом или ав-

томобиль. Я надел гражданскую одежду, которую привезла мать, и выглядел уже как самые обычные люди. За полтора-два месяца до освобождения разрешалось отращивать волосы, хотя администрация старалась следить, чтобы человек начал делать это не слишком рано.

Незадолго до конца срока меня сфотографировали на справку об освобождении. Для этой акции заключённым выдавали пиджак, галстук и рубашку, остальное не требовалось, поскольку не запечатлевалось на фото. На этой почве возникали разного рода казусы и скандалы, некоторые заключённые начинали протестовать против такого маскарада, но в большинстве случаев люди считали это пустой формальностью. На справке стоял штамп «Подлежит документированию по месту жительства». Это означало надзор. Если администрация и КГБ полагали, что особо опасный государственный преступник не встал на путь исправления, справка сопровождалась таким штампом. Автоматически давали не больше года надзора, потом могли прибавить – мне прибавили ещё полгода за нарушение правил надзора, хотя и незначительное – опоздал вовремя отметить. С 21 вечера до 6 утра я был обязан находиться каждый день дома, не имел права покидать населённый пункт без разрешения властей – а могли и не разрешить, и, наконец, раз в 10 дней отмечаться в отделении милиции. (Из-за надзора, кстати, у меня возникали сложности с работой: в тресте Саратовнефтегеофизики я обслуживал ЭВМ и мне каждый раз требовалось составлять график дежурств для милиции, так как работать нужно было и в ночную смену. До этого я две недели проработал на главпочтамте, но мне было предложено уволиться; очевидно, кому-то из органов показалось нежелательным, что в руки бывшему политзэку будут попадать разнообразные адреса: мало ли какая бывает корреспонденция! Не удалось мне получить и духовное образование: саратовский епископ Пимен сказал, что нужно подождать и посмотреть на отношение ко мне со стороны властей. Это было формой вежливого отказа; в то время он давал читать мне довольно много книг и помогал заниматься православным образованием).

От посёлка Лесной Zubово-Полянского района Мордовской АССР, где находился наш лагерь, до станции Явас ходила дрезина, вместе с нами ехали солдаты конвойных войск. Один из них спросил меня, не испытываю ли я по отношению к ним ненависти. Я с удивлением сказал, что в общем-то нет и даже не понимаю, чем вызывается такой вопрос: люди вы подневольные, да и судить о человеке можно по его личным качествам, а не по тому, в какой системе он работает. Солдат почему-то предполагал с моей стороны именно ненависть, и это заставило меня задуматься о том, что идеология, которая формировала сознание этих людей, настраивала их видеть в нас врагов, и, соответственно, такого же отношения они ожидали к себе. Мой ответ тоже удивил солдата. Ему было странно слышать, что человека можно оценивать не по ярлыку, который на него наклеивают обстоятельства жизни и система стратификации в обществе. В Явасе меня встретил освободившийся к тому времени Слава Родионов и подарил мне статью о Павла Флоренского «Иконоста».

Большая моральная поддержка была оказана мне в Москве. Меня встретили будущие члены Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева и Александр Гинзбург; к Алексеевой тогда зашёл Юрий Гастев, одноделец её мужа Николая Вильямса, математик, сидевший в конце 40-х. Меня растрогала атмос-

фера доброжелательности и взаимопонимания в доме Алексеевой. Я не предполагал, что за пределами зоны будут возможны такие же вольные и откровенные, как в лагере, разговоры о проблемах советского общества. С удивлением я увидел журналы «Грани», «Посев», мемуары Хрущёва на английском – литературу, за которую в конце 60-х жестоко преследовали; Алексеева рассказывала, как ездила на юг и захватила с собой томик «Архипелага», чтобы давать читать людям, с которыми ей доведется отдыхать, – такая свобода и раскованность очень воодушевляла. По сравнению с Саратовом, который я оставил перед заключением, это казалось новым и удивительным.

Вскоре мы с матерью отправились домой. В купе поезда нашими соседями оказались молчаливая женщина и крайне общительный мужчина лет 40, он уверял, что он едет в командировку на один из заводов, при этом постоянно пытался расспрашивать меня о том, откуда я еду и чем занимаюсь, вел себя настолько назойливо и развязно, что у нас с матерью сложилось впечатление, что надзор уже начался. Я отмалчивался и не поддерживал беседу. Надо было начинать привыкать быть осторожным. Я перемещался в иную среду.

Саратов, 1995

*Автор выражает благодарность
О. Рогову за помощь в работе над
текстом этой книги.*

Именной указатель

- Абанькин Витольд Андреевич (р. 1946) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 52
- Аверинцев Сергей Сергеевич (1937 – 2004) – российский литературовед – 116
- Аверичкин Борис Анатольевич (р. 1938) – политзаключенный – 110
- Авторханов Абдурахман Геназович (1908 – 1997) – историк – 33, 58, 92
авторы [статьи 1968 года в газете «Советская Россия»] – Бондарюк Андрей и Мушта Галина Андреевна (р. 1922) – 6
- Агапов, Нилин, Фомин, Ильин – псевдонимы членов «Группы революционного коммунизма», соответственно Федоров Ф.Э. (см.), Романов А.И., Кириков В.И. (см.), Куликов Д.Г. (см.) – 17
- Агатов – псевдоним А.А. Петрова (см.) – 41
- адвокат – Целовальников Борис Алексеевич (1922 – 1978) – 45
- Айдов Вячеслав Александрович (р. 1933) – политзаключенный – 86
- Александрович Рут Исаковна (р. 1947) – политзаключенная – 58
- Алексеева Людмила Михайловна (р. 1927) – российская правозащитница – 3, 104, 121, 122
- Альенде Сальвадор (1908 – 1973) – чилийский государственный деятель – 93
- Альтман Анатолий Адольфович (р. 1941) – политзаключенный – 58, 64
- Амальрик Андрей Алексеевич (1938-1980) – политзаключенный – 108
- Андреев Даниил Леонидович (1906 – 1959) – поэт, прозаик, политзаключенный – 77
- Аникин Сергей Павлович (р. 1947) – студент Саратовского педагогического института в конце 1960-х гг., физик – 21
- Арну Артюр (1833 – 1895) – французский политический деятель – 25
- Ахматова Анна Андреевна (1889 – 1966) – российская поэтесса – 70, 71
- Бабель Исаак Эммануилович (1894 – 1940) – российский писатель – 19
- Бабич Сергей Алексеевич (1939 – 2016) – политзаключенный – 52, 87
- Бажанов Борис Георгиевич (1900 – 1982) – бывший секретарь Сталина – 25
- Балакирев Валерий Иванович (р. 1940) – политзаключенный – 33
- Барков Иван Семенович (1732 – 1768) – российский поэт – 97
- Беккер Говард (1899 – 1960) соавтор (вместе с А. Босков) книги «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменениях» (1957, рус. пер., М., 1961) – 110
- Белецкий Владимир Дмитриевич (р.1939) – знакомый А.И. Романова – 20, 21
- Белинков Аркадий Викторович (1921 – 1970) – литературный критик, политзаключенный – 70, 116
- Белокрыс Михаил Алексеевич (р. 1941) – музыкант – 33
- Белохов Валерий Константинович (1947 – 1987) – политзаключенный – 33, 79, 80, 83
- Белоцерковский Вадим Владимирович (1928 – 2017) – публицист – 20

- Берг Яков Михайлович (он же Хаимович Яков Элихунович) (р. 1933) – политзаключенный – 77, 86
- Бергер Анатолий Соломонович (р. 1938) – политзаключенный – 55
- Бердяев Николай Александрович (1874 – 1948) – российский философ – 33, 92
- Берия Лаврентий Павлович (1899 – 1953) – советский государственный деятель – 7, 26, 107
- Берсенёв Владимир Евгеньевич (1948 – 2016) – политзаключенный – 53
- Бессонов Михаил – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 45
- Бобров Виктор Александрович (р. 1946) – политзаключенный – 11, 21, 31, 32, 35
- Богач Николай Алексеевич (р. 1944) – политзаключенный – 60, 97
- Богданов Владимир Константинович (р. 1929) – заключенный – 108
- Бодрунов Владимир Д. (р. 1949) – политзаключенный – 44
- Болонкин Александр Александрович (р. 1933) – политзаключенный – 33, 92, 99, 120
- Борин Л. – псевдоним Ю.В. Вудки (см.) – 15, 16
- Бородин Леонид Иванович (1938 – 2011) – писатель, политзаключенный – 68
- Босков Алвин – соавтор (вместе с Г. Беккером) книги «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (1957, рус. пер., М., 1961) – 110
- Браун Николай Николаевич (р. 1938) – политзаключенный – 55
- Брежнев Леонид Ильич (1906 – 1982) – советский государственный деятель – 99, 103
- Брэм Альфред (1829 – 1884) – немецкий зоолог – 69
- Будулак-Шарыгин Николай Александрович (р. 1926) – заключенный в Мордовии – 51, 80, 85
- Буковский Владимир Константинович (р. 1942) – политзаключенный – 76, 77, 113
- Булгаков Михаил Афанасьевич (1891 – 1940) – российский писатель – 19
- Бульбинский Борис Иванович (р. 1933) – политзаключенный – 52, 87, 117
- Бутман Гилель (варианты имени: Гиля) Израилевич (р. 1932) – политзаключенный – 79
- Бухарин Николай Иванович (1888 – 1938) – советский государственный деятель – 14
- Быков Борис Иванович (р. 1942) – политзаключенный – 73, 74
- Вагин Евгений Александрович (1938 – 2009) – политзаключенный – 38, 82, 91, 93, 100, 102, 110, 114, 115
- Вадим – псевдоним Ю.В. Вудки (см.) – 18
- Вандакуров Юрий Петрович (1933 – 1992) – политзаключенный – 87
- Васильев Юрий Александрович (р. 1937) – политзаключенный – 84
- Васькин Василий Тимофеевич (1914 – 1993) – генерал-майор, начальник УКГБ по Саратовской обл. – 168
- Ведута Богдан – заключенный 19-й зоны в Мордовии и во Владимирской тюрьме – 120
- Видунас (1868 – 1953) – литовский философ – 88
- Визбор Юрий Иосифович (1934 – 1984) – российский поэт – 6
- Вильямс Николай Николаевич (1926 – 2006) – политзаключенный – 121
- Владимиров Евгений (р. 1948) – студент истфака Рязанского пединститута – 18
- Власов Андрей Андреевич (1901 – 1946) – военачальник времён Второй мировой войны – 86
- Вознесенский Андрей Андреевич (1933 – 2010) – российский поэт – 6, 28
- Войнович Владимир Николаевич (р. 1932) – российский писатель – 92

- Воробьев Олег Иванович (1939 – 2012) – политзаключенный – 70-73, 82, 92, 113
- Воробьев-Воробей Василий Фёдорович (1910 – ?) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 85
- Вудка Валерий Вениаминович (р. 1950) – политзаключенный – 18, 19, 30, 31, 61, 90, 94, 97, 101, 102
- Вудка Юрий Вениаминович (р. 1947) – политзаключенный – 18-20, 25, 27, 28, 30, 31, 45, 59, 74, 94, 97, 98, 107, 110, 112, 119
- Вындыш Михаил Бернардович – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 58
- Высоцкий Владимир Семёнович (1938 – 1980) – российский поэт – 6, 26, 70
- Гаврилов Владимир Константинович (1939) – политзаключенный – 85
- Гай Виталий Иосифович (р. 1938) – политзаключенный – 91
- Галансков Юрий Тимофеевич (1939 – 1972) – политзаключенный – 14, 61, 81, 93, 113, 116
- Галич Александр Аркадьевич (1918 – 1977) – российский поэт – 6, 40, 63, 70
- Гамаюнов Игорь Николаевич (р. 1940) – публицист, прозаик, журналист – 34
- Гамбург Александр Львович (1925 – 2002) – саратовский психиатр – 27
- Гастев Юрий Алексеевич (1928 – 1993) – математик, политзаключённый – 121
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770 – 1831) – немецкий философ – 73, 75
- Гендлер Юрий Львович (1936 – 2011) – политзаключенный – 37, 53, 56, 63, 71
- Гидони Александр Григорьевич (1936 – 1989) – политзаключенный – 30
- Гилев Николай (р. 1949?) – заключенный 19-й зоны в Мордовии – 50
- Гимбутас Юстас (р. 1925) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 38
- Гимпу Георге (Георгий Федорович) (1937 – 2000) – политзаключенный – 80
- Гинзбург Александр Ильич (1936 – 2002) – политзаключенный – 14, 70, 113, 121
- Гитлер Адольф (1889 – 1945) – нацистский государственный деятель – 5, 84
- Гнедин Евгений Александрович (1898 – 1983) – советский дипломат, публицист – 8, 25
- Гольдфельд Анатолий Моисеевич (р. 1946) – политзаключенный – 57, 95
- Гомулка Владислав (1905 – 1982) – польский государственный деятель – 77
- Горбаневская Наталья Евгеньевна (1936 – 2013) – политзаключенная – 63
- Горохов Ефим Павлович (р. 1916) – политзаключенный – 57
- Гродецкий Юрий Леонидович (р. 1938) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 49, 95
- Граур Валерий Васильевич (р. 1940) – политзаключенный – 80
- Григорьева Александра – студентка Саратовского юридического института в конце 1960-х гг. – 16
- Грилюс Симонас Ааронович (р. 1946) – политзаключенный – 18, 30, 31
- Гринь Владимир – заключенный – 40, 41, 51, 108
- Гумилев Николай Степанович (1886 – 1921) – российский поэт – 61, 66, 70, 96
- Давыдов Егор (Георгий Валентинович) (1941 – 2011) – политзаключенный – 99
- Данилевский Николай Яковлевич (1822 – 1885) – зоолог, культуролог – 110

- Даниэль Юлий Маркович (1925 – 1988) – политзаключенный – 9, 14, 25, 28, 36, 44, 103, 104, 107
- два коллеги [Кузина] – Савинкин Олег Сергеевич (р. 1938) и Егоров Александр Иванович (р. 1937) – 89
- Демчишин Андрей Ильич (р. 1910) – заключённый во Владимирской тюрьме – 69, 74
- Джеймс Генри (1843 – 1916) – американский писатель – 73
- Джемилев Мустафа (Абдулджемиль) (р. 1943) – политзаключенный – 112
- Джилас Милован (1911 – 1995) – югославский политический деятель и литератор – 14
- Дзюба Иван Михайлович (р. 1931) – политзаключенный – 21
- Диденко Константин – одноделец Трепова Л.А. – 47
- Добровольский Алексей Александрович (1938 – 2013) – политзаключенный – 14, 113
- Довганич Зиновий Петрович (р. 1943) – политзаключенный – 44
- Достоевский Федор Михайлович (1821 – 1881) – российский писатель – 72, 98
- Драгош Николай Федорович (р. 1932) – политзаключенный – 37, 40, 41, 53, 97, 112
- Драгунас Ричардас Юозо (р. 1949) – политзаключенный – 66
- Дубина Андрей – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 43
- Дубчек Александр (1921 – 1992) – чехословацкий государственный деятель – 19
- Дударев – одноделец Трепова и Диденко – 47
- Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918 – 1998) – писатель – 25
- Дьяков Борис Александрович (1902 – 1992) – писатель – 98
- Дяк Михаил Дмитриевич (1935 – 1975) – политзаключенный – 87
- Евсеев Евгений Семенович (1932 – 1990) – советский публицист – 114
- Евтушенко Евгений Александрович (1933 – 2017) – поэт – 28
- его поделник – Эпельфельд Ростислав Натанович (см.) – 44
- Егоров Александр Иванович (р. 1937) – политзаключенный – 89
- Емельянов Валерий Николаевич (1929 – 1999) – советский публицист – 114
- Ершов Михаил Васильевич (1911 – 1974) – политзаключенный, архиепией Истинно-православной церкви – 82
- Ефремов Иван Антонович (1908 – 1972) – российский писатель-фантаст – 6
- Желудков Сергей Алексеевич (1909 – 1984) – священник РПЦ – 61
- жена Троицкого З.А. – Троицкая Л.П. (см.) – 54
- Жигулин Анатолий Владимирович (1930 – 2000) – поэт, прозаик – 24, 91
- Жильцов Владимир Иванович (1946 – 2010) – политзаключенный – 31, 54
- Жипре Альгирдас Прано – политзаключенный – 88
- Жуковскис Иварс Францевич (р. 1937) – политзаключенный – 80
- Завиркин Франц Александрович (р. 1937) – политзаключенный – 64
- Загрязкина Елена Борисовна (1900? – ?) – свидетель обвинения на процессе Петрова А.А. – 59, 60
- Заливако Борис Борисович (р. 1940) – заключенный – 68, 69, 71, 73, 81, 82
- Заславский Семён Михайлович (р. 1948) – политзаключенный – 18, 30, 31
- Затикян Степан Себгосович (Саркисович) (1946 – 1979) – политзаключенный – 40
- Зеленская Александра Михайловна (р. 1949) – студентка истфака СГУ – 20

- Зиновьев Григорий Евсеевич (1883 – 1936) – советский государственный деятель – 14
- знакомая москвичка – Урбан Р.М. (см.) – 70
- Иван** Денисович – герой рассказа А.И. Солженицына – 69, 98, 99
- Иванов Александр – заключенный, подельник Гродецкого Ю.Л. – 49
- Иванов Анатолий Иванович (р. 1939) – поэт, политзаключенный – 93
- Иванов Вячеслав Иванович (1866 – 1949) – поэт, философ – 110
- Иванов Юрий Сергеевич (1930 – 1978) – автор книги «Осторожно: сионизм» – 19
- Иванов-Сиверс Юрий Евгеньевич (1928? 1932? – ок. 1980) – художник, политзаключенный – 87, 93
- Ивойлов Владимир Федорович (р. 1938) – политзаключенный – 110
- Иегова – имя Творца в Библии – 81, 83
- Ионов Юрий Викторович (р. 1942) – студент Саратовского юридического института – 11, 12, 28, 29
- Иофе Вениамин Викторович (1938 – 2002) – политзаключенный – 55
- Ирбитис Артур – заключенный во Владимирской тюрьме – 75, 78
- Кабанов** Василий – лидер организованной преступной группировки в г. Балашов – 22, 23
- казах – сокамерник А.И. Романова – 23
- Калинин Василий Владимирович (р. 1917) – член ИПЦ, политзаключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 82
- Каминский Лассаль Самойлович (р. 1930) – политзаключенный – 97
- Кампанелла Томмазо (1568 – 1639) – итальянский философ – 41
- Кандинский Василий Васильевич (1866 – 1944) – художник – 62
- Капранов Михаил Сергеевич (1944 – 2007) – политзаключенный – 25, 31, 54, 80, 81, 82, 91, 92, 115
- Караванская-Строката Нина Антоновна (1926 – 1998) – ученый и правозащитник – 58
- Караванский Святослав Иосифович (р. 1920) – ученый и правозащитник – 58
- Карнеги Дейл (1888 – 1955) – американский педагог и писатель – 110
- Карнута Юрий – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 48
- Карякин Юрий Федорович (1930 – 2011) – писатель, публицист – 8, 25
- Катц Анатолий Иосифович (1936 – 2017) – музыкант – 33
- Кафка Франц (1883 – 1924) – австро-чешский писатель – 32
- Квачевский Лев Борисович (р. 1939) – политзаключенный – 53, 71
- Ким Юлий Черсанович (р. 1936) – российский поэт – 6
- Киреевский Иван Васильевич (1806 – 1856) – российский философ – 110
- Кириков Валентин Иванович (1942 – 2000) – политзаключенный – 11–13, 16–18, 21, 26, 32, 35–38, 52, 59, 97, 101, 107
- Клопичев Виталий Васильевич – студент Саратовского юридического института – 11
- Ключевский Василий Осипович (1841 – 1911) – российский историк – 72
- Клячкин Евгений Исаакович (1934 – 1994) – российский поэт – 6
- Ковбасюк Александр Валентинович (р. 1945) – политзаключенный – 54
- Коган Анна Моисеевна (р. 1910) – политзаключенная – 92
- Кожин – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 86
- Козёл – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 87
- Колокольников Ремир – сокамерник А.И. Романова – 34
- Комаров Виктор Степанович (р. 1942) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 47, 80, 95, 105, 118, 120

- Кон Игорь Семенович (1928 – 2011) – советский социолог – 25, 26
- Конквест Роберт (1917 – 2015) – англо-американский историк и писатель – 33, 92
- Константинов Сергей Александрович (р. 1948) – студент истфака СГУ в конце 1960-х гг. – 4, 10
- Копелев Лев Зиновьевич (1912 – 1997) – российский филолог, политзаключенный – 19, 108
- Коренбит Михаил Семёнович (р. 1937) – политзаключенный – 82
- Коровин Федор Яковлевич (1935 – 2012) – политзаключенный – 90, 120
- Костя – политзаключенный – 83
- Косыгин Алексей Николаевич (1904 – 1980) – советский государственный и партийный деятель – 15
- Кошур – следователь КГБ из Белоруссии – 26, 27
- Кравцов Игорь Иванович (р. 1938) – политзаключенный – 39
- Красивский Зиновий Михайлович (1929 – 1991) – политзаключенный – 61, 110
- Краснопевцев Лев Николаевич (р. 1930) – политзаключенный – 104, 105
- Крючков Яков Константинович (р. 1939) – политзаключенный – 90, 91
- кто-то из знакомых – Айдов Вячеслав Александрович (см.).
- Кузин Евгений Кузьмич (р. 1938) – политзаключенный – 89, 90
- Кузнецов Эдуард Самойлович (р. 1939) – политзаключенный – 55
- Кузюкин Владимир Иванович (р. 1931) – политзаключенный – 109
- Кукин Юрий Алексеевич (1932 – 2011) – российский поэт – 6
- Куликов Дмитрий Георгиевич (р. 1942) – политзаключенный – 12, 13, 16, 17, 20, 21, 23, 27, 32, 35, 45
- Кулынин Василь Иванович (р. 1943) – политзаключенный – 76, 77
- Курников Анатолий («Толик», кличка «Гитлер») – заключенный 19-й зоны Мордовии в начале 1970-х гг. – 45
- Кутяков Иван Семенович (1897 – 1938) – военачальник времен Гражданской войны – 21
- Кучеряну Николай Сергеевич (р. 1941) – политзаключенный – 53
- Лакшин Владимир Яковлевич (1933 – 1993) – литературный критик – 25
- Ланцберг Владимир Исаакович (1948 – 2005) – российский поэт – 6
- Лашкова Вера Иосифовна (р. 1944) – политзаключенная – 14, 113
- Лащивер Ася Абрамовна (1940 – 2009) – советская диссидентка – 3
- Лем Станислав (1921 – 2006) – польский писатель – 58
- Ленин Владимир Ильич (1870 – 1924) – советский государственный деятель – 4, 8, 10, 11, 15, 16, 26, 80, 99, 100
- Лесив Ярослав Васильевич (1945 – 1991) – политзаключенный – 69
- лесник – мифологическая фигура заключенного Владимирской тюрьмы, якобы свидетеля расстрелов польских военнопленных в Катыни. Возможно, бургомистр Смоленска Меньшагин Борис Георгиевич, заключенный Владимирской тюрьмы (1902 – 1984) – 77
- Литвинов Павел Михайлович (р. 1940) – политссыльный – 63
- Лондон Джек (1876 – 1916) – американский писатель – 15
- Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933) – советский государственный деятель – 72
- Лучко Виктор Михайлович (р. 1940) – студент истфака СГУ в середине 1960-х гг. – 9
- Луц Константин Константинович (1908 – 1977) – заключенный во Владимирской тюрьме – 7, 69

- Лычак Петр Владимирович (р. 1949) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 89
- Любарский Кронид Аркадьевич (1934 – 1996) – политзаключенный – 61, 80, 85, 92
- Мафцер** Борис Меерович (р. 1947) – политзаключенный – 58
- Макаренко Михаил Янович (1931 – 2007) – политзаключенный – 62, 91, 93, 94
- Макарий (Булгаков) (1816– 1882) – митрополит, российский богослов – 110
- Макогон – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 102
- Малевич Казимир Северинович (1879 – 1935) – художник – 62
- Мальчевский Сергей Андреевич (р. 1935) – политзаключенный – 55
- Мандельштам Осип Эмильевич (1891 – 1938) – российский поэт, прозаик, эссеист – 70
- Маркопольский Анатолий Николаевич (р. 1934) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 90
- Маркс Карл (1818 – 1883) – немецкий экономист – 12, 13, 16, 19, 25, 99
- Мартемьянов Василий Николаевич – следователь КГБ – 21, 23
- Мартимонов Евгений Яковлевич (р. 1948) – политзаключенный – 18, 30, 31
- Марченко Анатолий Тихонович (1938 – 1986) – писатель, политзаключенный – 45, 49
- Матфей (I век н.э.) – евангелист – 82
- Машков Юрий Тимофеевич (1937 – 1980) – политзаключенный – 98
- Маяковский Владимир Владимирович (1893 – 1930) – российский поэт – 4, 83
- Медведев Рой Александрович (р. 1925) – российский историк – 20
- Меир Голда (1898 – 1978) – израильский политический и государственный деятель – 19
- Мельник Юрий Викторович (р. 1945) – политзаключенный – 83
- Менделевич Иосиф Мозусович (р. 1947) – политзаключенный – 98
- Меньшиков Владимир Борисович (р. 1933) – политзаключенный – 104
- Меркурьев Анатолий – политзаключенный – 83
- Мешенер Иосиф Яковлевич (1935– 2005) – политзаключенный – 97
- Миллер – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 39
- Миркушов Вячеслав Иванович – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 50, 61, 71, 73
- Мирон Иван – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 114
- Михайлов Николай Васильевич (р. 1948) – студент истфака СГУ – 20
- Михеев Димитрий Фёдорович (р. 1941) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 89
- Могилевер Хаим-Зеев (Владимир Ошервич) (1940 – 2005) – политзаключенный – 79, 95
- Мор Томас (1478 – 1535) – английский философ – 41
- Мороз Валентин Яковлевич (р. 1936) – политзаключенный – 76, 107
- муж его дочери – Андрей, зять Петрова А.А. – 60
- Набоков** Владимир Владимирович (1899 – 1977) – русский и американский писатель – 32, 70
- Нархов Анатолий – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 48
- Некрасов Виктор Платонович (1911 – 1987) – российский писатель – 20, 21
- Некрич Александр Моисеевич (1920 – 1993) – историк – 25
- Никманис Феликс Петрович (р. 1947) – политзаключенный – 80, 88

- Ницше Фридрих (1844 – 1900) – немецкий философ – 99
- Новотный Антонин (1904 – 1975) – чешский и словацкий политический деятель – 19
- Огурцов Игорь Вячеславович** (р. 1937) – политзаключенный – 110–112, 114
- один бытовик – Эпельфельд Ростислав Натанович (р. 1943) – политзаключенный – 44
- один заключенный – Азерников Борис Павлович (р. 1946) – политзаключенный – 63
- один из преподавателей – Ганелис – 9
- один мой знакомый – Хахаев С.Д. (см.) – 57
- один пожилой молдаванин – Усатюк Александр Васильевич (Usatiuc-Bulgă; Alexandru; 1915 – 2003) – 80
- однокашник – Игошин Владимир Иванович (р. 1948) – выпускник 13-й школы г. Саратова – 5
- одноклассник – Сапожников Александр Германович (р. 1947) – 109
- Окуджава Булат Шалвович (1924 – 1997) – российский поэт – 6, 58
- Олег – Сенин О.М. (см.) – 10
- Олеша Юрий Карлович (1899 – 1960) – российский писатель – 14, 70
- Орлова Раиса Давыдовна (1918 – 1989) – российская писательница – 19
- Осипов Владимир Николаевич (р. 1938) – политзаключенный – 55, 114
- Павел** (1 в. н.э.) – апостол – 82
- Павленко Владлен Константинович (1929 – 1990) – политзаключенный – 31, 55
- Панин Димитрий Михайлович (1911 – 1987) – политзаключенный – 7
- Панченко Владимир – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 49
- Пастернак Борис Леонидович (1890 – 1960) – российский поэт – 70
- Паулайтис Пятрас Казис (1904 – 1986) – политзаключенный – 91, 115
- Пауэрс Френсис Гэри (1929 – 1977) – американский летчик – 77
- Пашилис Алексас-Альфонсас сын Альфонсо (р. 1949) – политзаключенный – 58, 59
- Пашнин Евгений Иванович (р. 1937) – политзаключенный – 73, 81, 93
- Пестовы, братья – Валерий Георгиевич (1948 – 2008) и Виктор Георгиевич (р. 1946) – политзаключенные – 53
- Петипа Мариус Иванович (1818 – 1910) – французский и российский балетмейстер. 40
- Петрашко Валерий Михайлович (р. 1951) – политзаключенный – 66, 104
- Петров (псевд. Агатов) Александр Александрович (1921 – 1986) – политзаключенный – 41, 59–61, 68, 71, 93, 96, 97
- Петров Вячеслав Валентинович (1937 – 1988) – политзаключенный – 99
- Петров Николай – переводчик, заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 48
- Петрова Елена Александровна – дочь Петрова А.А. – 59, 60
- Петров-Агатов – см. Петров А.А.
- Пимен (Хмелевской Дмитрий Евгеньевич) (1923 – 1993) – епископ РПЦ – 121
- Пименов Виктор – сокамерник А.И. Романова – 34
- Плимак Евгений Григорьевич (1925 – 2011) – историк – 8, 25
- Подгорный – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 100
- подельник (Воробьева О.И.) – Веденев Рудольф Борисович (р. 1939) – художник, политзаключенный – 70
- подельник (Коровина Ф.Я.) – Ладыженский Лев Александрович (1929 – 2005) – математик, политзаключенный – 90
- Подрабинек: Подрабинек Кирилл Пинхосович (р. 1953) и Подрабинек

- Пинхос Абрамович (1918 – 2002) – правозащитники – 3
- Поздеев Виталий (р. 1950?) – заключенный – 50
- Полежаев Александр Иванович (1804 – 1838) – поэт – 108
- Полтора Ивана – надзиратель – 36
- Померанц Григорий Соломонович (1918 – 2013) – культуролог – 25
- Пономарев Сергей Михайлович (1945 – 2005) – политзаключенный – 31, 54
- Попадюк Зорян Владимирович (р. 1953) – политзаключенный – 88, 112
- Постолаки Василий Васильевич (р. 1934) – политзаключенный из группы Драгоша (см. стр. 53)
- Потапов Николай – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 50
- Потемкин Владимир – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 66
- Потоцкий Александр Александрович (р. 1948) – политзаключенный – 53
- Предтеченский Анатолий Вячеславович (1939 – 2008) – саратовский педагог, физик – 4
- Проданов Михаил Николаевич – следователь КГБ – 23
- Пролеткин Виктор Иванович (1926 – 1985) – саратовский журналист – 33
- Пруст Марсель (1871 – 1922) – французский писатель – 72, 73
- Пушкин Александр Сергеевич (1799 – 1837) – российский поэт и прозаик – 26
- Пьеха Эдита Станиславовна (р. 1937) – советская певица – 84
- Пэнсон Борис Соломонович (р. 1946) – политзаключенный – 58, 61, 92
- Радищев Александр Николаевич (1749 – 1802) – российский писатель – 8
- Раскольников Федор Федорович (1892 – 1939) – советский дипломат – 25, 70
- Рахимов Сергей Нарзулович (р. 1952) – политзаключенный – 83
- Рогов Олег Геннадьевич (р. 1964) – литератор. 122
- Роде Гунар Оскарович (1934 – 2008) – политзаключенный – 71–73, 77
- Родионов Вячеслав Семенович (р. 1945) – политзаключенный – 62, 91, 93, 119, 121
- Радыгин Анатолий Владимирович (1934 – 1984) – политзаключенный – 71
- Романов Иван Иванович (1914 – 1967) – отец Романова Александра Ивановича – 4
- Романова Мария Андриановна (1920 – 1984) – мать Романова Александра Ивановича – 4
- Ронкин Валерий Ефимович (1936 – 2010) – политзаключенный – 24, 60, 96, 97, 107, 112
- Рубан Петр Васильевич (1940 – 2011) – политзаключенный – 89
- Рудайтис Изидорюс Прано (1911 – 1995) – политзаключенный – 63, 103
- Руссу – политзаключенный – 83
- Рябчун Григорий – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 85, 86
- Садо Михаил Юханович (1934 – 2010) – политзаключенный – 110
- Салазар (1889 – 1970) – португальский государственный деятель – 91
- Сафронов Константин – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 46, 47, 94
- Сахаров Андрей Дмитриевич (1921 – 1989) – физик, общественный деятель – 14, 25, 36, 40, 113, 114
- Саша (из Красного Кута) – сокамерник А.И. Романова – 23
- Свердлов Яков Михайлович (1885 – 1919) – российский государственный деятель – 18
- Святослав (942 – 972) – киевский князь – 36

- Семенюк Роман Захарович (1928 – 1990) – политзаключенный – 57, 74
- Сенин Олег Михайлович (р. 1947) – политзаключенный – 11, 12, 15, 17, 21, 24, 30–32, 35, 36, 82, 97, 103, 108, 112
- Сенцов Николай – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 61
- Серёгин Георгий Яковлевич (р. 1918) – политзаключенный, друг Ханженкова С.Н. – 63
- Симонов Константин Михайлович (1915 – 1979) – российский поэт – 100
- Симулис Людвикас (1935 – 2014) – политзаключенный – 91
- Синиговский Виталий В. (р. 1932) – политзаключенный – 83
- Синявский Андрей Донатович (1925 – 1997) – писатель, литературовед, политзаключенный – 9, 14, 25, 28, 44, 45, 64, 101, 104
- Синяк Дмитро – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 43
- Сирык Николай Иванович (р. 1954) – политзаключенный – 84
- Слава – Родионов В.С. (см.) – 94
- Смайлис Ромальдас сын Владаса (1954 – 1985) – политзаключенный – 83, 88, 120
- Соколов Борис Николаевич (р. 1938) – политзаключенный – 92
- Соколов Валентин Петрович (1927 – 1982) – российский поэт, политзаключенный – 93
- Сокульский Иван Григорьевич (1940 – 1992) – украинский поэт, политзаключенный – 36, 37, 71, 72, 76, 93, 97, 107, 112
- Солженицын Александр Исаевич (1918 – 2008) – российский писатель – 7, 19, 25, 26, 33, 61, 81, 92, 98, 108, 114
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853 – 1900) – российский философ – 68, 110
- Соловьев Сергей Дмитриевич – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 82
- Соловьев Сергей Михайлович (1820 – 1879) – российский историк – 66
- Сорокин Евгений – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 48
- Спиридонов Игорь А. (р. 1927) – политзаключенный – 64
- Сталин Иосиф Виссарионович (1879 – 1953) – советский государственный деятель – 26, 99, 106
- Сталина сын – Василий Иосифович (1921 – 1962) – 77
- старший коллега – Галактионов Иван Васильевич (1921 – 1995) – декан истфака СГУ с 1981 по 1987 гг. – 9
- Стрельников Владимир Михайлович (1938 – 1997) – герой статьи В.И. Пролеткина «У позорного столба» – 33
- Стругацкие – Аркадий Натанович (1925 – 1991) и Борис Натанович (1933 – 2012) – писатели-фантасты – 6, 63
- Сусленский Яков Михайлович (1929 – 2009) – политзаключенный – 97
- Суслов Михаил Андреевич (1902 – 1982) – советский государственный деятель – 33
- Тарасов Николай – заключенный Владимирской тюрьмы в первой половине 1970-х гг. – 75
- Тарнавский Николай Андреевич (р. 1940) – политзаключенный – 37, 40, 41, 53, 108
- Тарсис Валерий Яковлевич (1906 – 1983) – российский писатель – 9
- татарин – сокамерник А.И. Романова – 23
- Теплов Владимир Алексеевич (р. 1922) – судья – 33, 34
- Терещенко Валерий Иванович (1901 – 1994) – экономист – 15
- Тимофеев Вадим – заключенный – 66, 67

- Тито Иосип Броз (1892 – 1980) – югославский государственный деятель – 8
- Тихон (1865 – 1925) – патриарх РПЦ – 82
- Ткачев Владимир – заключенный – 106
- Толик – сокамерник А.И. Романова в конце 1969 г. – 21, 23
- Толик (по прозвищу Гитлер) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 45
- Толстая Александра Львовна (1884 – 1979) – дочь Л.Н. Толстого – 50
- Толстой Лев Николаевич (1828 – 1910) – писатель – 50
- Толстоусов Геннадий Иванович (р. 1946) – политзаключенный – 53
- Топчий Владимир Владимирович (р. 1951) – политзаключенный – 84
- Трепов Леонид Алексеевич (р. 1947) – заключенный 19-й зоны в Мордовии и во Владимире в начале 1970-х гг. – 47, 48, 61, 71, 73, 102, 112
- трёх молдаван – Кучеряну, Постолаки, Чемырган (см.) – 53
- Троицкая Лидия Петровна (1923 – 1989) – жена Троицкого З.А. (см.) – 54
- Троицкий Зиновий Анатольевич (1932 – 1990) – политзаключенный – 37, 41, 53, 54, 111, 112
- Троцкий Лев Давыдович (1879 – 1940) – советский государственный деятель – 4, 14
- Тынянов Юрий Николаевич (1894 – 1943) – российский писатель – 70
- Удодов Александр Иванович – заключенный – 64
- Уколов Николай – политзаключенный – 89
- Урбан Роксана Модестовна (1938? – 2007) – участница правозащитного движения, корреспондентка политзаключенного Воробьева О.И. (см.) – 70
- Учитель Александр Ефимович (р. 1950) – историк-антиковед, политзаключенный – 31, 79
- Уэллс Герберт Джордж (1866 – 1946) – английский писатель – 66
- Фарбишевский Иван Петрович – заключенный во Владимирской тюрьме – 69
- Федоров Георгий Эдуардович (1948 – 1968) – студент Саратовского медицинского института – 6, 12, 13, 17, 25, 91
- Федоров Николай Федорович (1828 – 1903) – российский философ – 110
- Федоров Петр Александрович (1923 – 2011) – прокурор – 25, 26
- Федотов – лейтенант МВД – 76
- Фенюк – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 43
- Филон Александрийский (ок. 25 г. до н.э. – ок. 50 г. н.э.) – философ – 18
- Флоренский Павел Александрович (1882 – 1937) – священнослужитель РПЦ, философ – 121
- Фокеев Михаил Георгиевич (р. 1947) – политзаключенный – 12, 31, 32, 35
- Форд Генри (1863 – 1947) – американский промышленник – 15
- Фролов Олег Ильич (1948 – 1998) – 18, 30, 31
- Хамидуллин – следователь КГБ – 23, 174
- Ханженков Сергей Николаевич (р. 1942) – политзаключенный – 63
- Хахаев Сергей Дмитриевич (1938 – 2016) – политзаключенный – 24, 37, 38, 41, 53, 97, 106, 112
- Хейли Артур (1920 – 2004) – канадский писатель – 73
- Хохлов Иван Антонович (р. 1947) – политзаключенный – 53
- Храмцов Юрий Александрович (р. 1931) – заключенный – 65, 66, 74, 75
- Храповицкий Виктор Иванович (р. 1937) – политзаключенный, друг Ханженкова С.Н. – 63

- Хрущев Никита Сергеевич (1894 – 1971) – советский государственный деятель – 7, 9, 15, 89, 107, 109, 122
- Хямяляйнен Эдуард Матвеевич (р. 1949) – политзаключенный – 63
- Цветаева Марина Ивановна (1892 – 1941) – российская поэтесса – 70
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794 – 1856) – философ – 110
- Чапаев Василий Иванович (1887 – 1919) – военачальник времен Гражданской войны – 21
- Чекалис (варианты фамилии: Чякялис) Римантас сын Юозаса (р. 1955) – политзаключенный – 49, 120
- человек [осужденный] – Клячко Анатолий Хаимович (1910 – 1969) – 7
- Чемыртан Сергей Исакович (р. 1942) – политзаключенный – 53
- Чердынцев Иван Алексеевич (1938 – 1994) – политзаключенный – 45, 53, 97
- Черкасов Петр Петрович (р. 1946) – российский историк, специалист по истории Франции – 4
- Черниченко Юрий Дмитриевич (1929 – 2010) – публицист – 25
- Чехов Антон Павлович (1860 – 1904) – российский писатель – 42
- Чеховской Александр Константинович (р. 1947) – политзаключенный – 53
- Чикатуева Валерия Иннокентьевна (р. 1938) – политзаключенная – 106
- Чиннов Анатолий Федорович (р. 1938) – одноделец Заливако Б.Б. (см.) – 68, 69
- Шабуров Николай Артёмович (р. 1945) – политзаключенный – 53
- Шакиров Бабур Алиханович (р. 1948) – заключенный 19-й зоны в Мордовии в начале 1970-х гг. – 50, 80
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814 – 1861) – украинский поэт – 56
- Шевчук Анатолий Александрович (1937 – 2015) – политзаключенный – 40, 41
- Шепшелович Михаил Зеликович (1943 – 2016) – политзаключенный – 58, 64
- Шилькрот Борис Львович (р. 1946) – политзаключенный – 112
- Шкуро Андрей Григорьевич (1887 – 1947) – российский военный деятель – 85
- Шопенгауэр Артур (1788 – 1860) – немецкий философ – 99
- Шпильберг Арон (Аркадий Абрамович) (р. 1938) – политзаключенный – 98
- Штеренберг Моисей Ицикович (р. 1949) – выпускник 13-й школы г. Саратова – 70
- Штерн Сергей Викторович (р. 1942) – врач – 33
- Эйкен Генрих (1846 – 1890) – немецкий историк – 72
- Энгельс Фридрих (1820 – 1895) – немецкий философ – 99
- Эфраим – голландский подданный – 19
- Юодвиршис Эвгениус сын Витаутаса (р. 1954) – политзаключенный – 88
- Якир Пётр Ионович (1923 – 1982) – историк, политзаключенный – 89
- Якубович-Мельшин Петр Филиппович (1860 – 1911) – российский поэт, прозаик – 98

КИРИКОВУ В.И. сроком на шесть
два / 2 / года, РОМАНОВУ А.М.
в ссылке, КУДАКОВУ А.Г. сроком
на три
мелки, БОБРОВУ В.А. сроком на
мелки, ЗОКБЕВУ М.Г. сроком на
10 ст. 72 УК РСФСР - СЕНИНУ О.М.
со ссылкой сроком на два / 2 / года,
на шесть лет со ссылкой сроком
у А.И. сроком на шесть / 6 / лет бе
- сроком на пять / 5 / лет без ссыл
а, четыре / 4 / года без ссылки.

**ОБВИНИТЕЛЬНОЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

совершенным преступлением на осно
вательно назначить наказание, со сс
Семь лет лишения свободы, со сс
года, КИРИКОВУ Валентину Ивановичу
свободы со ссылкой сроком на два /
Ивановичу - шесть / 6 / лет лишения
УЛИКОВУ Дмитрию Георгиевичу - пять /
без ссылки, БОБРОВУ Виктору Алекс
да лишения свободы без ссылки.
отбывание наказания осужденным Се
манову А.И., КУДАКОВУ А.Г., БОБРОВУ
исправительно-трудовой колонии стр
наказания за честь время предварител
8 августа 1969 года, Кири
1969 года, Романова А.
Зокбева М.Г. - с

УТВЕРЖДАЮ

ПРОКУРОР САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
государственный советник юстиции III класса
(ПИМЕНОВ)
«___» декабря 1969 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению

СЕНИНА Олега Михайловича,
КИРИКОВА Валентина Ивановича,
РОМАНОВА Александра Ивановича,
КУЛИКОВА Дмитрия Георгиевича,
БОБРОВА Виктора Александровича –

всех в преступлениях, предусмотренных
ч.1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР и

ФОКЕЕВА Михаила Георгиевича в пре-
ступлении, предусмотренном ч.1 ст. 70 УК
РСФСР.

Управлением КГБ при СМ СССР по Саратовской области в августе–ноябре 1969 года арестованы и привлечены к уголовной ответственности за проведение активной антисоветской деятельности КИРИКОВ В.И., РОМАНОВ А.И., КУЛИКОВ Д.Г., БОБРОВ В.А. и ФОКЕЕВ М.Г.

В сентябре 1969 года из УКГБ по Рязанской области поступило выделенное в отдельное производство уголовное дело по обвинению СЕНИНА О.М., который был связан с вышеуказанными лицами по совместному совершению преступлений.

Произведенным предварительным следствием установлено:

СЕНИН, проживая в г. Рязани и будучи подвергнут в 1965-1966 годах враждебной обработке со стороны ВУДКИ Ю.В., обвиняемого по другому делу, стал разделять его антисоветские взгляды и к осени 1966 года дал ему согласие заниматься совместной организованной преступной деятельностью, направленной на свержение существующего в СССР государственного и общественного строя.

Осенью 1966 года, перед отъездом в Саратов на учебу в Юридический институт СЕНИН получил от ВУДКИ задание создать в этом городе из числа студентов высших учебных заведений антисоветскую группу для проведения враждебной деятельности.

Вовлечение СЕНИНА О.М. в антисоветскую деятельность подтверждается показаниями СЕНИНА О.М. (том 1, лист дела 37, 38, 114, 116, 143, 144, 265); обви-

---

В текстах документов стиль, орфография и пунктуация сохранены без изменений.

няемых по другим делам ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. л. 4, 5, 9, 41), ВУДКИ В.В. (т. 10, л. д. 66, 67, 69, 74, 80), ФРОЛОВА О.И. (т. 10, л. д. 102), УЧИТЕЛЯ А.Е. (том 10, л. д. 126).

Выполняя это поручение, СЕНИН в сентябре–декабре 1966 года и в начале 1967 года провел обработку и вовлек в преступную деятельность обвиняемых БОБРОВА В.А. и КИРИКОВА В.И., а также студентов Саратовского юридического института – РУДЧЕНКО А.А., ИОНОВА Ю.В., КЛОПИЧЕВА В.В., создав в феврале 1967 года антисоветскую группу.

Кроме того, СЕНИН весной 1967 года обработал в антисоветском духе, а в октябре того же года ввел в указанную группу студента Госуниверситета обвиняемого РОМАНОВА А.И.

В сентябре того же года СЕНИН провел антисоветскую обработку тренера детской спортивной школы «Сокол» обвиняемого КУЛИКОВА Д.Г.

Обработка СЕНИНЫМ О.М. вышеуказанных лиц и создание им антисоветской группы в г. Саратове подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА О.М. (т. 1, л. д. 46, 47, 57, 129–132, 136–138, 183, 187–190, 203–205, 210–213, 239, 240, 268, 269, 271), КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 16, 53, 108, 121–124, 253), БОБРОВА В.Д. (т. 3, л. д. 11, 12, 34, 41, 46, 73, 139, 147, 148, 232, 300–304, 329, 330), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 57–60; т. 5, л. д. 114, 115; т. 8, л. д. 172), КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 57, 58, 70, 71, 169, 273) – свидетелей: РУДЧЕНКО А. А. (т. 7, л. д. 65, 66, 71, 72, 84, 86–88, 107–109, 114, 115, 137, 138, 147), ИОНОВА Ю.В. (т. 7, л. д. 233, 240, 247, 268, 224, 248, 235, 256, 257), КЛОПИЧЕВА В.В. (т. 7, л. д. 331, 332, 334, 342, 343).

Руководимая СЕНИНЫМ антисоветская группа проводила организованную преступную деятельность до октября 1967 года, а затем распалась.

Бывшие её участники КИРИКОВ, РОМАНОВ, а также присоединившиеся к ним КУЛИКОВ и студент мединститута ФЕДОРОВ (умер в 1968 году) организовали самостоятельное преступное сообщество, назвав его в провокационных целях «группой революционного коммунизма», в составе которого проводили враждебную деятельность до августа 1969 года.

СЕНИН и БОБРОВ, не являясь членами этой враждебной группы, продолжали поддерживать тесную преступную связь с её участниками.

Кроме того, СЕНИН до дня ареста состоял в существовавшей в городе Рязани антисоветской группе и выполнял преступные задания её руководителя ВУДКИ.

Обвиняемый по делу ФОКЕЕВ М.Г., будучи привлеченным к преступной деятельности участником этой группы РОМАНОВЫМ, в течение 1967–1969 годов хранил и систематически размножал различную антисоветскую литературу для использования её во враждебных целях.

Конкретная преступная антисоветская деятельность обвиняемых СЕНИНА, КИРИКОВА, РОМАНОВА, КУЛИКОВА, БОБРОВА, ФОКЕЕВА выражается в следующем:

СЕНИН, познакомившись в октябре 1966 года с БОБРОВЫМ, в декабре того же года с КИРИКОВЫМ и апреле 1967 года с РОМАНОВЫМ, проводил в вестибюле научной библиотеки госуниверситета, квартире ИОНОВА и других местах г. Саратова антисоветскую обработку их, в результате чего они стали разделять его враждебные взгляды и дали согласие объединиться в преступную группу для совместного проведения организованной враждебной деятельности в целях свержения существующего в СССР государственного и общественного строя.

Изложенное подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА О.М. (т. 1, л. д. 57, 112, 130–152, 138, 183–185, 188, 270–274), КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 16, 53, 108, 121–124, 253), БОБРОВА В.А. (т. 3, л. д. 34, 36, 65–67, 74, 85, 86, 93, 94, 111, 112, 140–142, 158, 162, 206, 246, 283), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 57–63; т. 5, л. д. 114, 116).

С марта по май 1967 года обвиняемые СЕНИН, КИРИКОВЫМ и БОБРОВ, а также РУДЧЕНКО еженедельно проводили нелегальные сборища в сквере напротив центральной городской библиотеки Саратова и на Соколовой горе.

На этих сборищах по инициативе СЕНИНА, им, КИРИКОВЫМ и БОБРОВЫМ обсуждались вопросы о расширении преступной группы путем вовлечения в неё новых членов, применении условностей при переписке, соблюдении конспирации, для чего все сообщники избрали себе псевдонимы.

Наряду с обсуждением названных вопросов СЕНИН, КИРИКОВЫМ и БОБРОВ систематически клеветали на советский государственный и общественный строй, политику партии и правительства, заявляли о необходимости борьбы с Советской властью.

Обстоятельства проводимых сборищ и решаемые на них вопросы подтверждают в своих показаниях обвиняемые: СЕНИН О.М. (т. 1, л. д. 15, 46, 47, 64, 65, 138, 139, 148–150, 154, 166, 167, 170–172, 182, 164, 165, 155, 271, 272), КИРИКОВ В.И. (т. 2, л. д. 16–18, 53, 113, 131, 133–135, 141–149, 154–156, 193, 253, 254), БОБРОВ В.А. (т. 3, л. д. 113, 162, 168, 177, 178, 191, 207, 278, 349), РОМАНОВ А.И. (т. 4, л. д. 59–63, т. 5, л. д. 114, 115) и свидетель РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 72, 73, 88, 116, 118, 125–128, 137, 138, 178, 179).

На этих же сборищах они обязались ежемесячно вносить членские взносы в размере трех рублей на расходы, связанные с антисоветской деятельностью группы.

КИРИКОВ, согласившись быть казначеем группы, собирал ежемесячно с апреля по октябрь 1967 года членские взносы, хранил их и выдавал деньги для использования в преступных целях.

В сентябре 1967 года КИРИКОВ по указанию СЕНИНА выдал РОМАНОВУ 35 рублей, на которые последний приобрел пишущую машинку «Ундервуд» для размножения антисоветской литературы.

Уплата членских взносов и приобретение пишущей машинки «Ундервуд» подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА (т. 1, л. д. 138, 139, 164, 272), БОБРОВА (т. 3, л. д. 65–67, 115, 163, 349), РОМАНОВА (т. 4, л. д. 142, 143; т. 5, л. д. 115, 116), КУЛИКОВА (т. 6, л. д. 107, 108), КИРИКОВА (т. 2, л. д. 85, 257), свидетелей ИОНОВА Ю.В. (т. 7, л. д. 241, 242), КЛОПИЧЕВА В.В. (т. 7, л. д. 334), ХЕЙФЕЦА Р.А. (т. 11, л. д. 202), протоколом обыска (т. 12, л. д. 198), вещественным доказательством (т. 12, л. д. 217, 219).

В апреле 1967 года ~~он~~ Сенин выезжал в Рязань, где встречался с ВУДКОЙ Ю. и обсуждал с ним вопрос об изготовлении и распространении антисоветских листовок в крупных городах Советского Союза (Москве, Ленинграде, Киеве), приурочив проведение этой преступной акции ко дню всенародного праздника 50 годовщины Советского государства.

По возвращении в г. Саратов СЕНИН рекомендовал своим сообщникам подготавливаться к изготовлению и распространению листовок.

Факт обсуждения СЕНИНЫМ и ВУДКОЙ вопроса об изготовлении и распространении антисоветских листовок подтверждается показаниями обвиняемых:

СЕНИНА (т. 1, л. д. 195–198, 275), БОБРОВА, (т. 3, л. д. 281), ВУДКИ Ю. (т. 10, л. д. 34, 35) и свидетеля ИОНОВА Ю.В. (т. 7, л. д. 241).

В июне 1967 года СЕНИН договорился с КИРИКОВЫМ, БОБРОВЫМ и РОМАНОВЫМ о том, что последние во время летних каникул будут проводить работу по вовлечению в антисоветскую деятельность других лиц, а КИРИКОВ и РОМАНОВ, кроме того, примут меры по подысканию конспиративных квартир для проведения нелегальных сборищ и других преступных целей.

В июле–августе 1967 года РОМАНОВ по поручению СЕНИНА подыскивал в Саратове квартиру для использования её в преступных целях. В этот же период он направлял СЕНИНУ, находящемуся в г. Рязани, письма, в которых с применением условностей сообщал о выполнении ранее полученного от него задания.

Показания СЕНИНА О.М. о ~~вовлечении других лиц~~ подыскании конспиративных квартир (т. 1, л. д. 182, 211–213, 273) подтвердили обвиняемые: КИРИКОВ В.И. (т. 2, л. д. 193, 253, 254), РОМАНОВ А.И. (т. 4, л. д. 271–274; т. 5, л. д. 23, 24, 31, 115; т. 11, л. д. 226, 230), БОБРОВ В.А. (т. 3, л. д. 113, 154, 155, 169) и свидетели: ИОНОВ Ю.В. (т. 7, л. д. 289–291), КЛОПИЧЕВ В.В. (т. 7, л. д. 350).

С конца августа по октябрь 1967 года СЕНИН, КИРИКОВ, РОМАНОВ и БОБРОВ продолжали проводить нелегальные сборища в сквере напротив центральной городской библиотеки и в квартире КИРИКОВА, где обсуждали вопросы, связанные с проведением преступной деятельности.

На одном из сборищ в сентябре 1967 года КИРИКОВ, БОБРОВ и РОМАНОВ были ознакомлены СЕНИНЫМ с проектом устава, написанным им для руководства в деятельности преступной группы, после чего все они согласились с содержащимися в нем требованиями.

Этот антисоветский документ КИРИКОВ тогда же взял у СЕНИНА на хранение, а в последующем уничтожил.

Подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА О.М. (т. 1, л. д. 112, 182, 183, 243–245, 273, 274), КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 71, 156, 194, 254), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 60, 61, 93; т. 5, л. д. 115), БОБРОВА В.А. (т. 3, л. д. 85, 86, 281) и свидетелей: ИОНОВА Ю.В. (т. 7, л. д. 256–258), КЛОПИЧЕВА В.В. (т. 7, л. д. 332, 334, 342, 343) об обстоятельствах указанных сборищ и ознакомлении с уставом.

К октябрю 1967 года нелегальная группа СЕНИНА распалась.

РУДЧЕНКО ещё в мае, а КЛОПИЧЕВ и ИОНОВ в октябре того же года прекратили антисоветскую деятельность. КИРИКОВ и РОМАНОВ заявили о нежелании участвовать в нелегальной группе из-за отрицательных, на их взгляд, личных качеств СЕНИНА. Однако они договорились между собой враждебную деятельность не прекращать, а создать другое преступное сообщество, в которое РОМАНОВ решил вовлечь ранее обработанных им КУЛИКОВА и ФЕДОРОВА.

13 октября 1967 года КИРИКОВ, КУЛИКОВ, ФЕДОРОВ и РОМАНОВ, собравшись на квартире последнего и вступив в преступный сговор, приняли решение об активном проведении организованной антисоветской деятельности, направленной на подрыв и ослабление Советской власти.

Преследуя цели расширения антисоветской деятельности, РОМАНОВ, КИРИКОВ, КУЛИКОВ и ФЕДОРОВ договорились о создании подпольных групп по месту учебы и работы каждого из них.

Факт распада антисоветской группы, возглавляемой СЕНИНЫМ О.М., и создание другого антисоветского сообщества подтверждается показаниями обви-

няемых: СЕНИНА О.М. (т. 1, л. д. 184, 185, 274), КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 17, 54, 71, 72, 163, 164, 227, 228, 254, 255), БОБРОВА В.А. (т. 3, л. д. 20, 21, 35, 95, 149–151) РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 62–66, 248; т. 5, л. д. 116) КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 71, 171, 273) и свидетелей: ИОНОВА Ю.В. (т. 7, л. д. 258, 269), КЛОПИЧЕВА В.В. (т. 7, л. д. 355).

В октябре–ноябре 1967 года на нелегальных собраниях они обсуждали вопросы о проведении массовой антисоветской агитации путем распространения листовок, конспирации антисоветской деятельности, структуре преступного общества, необходимости разработки его устава и программы.

Тогда же участники группы избрали себе следующие псевдонимы: РОМАНОВ – «НИЛИН», КИРИКОВ – «ФОМИН», КУЛИКОВ – «ИЛЬИН», ФЕДОРОВ – «АГАПОВ».

На одном из нелегальных собраний в ноябре 1967 года в детском парке Саратова перечисленные лица обсуждали организационные принципы построения антисоветских групп. При этом КИРИКОВ предложил подготовленную им схему структуры преступного сообщества во главе с так называемым «исполнительным комитетом», предусматривающую привлечение для антисоветской деятельности новых членов по принципу «цепной реакции».

Однако, это предложение КИРИКОВА другими участниками было отвергнуто и с общего согласия принята «звеньевая структура» построения антисоветских групп.

На этом же собрании обсуждался вопрос о необходимости принятия устава группы.

Подтверждается показаниями обвиняемых: КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 36, 37, 63–65, 195, 196, 255, 256), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 65, 145, 231, 278; т. 5 л. д. 135), КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 71, 103, 190, 191, 273) и свидетеля ИОНОВА Ю.В. (т. 7, л. д. 258, 264) о том, что на собраниях были избраны псевдонимы, обсуждались вопросы распространения листовок и организационные принципы построения группы, а также вещественным доказательством – записной книжкой, в которой перечислены псевдонимы членов группы (т. 21).

В конце ноября 1967 года КИРИКОВ, КУЛИКОВ и ФЕДОРОВ на даче последнего в районе с. Поливановки коллективно составили проект устава антисоветской группы и договорились назвать её «группой революционного коммунизма».

В том же месяце РОМАНОВ отредактировал устав, лично сформулировав параграф о членстве, а также внес дополнения об организационном строении группы и поведении её членов на случай ареста.

В начале декабря 1967 года КИРИКОВ, КУЛИКОВ ФЕДОРОВ и РОМАНОВ на очередном нелегальном собрании в квартире последнего согласились со всеми пунктами устава так называемой «группы революционного коммунизма» и единогласно приняли его.

В этом уставе были организационно закреплены принципы построения антисоветской группы, права и обязанности её членов, вопросы конспирации, создание денежного фонда. Кроме того, поставлены задачи по организации широко разветвленных подпольных групп и образования в последующем на их основе враждебной политической партии в противовес к КПСС.

Факт разработки и принятия устава подтверждается показаниями обвиняемых: РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 66, 248; т. 5, л. д. 116, 117, 169), КИРИКОВА В.И.

(т. 2, л. д. 62–65, 223–228), КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 71, 72, 184, 185, 274), вещественным доказательством (т. 15, л. д. 208, т. 22), протоколами осмотров (т. 12, л. д. 251; т. 13, л. д. 16, 18) и заключением криминалистической экспертизы (т. 14, л. д. 163–202).

В ноябре 1967 года РОМАНОВ, КИРИКОВ, КУЛИКОВ и ФЕДОРОВ решили создать денежный фонд группы путем сбора членских взносов. Этот денежный фонд предназначался для приобретения средств размножения антисоветской литературы и на другие преступные цели.

С этого времени по поручению сообщников КУЛИКОВ стал кассиром антисоветской группы, принимал от них и вносил сам членские взносы по 3 рубля до мая 1968 года ежемесячно и с мая по ноябрь того же года нерегулярно, а собранные деньги хранил в своей квартире.

Из собранных средств КУЛИКОВ с согласия остальных членов группы неоднократно выдавал деньги РОМАНОВУ, а именно: в мае 1968 года – 25 рублей и в августе 1969 года – 10 рублей на приобретение и ремонт второй пишущей машинки, в мае 1969 года – около 60 рублей на приобретение фотоаппарата, в августе 1969 года – 8 рублей на поездку РОМАНОВА в преступных целях в Киев, в конце 1968 года – 10 рублей для покупки железнодорожного билета представителю рязанской антисоветской группы, приехавшему в Саратов с целью установления преступного контакта с участниками так называемой «группы революционного коммунизма».

В ноябре 1968 года КУЛИКОВ, РОМАНОВ и КИРИКОВ договорились о том, что каждый из них в соответствии с принятым уставом организует антисоветскую группу и создаст в ней свой денежный фонд.

Показания обвиняемых: РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 140–144, 145, 161, 252, 275, т. 5, л. д. 117, 118), КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 85, 194, 195, 257), КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 98–100, 162–165, 193, 240, 274, 275) и свидетеля РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 169, 178) подтверждают факт создания «денежного фонда» путем сбора «членских взносов» и расходование его в преступных целях, свидетель КУЛИКОВА В.П. (т. 9, л. д. 154, 156) подтвердила, что её муж – КУЛИКОВ Д.Г. хранил у себя дома так называемые «казенные деньги», показания свидетелей МИХАЙЛОВА Н.В. (т. 8, л. д. 87, 91) и ХЕЙФЕЦА Р.А. (т. 11, л. д. 201, 202), а также вещественные доказательства, пишущая машинка (т. 13, л. д. 33, 86) подтверждают факт покупки машинок и фотоаппарата.

В октябре–декабре 1968 года руководитель рязанской антисоветской группы ВУДКА с целью установления преступной связи и обмена враждебной литературой трижды приезжал в Саратов, где встречался с КИРИКОВЫМ и РОМАНОВЫМ, с которыми участвовал на совместных сборищах.

В первой декаде декабря 1968 года КИРИКОВ, РОМАНОВ и ВУДКА в присутствии ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. на сборище в кафе «Ветерок» при обсуждении антисоветской работы «Закат капитала» клеветали на советский государственный и общественный строй, пророчили его свержение в результате так называемой «истинно социалистической революции», высказывали демагогические домыслы об экономической основе общества, которое будто бы возникнет после указанной «революции».

Показания обвиняемых: КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 20, 27–31, 55, 206–208, 256), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 156–161, 258; т. 5, л. д. 135), свидетелей РУДЧЕН-

КО А.А. (т. 7, л. д. 92–93, 149, 150), ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. (т. 7, л. д. 10, 18, 36, 37) и обвиняемого по другому делу ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 9–25), который подтверждают факты обмена литературой и преступную связь между антисоветскими группами в Рязани и Саратове.

В период с января по май 1969 года РОМАНОВ, КУЛИКОВ и КИРИКОВ продолжали встречаться на квартирах РОМАНОВА и КИРИКОВА, в сквере по ул. Рахова и на набережной Волги, где обсуждали вопросы, связанные с преступной деятельностью.

Изложенное подтверждается показаниями обвиняемых: КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 77, 78, 218–222, 258), КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 251, 274), РОМАНОВА А.И. (т. 5, л. д. 56, 135).

После распада в октябре 1967 года созданной СЕНИНЫМ антисоветской группы последний, а также БОБРОВ враждебную деятельность не прекратили и продолжали преступную связь между собой и с некоторыми участниками так называемой «группы революционного коммунизма».

Кроме того, СЕНИН по день ареста продолжал преступную деятельность в составе антисоветской группы, действовавшей в Рязани.

Факт проведения СЕНИНЫМ и БОБРОВЫМ антисоветской деятельности и преступной связи между ними после распада группы подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА (т. 1, л. д. 48, 57, 58, 74, 229–236, 278), БОБРОВА (т. 3, л. д. 21, 32, 37, 41, 53, 350–352). Преступная деятельность СЕНИНА в антисоветской группе, созданной ВУДКОЙ Ю., подтверждается показаниями обвиняемого СЕНИНА (т. 1, л. д. 48, 57, 58, 229–236, 278), ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 4, 5, 9–11, 33, 39, 40, 42–44).

В октябре 1967 года и в мае 1969 года при встречах в Саратове с БОБРОВЫМ, РОМАНОВЫМ, КИРИКОВЫМ и РУДЧЕНКО СЕНИН клеветал на политику, проводимую КПСС и Советским правительством, при этом допускал террористические высказывания против руководителей партии и Советского государства.

Проведение антисоветской пропаганды и террористических высказываний СЕНИНА О.М. в октябре 1967 года и в мае 1969 года подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА О.М. (т. 1, л. д. 129, 130, 239, 240, 266–268, 198–200, 229–236, 278), КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 99, 100), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 165–170), КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 117, 118, 197, 198), БОБРОВА В.А. (т. 3, л. д. 46, 47, 65, 140, 208, 209, 277, 278), обвиняемого по другому делу ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 35, 38, 46, 47), свидетеля РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 158–161) и очной ставкой между РОМАНОВЫМ и КИРИКОВЫМ (т. 4, л. д. 305–307).

В целях подрыва и ослабления Советской власти СЕНИН, РОМАНОВ, КИРИКОВ, КУЛИКОВ, БОБРОВ и ФОКЕЕВ занимались изготовлением, размножением, распространением и хранением литературы антисоветского содержания.

В начале 1968 года СЕНИН, будучи в г. Рязани, дал согласие ВУДКЕ Ю.В. напечатанные последним антисоветские документы размножить машинописным способом в г. Саратове и распространить их в целях проведения враждебной агитации и пропаганды.

Весной 1968 года СЕНИН организовал доставку из Рязани в Саратов антисоветских материалов. Обвиняемый БОБРОВ согласился с намерением СЕНИНА направить в Рязань курьера для получения от участников действовавшей там нелегальной группы антисоветской литературы. В марте 1968 года он направил

в Рязань ГРИГОРЬЕВУ, поручив ей встретиться с представителями указанной группы и привезти от них антисоветскую литературу. При этом БОБРОВ сообщил ГРИГОРЬЕВОЙ пароль и приметы лиц, которые должны были её встретить на железнодорожном вокзале.

ГРИГОРЬЕВА доставила в Саратов и передала БОБРОВУ полученные от представителей рязанской группы ВУДКИ и ГРИЛЮСА, привлеченных к уголовной ответственности по другому делу, две фотокопии трактата, озаглавленного «Закат капитала» и статьи «Дероор» («Трубы свободы»), «О безработице», «Внешняя политика советского империализма», «О патриотизме», «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Идеологическая работа и психология», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «Диалектический материализм и влияние среды на объект».

В антисоветском трактате «Закат капитала» отрицается социалистический характер Октябрьской революции, извращаются основные этапы пути, пройденного советским народом по строительству социализма и коммунизма, утверждается, что в СССР существует государственный капитализм, излагаются программные установки по созданию на территории Советского Союза антисоветских нелегальных кружков и групп, проведению враждебной пропаганды в устной и письменной форме, организации забастовок, демонстраций и восстаний с целью свержения в СССР государственного и общественного строя.

В статье под названием «Дероор» («Трубы свободы») содержится клевета на советские общественные отношения, систему образования, взаимоотношения личности и общества.

В статьях «Внешняя политика советского империализма» и «О патриотизме» фальсифицируется внешняя политика Советского государства, содержатся призывы к свержению государственного строя. В статьях «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Идеологическая работа и психология», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «О безработице» грубо извращаются национальная политика Советского государства, деятельность советских государственных и партийных органов, рассматриваются методы враждебной деятельности с целью свержения существующего в СССР строя.

Показаниями обвиняемого СЕНИНА О.М. (т. 1, л. д. 85, 275) и обвиняемых по другому делу ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 5, 10, 11), ФРОЛОВА О.И. (т. 10, л. д. 104), подтверждается деятельность СЕНИНА и ВУДКИ по размножению и распространению враждебной литературы в г. Саратове.

Факт доставки ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. этой литературы в Саратов подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА О.М. (т. 1, л. д. 47, 275), БОБРОВА В.А. (т. 3, л. д. 19, 174, 184, 239–241, 323, 324, 350), свидетеля ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. (т. 7, л. д. 9, 10, 17, 22, 26–28, 41) и обвиняемых по другому делу ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 9–11, 33, 39, 40) и ГРИЛЮСА С. А. (т. 11, л. д. 82–88).

Ознакомившись с названными статьями и одобвив их антисоветское содержание, БОБРОВ с целью распространения передавал их обвиняемому КИРИКОВУ, а также ГРИГОРЬЕВОЙ, РУДЧЕНКО и КЛОПИЧЕВУ.

Антисоветские статьи «Закат капитала» и «Дероор» («Трубы свободы»), а также имевшуюся у него политически вредную литературу БОБРОВ на протяжении двух лет хранил у себя дома, а в июне 1969 года спрятал в специаль-

но устроенном тайнике на Соколовой горе, откуда они были изъяты органами следствия.

Обвиняемый КИРИКОВ, получив от БОБРОВА в марте 1968 года антисоветскую работу «Закат капитала», ознакомил с ней единомышленников по преступной деятельности РОМАНОВА, КУЛИКОВА и ФЕДОРОВА.

В июне того же года КИРИКОВ получил от БОБРОВА фотокопии других десяти антисоветских статей, привезенные ГРИГОРЬЕВОЙ из Рязани.

Факт ознакомления БОБРОВЫМ В.А., ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г., РУДЧЕНКО А.А. и КЛОПИЧЕВА В.В. с антисоветской литературой подтверждается показаниями обвиняемого БОБРОВА В. А. (т. 3, л. д. 200–202, 349–351) и свидетелей РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 89, 90, 140, 147), ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. (т. 7, л. д. 32), КЛОПИЧЕВА В.В. (т. 7, л. д. 343).

Хранение БОБРОВЫМ В.А. этой литературы подтверждается показаниями БОБРОВА В.А. (т. 3, л. д. 127–129, 239–241, 269–270, 292), протоколом осмотра места хранения нелегальной литературы в тайнике (т. 12, л. д. 114–118), вещественным доказательством (т. 19), а факт передачи ее КИРИКОВУ В.И. подтверждается показаниями обвиняемых КИРИЛОВА В.И. (т. 2, л. д. 18, 19, 54, 55, 73, 164, 165, 260) и БОБРОВА В.А. (т. 3, л. д. 200–202, 349–351).

В течение марта–июня 1968 года КИРИКОВ, КУЛИКОВ, ФОКЕЕВ и РОМАНОВ переписали от руки «Закат капитала» и все другие, полученные из Рязани работы, а последний эти рукописи перепечатал в двух экземплярах на машинке.

Вторые экземпляры этих статей РОМАНОВ передал КУЛИКОВУ, а первые – КИРИКОВУ, который в октябре того же года вручил их приезжавшему в Саратов ВУДКЕ вместе с написанной ФЕДОРОВЫМ антисоветской работой «Пропаганда и психология» и уставом «группы революционного коммунизма».

Все эти материалы участники нелегальной группы в Рязани размножили фотоспособом, после чего в ноябре 1968 года вернули обратно. При этом ВУДКА передал КИРИКОВУ фотонегативы на большинство из них, а также новые антисоветские работы «Марксизм и колдуны», «Правда о современности» и «Послесловие» к «Закату капитала».

Всю вышеуказанную литературу КУЛИКОВ хранил некоторое время у себя на квартире, а в мае 1969 года передал РОМАНОВУ для использования в преступных целях.

Подтверждается показаниями обвиняемых: КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 19, 54, 55, 73), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 67, 77–79, 83, 97, 98, 259; т. 5, л. д. 55, 130, 160), КУЛИКОВА Д.Г. (т. 6, л. д. 73, 74, 172, 176, 275), ФОКЕЕВА М.Г. (т. 5, л. д. 160, 228, 246, 277) о том, что они переписали антисоветские работы, а РОМАНОВ А.И. отпечатал их, а также заключением криминалистической экспертизы (т. 14, л. д. 163–202).

Факт передачи КИРИКОВЫМ антисоветских работы ВУДКЕ Ю.В. и получение их обратно подтверждается показаниями обвиняемых: КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 197, 260), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 151, 152, 232, 274, 297, 300; т. 5, л. д. 135), свидетеля РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 92, 93, 149, 150) и обвиняемого по другому делу ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 13, 15, 22, 26; т. 11, л. д. 81).

В ноябре–декабре 1968 года КИРИКОВ у себя на квартире совместно с РУДЧЕНКО предпринимал попытку переснять на фотопленку «Закат капитала».

В феврале и марте 1969 года РОМАНОВ и КИРИКОВ в квартире последнего неоднократно размножили фотоспособом антисоветскую литературу, перес-

няв на пленку отпечатанные РОМАНОВЫМ на машинке статьи «Послесловие к «Закату капитала», «О безработице», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», 6-ю главу «Заката капитала», а также написанную участниками «группы революционного коммунизма» рецензию «О работе Л. Борина «Закат капитала».

В апреле 1969 года КУЛИКОВ, КИРИКОВ и РОМАНОВ в квартире последнего обсуждали вопросы хранения и транспортировки антисоветской литературы в виде фотопленок и демонстрировали отдельные кадры «Заката капитала» с помощью фильмоскопа.

Показания обвиняемых КИРИКОВА В.И. (т. 2, л. д. 158, 217, 218, 259), РОМАНОВА А.И. (т. 5, л. д. 90), свидетелей РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 139, 140, 147, 176, 177, 196–198), КИРИКОВОЙ Т. Г. (т. 11, л. д. 137–138, 142, 143) подтверждают факт размножения КИРИКОВЫМ и РУДЧЕНКО «Заката капитала», а размножение антисоветской литературы РОМАНОВЫМ и КИРИКОВЫМ подтверждается показаниями КИРИКОВА (т. 2, л. д. 43–46, 56, 205, 206, 219, 220, 260) и РОМАНОВА (т. 4, л. д. 83, 84; т. 5, л. д. 22, 68, 69, 131), очной ставкой между КИРИКОВЫМ и РОМАНОВЫМ (т. 4, л. д. 289), вещественным доказательством – пленкой, изъятой у ФОКЕЕВА М.Г. (т. 22) и криминалистической экспертизой (т. 14, л. д. 163–202).

Обсуждение вопросов хранения и транспортировки той же литературы подтверждается показаниями обвиняемых: КИРИКОВА (т. 2, л. д. 159, 160, 221, 224, 258), РОМАНОВА (т. 5, л. д. 56, 135), КУЛИКОВА (т. 6, л. д. 251, 274).

Размножением антисоветской литературы в 1968–1969 года систематически занимался обвиняемый ФОКЕЕВ, обработанный во враждебном духе РОМАНОВЫМ.

Осенью 1967 года, проявляя инициативу, ФОКЕЕВ предложил РОМАНОВУ, чтобы последний со своими сообщниками использовал его в качестве «запасного звена». ФОКЕЕВ обязался конспиративно хранить у себя антисоветскую литературу, размножать ее, а в случае ареста РОМАНОВА продолжить враждебную деятельность против Советского государства.

В 1967–1969 годах РОМАНОВ неоднократно передавал ФОКЕЕВУ для хранения и размножения различную антисоветскую литературу.

В конце 1967 года ФОКЕЕВ был ознакомлен РОМАНОВЫМ и получил от него на хранение машинописный текст устава «группы революционного коммунизма».

Весной 1968 года, в ночное время, по месту своей работы в Швейкомбинате, а затем в аудитории Саратовского госуниверситета ФОКЕЕВ по договоренности с РОМАНОВЫМ переписал с фотокопии антисоветской работы «Закат капитала» две первых главы и передал их РОМАНОВУ.

В мае–июне 1968 года ФОКЕЕВ принял от РОМАНОВА для ознакомления и хранения машинописный текст работы «Закат капитала».

По предложению РОМАНОВА ФОКЕЕВ в 1968–1969 годах с целью размножения перефотографировал по частям «Закат капитала» и фотонегатив оставил у себя на хранение.

Летом 1968 и в феврале 1969 года по предварительной договоренности с РОМАНОВЫМ ФОКЕЕВ с хранившегося у него негатива «Заката капитала» изготовил три фотокопии этой работы.

В августе–сентябре 1968 года, получив от РОМАНОВА машинописный текст статьи антисоветского содержания «Пропаганда и психология», ФОКЕЕВ перефотографировал ее трижды на две фотопленки и отпечатал с негативов три фотоконии. Одну из них он оставил у себя на хранение, две вместе с негативом вручил РОМАНОВУ, а последний передал их РОДИНУ А.Н.

Осенью 1968 года ФОКЕЕВ в своей квартире перефотографировал по предложению РОМАНОВА машинописный текст устава «группы революционного коммунизма», после чего с этого негатива отпечатал четыре фотоконии, три из которых передал РОМАНОВУ, а одну оставил у себя.

В ноябре–декабре 1968 года ФОКЕЕВ получил от РОМАНОВА для хранения и последующего размножения фотонегативы машинописных текстов статей антисоветского содержания: «Послесловие к «Закату капитала», «Рецензия на «Закат капитала», «О безработице», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «Марксизм и колдуны», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Правда о современности», «Современность и национальный вопрос», «Дероор» («Трубы свободы»), которые хранил до изъятия их следственными органами.

В январе–феврале 1969 года РОМАНОВ передал ФОКЕЕВУ для ознакомления и хранения машинописный экземпляр антисоветской статьи «О патриотизме».

По договоренности с РОМАНОВЫМ в феврале–мае 1969 года ФОКЕЕВ с хранившихся у него фотонегативов статей «Марксизм и колдуны» и «Правда о современности» отпечатал по две фотоконии, после чего по одной копии каждого документа передал РОМАНОВУ, а оставшиеся хранил у себя.

Весной 1969 года, получив от РОМАНОВА для хранения рукописный текст работы антисоветского содержания «Марксизм и действительность», ФОКЕЕВ переписал часть ее в свою тетрадь.

С весны до октября 1969 года ФОКЕЕВ хранил у себя в доме полученные от РОМАНОВА антисоветскую статью «К вопросу о сталинизме» и два письма СЕНИНА к РОМАНОВУ с условными текстами, подтверждающими враждебную деятельность этих лиц.

В августе 1969 года РОМАНОВ и ФОКЕЕВ на квартире АЛЕКСАНДРОВЫЙ в гор. Саратове отпечатали четыре фотоконии антисоветской статьи «Пропаганда и психология».

ФОКЕЕВ полностью разделял антисоветские взгляды, изложенные в перечисленных статьях и в беседах с РОМАНОВЫМ одобрял их.

Осенью 1968 года ФОКЕЕВ на листах приобретенной им брошюры «К событиям в Чехословакии» учинил ряд записей, содержащих клевету на внешнюю политику СССР.

Перечисленную выше антисоветскую литературу в виде рукописных и машинописных текстов, фотонегативов и фотоконий ФОКЕЕВ до сентября 1969 года хранил в своей квартире, а затем, узнав об аресте РОМАНОВА и опасаясь обыска, решил перепрятать ее с целью дальнейшего использования во враждебной деятельности. Во исполнение своего замысла ФОКЕЕВ эти материалы уложил в картонную коробку, обернул ее в целлофан и в чемодане спрятал в сарае. В сентябре–октябре сего года ФОКЕЕВ намеревался вывезти их за город и укрыть в более надежном месте, однако сделать этого не успел.

Вовлечение ФОКЕЕВА М.Г. в антисоветскую деятельность получение от РОМАНОВА, хранение и размножение ФОКЕЕВЫМ враждебной литературы подтверждается показаниями обвиняемых: РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 218, 219, 220, 232; т. 5, л. до 12–16, 67, 74–79, 118, 131, 132, ИЗ), ФОКЕЕВА М.Г. (т. 5, л. д. 160–162, 167, 170, 176–179, 185–189, 194–197, 204–209, 229, 235, 236, 279–281, 285, 216–220, 227, 242, 251, 260, 278, 250, 228, 246), материалами обыска у ФОКЕЕВА, протоколами осмотра, вещественными доказательствами – изъятыми антисоветскими работами, фотонегативами, фотокопиями (т. 12, л. д. 12, 14, 17, 19, 22, 235–281) и криминалистической экспертизой (т. 14, л. д. 163–202).

В августе 1969 года при содействии АНИКИНА в квартире АЛЕКСАНДРОВОЙ в г. Саратове РОМАНОВ изготовил в 2-х экземплярах негативы с антисоветских статей: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Внешняя политика советского империализма», «К вопросу о сталинизме», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «О патриотизме», «Идеологическая работа и психология», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», «О безработице», «Дероор» («Трубы свободы») и «Пропаганда и психология». По одному экземпляру фотонегативов РОМАНОВ оставил в квартире АЛЕКСАНДРОВОЙ, где они были изъяты при обыске 29 августа 1969 года.

Показаниями обвиняемого РОМАНОВА (т. 4, л. д. 31; т. 5, л. д. 5, 47–54, 60, 131), свидетеля АНИКИНА С.П. (т. 8, л. д. 5–8, 14–22), вещественными доказательствами (т. 22), материалами обысков (т. 13, л. д. 1–40, 60–78) и заключением криминалистической экспертизы (т. 14, л. д. 163–202) подтверждаются факты размножения РОМАНОВЫМ и АНИКИНЫМ антисоветской литературы.

Как указывалось выше, КУЛИКОВ получил от РОМАНОВА вторые экземпляры одиннадцати антисоветских статей, отпечатанных на пишущей машинке. Кроме этого, в сентябре–декабре 1968 года КУЛИКОВ от него же получил для использования в преступных целях статьи враждебного содержания «Правда о современности», «Пропаганда и психология», «Марксизм и колдуны», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», устав «группы революционного коммунизма» и хранил их до мая 1969 года.

Всю полученную от РОМАНОВА антисоветскую литературу КУЛИКОВ в мае 1969 года возвратил ему обратно, за исключением статей «Дероор» («Трубы свободы») и «Марксизм и колдуны», первую из которых в апреле этого года передал жителю города Ашхабада СЕМЕНОВУ А.В., а вторую – КНЯЖЕНЦЕВУ В.

С августа 1969 года и до дня ареста КУЛИКОВ хранил фотокопию антисоветской статьи «Пропаганда и психология».

Возвращенные КУЛИКОВЫМ статьи антисоветского содержания РОМАНОВ передал в августе 1969 года для ознакомления ФРОЛОВУ В.В., у которого они были изъяты при обыске.

Хранение и распространение КУЛИКОВЫМ антисоветской литературы подтверждается его показаниями (т. 6, л. д. 75, 76, 133, 172, 191, 192, 276), а также показаниями обвиняемого РОМАНОВА (т. 4, л. д. 67, 82, 97–100, 114; т. 5, л. д. 131), свидетелей КНЯЖЕНЦЕВА В. Я. (т. 9, л. д. 73, СЕМЕНОВА А.В. (т. 9, л. д. 87, 88), а передача РОМАНОВЫМ ФРОЛОВУ антисоветских статей подтверждается показаниями последнего (т. 8, л. д. 253–255, 288–291) и обвиняемого РОМАНОВА (т. 4,

л. д. 116; т. 5, л. д. 32–39, 133), материалами обыска в квартире КУЛИКОВА (т. 12, л. д. 223, 224), КНЯЖЕНЦЕВА (т. 13, л. д. 88–91), СЕМЕНОВА (т. 13, л. д. 42–49), вещественными доказательствами (т. 16, л. д. 2–177, 213–220, 222–242; т. 22).

Обвиняемые СЕНИН, КИРИКОВ, РОМАНОВ и КУЛИКОВ в 1967–1968 годах занимались изготовлением антисоветской литературы. Кроме устава «группы революционного коммунизма», разработанного в конце ноября 1967 года, РОМАНОВ, КИРИКОВ и КУЛИКОВ в ноябре 1968 года коллективно написали рецензию «О работе Л. Борина «Закат капитала», в которой они, выразив согласие с основными положениями этой работы, клеветают на советский государственный и общественный строй.

РОМАНОВ, отпечатав «рецензию» в двух экземплярах, один из них в целях укрепления связи с рязанской нелегальной группой с согласия своих сообщников в мае 1969 года через РУДЧЕНКО передал СЕНИНУ для пересылки в город Рязань. В августе 1968 года участник «группы революционного коммунизма» ФЕДОРОВ под псевдонимом «Г. Агапов» написал статью «Пропаганда и психология», в которой Советский строй отождествляется с фашизмом и излагаются методы проведения антисоветской пропаганды.

КИРИКОВ, КУЛИКОВ и РОМАНОВ, обсудив рукопись и внося свои коррективы, одобрили ее содержание. После этого данная статья была окончательно отредактирована РОМАНОВЫМ, отпечатана им на машинке в 3-х экземплярах, один из которых через КИРИКОВА передан руководителю антисоветской группы в Рязани ВУДКЕ.

Изготовление антисоветской работы «Пропаганда и психология» и рецензии на «Закат капитала», а также передача последней СЕНИНУ подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА (т. 1, л. д. 4–8, 57, 58), КИРИКОВА (т. 2, л. д. 9, 62, 63, 55, 88, 89, 258, 259), БОБРОВА (т. 3, л. д. 39, 40), РОМАНОВА (т. 4, л. д. 76–82; т. 5, л. д. 130), КУЛИКОВА (т. 6, л. д. 71, 72, 74, 75, 177–179, 184, 185, 275), обвиняемых по другому делу ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 43), ВУДКИ В.В. (т. 10, л. д. 70), свидетеля РУДЧЕНКО (т. 7, л. д. 96, 168).

Осенью 1967 года КИРИКОВ написал в блокноте и на отдельном листе статью с клеветой на советский общественный строй, с которой знакомил РОМАНОВА.

В августе 1968 года КИРИКОВ по предложению СЕНИНА написал «очерк», в котором допускал злобную клевету на советскую действительность и Вооруженные Силы СССР. В сентябре того же года ознакомил с ним РОМАНОВА.

В апреле 1968 года КИРИКОВ написал статью «Дороги, которые мы выбираем», в которой содержатся политически вредные взгляды по вопросам воспитания и образования в СССР. С этой статьей КИРИКОВ ознакомил своего единомышленника по антисоветской деятельности ФЕДОРОВА и однокурсника по учебе в институте ОДИНЦОВА В.Н.

В августе 1968 года КИРИКОВ написал стихотворение с клеветой на советскую действительность, которое читал РОМАНОВУ и КУЛИКОВУ.

В сентябре 1967 года КИРИКОВ получил от ИОНОВА написанное последним стихотворение антисоветского содержания, ознакомил с ним ФЕДОРОВА И ДАЛ ПЕРЕПИСАТЬ РОМАНОВУ.

Написанные им статьи и стихотворение ИОНОВА КИРИКОВ хранил у себя до ареста.

Обвиняемый РОМАНОВ в октябре 1968 года сочинил стихотворение антисоветского содержания, с которым ознакомил КИРИКОВА и КУЛИКОВА.

Изготовление КИРИКОВЫМ В.И. вышеуказанных антисоветских документов и ознакомление с ними других подтверждается показаниями обвиняемых КИРИКОВА В.И. (т. 4, л. д. 55, 100–102, 157, 172–174, 202–204, 231–252, 259), РОМАНОВА А.И. (т. 4, л. д. 263, 264, 271; т. 5 л. д. 90, 130), свидетеля ОДИНЦОВА В.В. (т. 11, л. д. 120, 121), вещественными доказательствами (том 21) и почерковедческой экспертизой (т. 14, л. д. 38–43).

СЕНИН, выполняя поручение ВУДКИ, осенью 1968 года написал для рязанской нелегальной группы проект устава, аналогичный по содержанию с ранее разработанным им для саратовской группы, и вместе с другими сообщниками по преступной деятельности в Рязани принимал участие в обсуждении этого антисоветского документа.

Также осенью 1968 года СЕНИН в гор. Рязани написал под псевдонимом «В. ЮРИН» две антисоветские статьи: «Марксизм и действительность» и «Механизм лжи». В этих статьях содержатся злобные клеветнические измышления на советский государственный и общественный строй.

Статью «Марксизм и действительность» СЕНИН осенью 1968 года через ВУДКУ переправил участникам антисоветской группы в Саратов, где одна глава из этой статьи, озаглавленная «К вопросу о сталинизме», была размножена машинописным способом и распространена. Рукопись статьи была изъята при обыске у обвиняемого ФОКЕЕВА.

Изготовление СЕНИНЫМ устава и вышеуказанных статей подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА (т. 1, л. д. 112, 123, 124, 222, 243–245, 273, 274, 276), БОБРОВА (т. 3, л. д. 97, 98), РОМАНОВА (т. 4, л. д. 68), ВУДКИ Ю. (т. 10, л. д. 22–24, 42–44, 138), свидетеля РУДЧЕНКО (т. 7, л. д. 150).

Материалами обыска в квартире ФОКЕЕВА (т. 12, л. д. 235–244), в квартире СЕНИНА (т. 12, л. д. 2, 3, 12), протоколами осмотра (т. 12, л. д. 14, 16, 17, 253–255, 256–264), вещественными доказательствами (т. 17, 18), заключением криминалистических экспертиз (т. 14, л. д. 19–23, 163–202).

Кроме антисоветской литературы обвиняемые РОМАНОВ, ФОКЕЕВ, СЕНИН, БОБРОВ, КИРИКОВ, КУЛИКОВ хранили и распространяли в преступных целях политически вредную нелегальную литературу так называемого «самиздата».

РОМАНОВ в течение 1967–1969 годов с целью использования в проведении враждебной пропаганды размножал на пишущей машинке и рукописно «Письмо Раскольникова к Сталину», «Письмо к Всесоюзному съезду советских писателей от имени Солженицына, выступления Даниэля и Синявского на судебном процессе и другие.

ФОКЕЕВ в тот же период получил от РОМАНОВА и хранил у себя семь экземпляров «Письма Раскольникова к Сталину», три экземпляра письма от имени Солженицына к съезду советских писателей, а также записи с содержанием клеветнических сообщений радиостанций капиталистических стран. Вышеуказанные «письма» также хранили у себя и распространяли КИРИКОВ, КУЛИКОВ и БОБРОВ.

С целью выяснения отношения других лиц к имеющимся в этих документах клеветническим измышлениям КИРИКОВ знакомил а ними КОЛОСОВА Г.В.

и ОДИНЦОВА В.Н., КУЛИКОВ – ФЕДОРОВА Е.Е., ЛУКАШИНА В.А., ШЕПЕЛЕВА В.Я., ФРОЛОВА В.Б., КНЯЖЕНЦЕВА В.Я. и БУНДУРА В.Ф.; БОБРОВ – ИЛЬИНА Ю.В., КАШАЕВУ Л.П., КАСПЕРСКУЮ М.П., ИОНОВА Ю.В. и ГРИГОРЬЕВУ А.Г.

Хранение и распространение политически вредной литературы подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА (т. 1, л. д. 94–97, л. д. 106, т. 16, л. д. 244–246), КИРИКОВА (т. 2, л. д. 77, 129, 257), БОБРОВА (т. 3, л. д. 79, 81, 198–202), РОМАНОВА (т. 5, л. д. 5, 6, 12–16, 55, 67, 132), КУЛИКОВА (т. 6, л. д. 219, 225), ФОКЕЕВА (т. 5, л. д. 170, 176–179, 185, 189, 194–197, 206, 229, 235, 236), свидетелей ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. (т. 7, л. д. 32), КЛОПИЧЕВА (т. 7 л. д. 333), ФРОНТАСЬЕВОЙ М.В. (т. 8, л. д. 203–205), ФРОЛОВА В.В. (т. 8, л. д. 260, 265, 272, 273, 306), КНЯЖЕНЦЕВА В.Я. (т. 9, л. д. 4–5, 46), СЕМЕНОВА А.В. (т. 9 л. д. 103), ФЕДОРОВА Е. (т. 9 л. д. 210, 212), ИЛЬИНА Ю.В. (т. 11, л. д. 16, 17), КАШАЕВОЙ Л.П. (т. 11, л. д. 35, 36), ИЛЬИНОВА И.И. (т. 10, л. д. 202), ОДИНЦОВА В.В. (т. 11, л. д. 109), ОДИНЦОВА В.Г. (т. 11, л. д. 124, 125), КОЛОСОВА В.В. (т. 11, л. д. 129, 130), НАДАРЕЙШВИЛИ В.Г. (т. 10, л. д. 247).

В целях подрыва и ослабления Советской власти обвиняемые по делу СЕНИН, РОМАНОВ, КУЛИКОВ, БОБРОВ и КИРИКОВ в течение 1966–1969 годов путем проведения устной антисоветской пропаганды с использованием имеющейся враждебной литературы занимались активной обработкой и вовлечением в преступную деятельность других лиц.

При проведении антисоветской обработки они тенденциозно подбирали и преподносили отдельные недостатки, имеющиеся в жизни советского народа, как якобы закономерность, присущую нашему государственному строю, искусственно создавали впечатление, что в СССР царит несправедливость и произвол, фальсифицировали отдельные положения из произведений классиков марксизма–ленинизма, делали обобщенные клеветнические выводы о том, что в СССР будто бы существует не социалистический строй, а государственный капитализм и в нем рабочий класс угнетается «классом бюрократии», которому принадлежит экономическая и политическая власть.

Действуя таким методом, обвиняемые заявляли обрабатываемым лицам о необходимости борьбы с существующим в Советском Союзе государственным и общественным строем с целью его свержения.

СЕНИН наряду с созданием антисоветской группы из студентов высших учебных заведений в г. Саратове выполнял преступные указания ВУДКИ по организации враждебных групп в других районах страны.

В конце февраля 1967 года при выезде в академический отпуск ранее обработавшегося в антисоветском духе ИОНОВА СЕНИН дал ему задание по месту жительства в гор. Кимры Калининской области подыскивать и вовлекать для проведения враждебной деятельности других лиц.

Обработка СЕНИНЫМ ИОНОВА Ю.А. в антисоветском духе и поручение ему вовлекать новых членов в антисоветскую группу подтверждается показаниями обвиняемого СЕНИНА (т. 1 л. д. 129, 130–131, 136–139, 180–182, 271) и свидетеля ИОНОВА (т. 7 л. д. 234, 239, 240, 253).

В феврале 1969 года СЕНИН вовлек в Рязани во враждебную деятельность студента историко-филологического факультета Петрозаводского университета УЧИТЕЛЯ А.Е. (обвиняемого по другому делу), которому по-

ручил создать в Петрозаводске самостоятельную преступную группу и подыскать возможности для направления за границу антисоветской литературы.

В феврале 1969 года в Рязани СЕНИН вручил приехавшему из Петрозаводска УЧИТЕЛЮ для использования в проведении враждебной деятельности написанные участниками рязанской нелегальной группы антисоветские статьи: «Трубы свободы», «Марксизм и колдуны», «Закат капитала», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «О безработице», «О патриотизме», «О базисе и надстройке», «Диалектический материализм и влияние среды на объект».

В июне 1969 года по поручению ВУДКИ СЕНИН специально посылал из Рязани в Петрозаводск свою сестру СЕНИНУ Г.М., которая передала там УЧИТЕЛЮ три фотокопии «Заката капитала» и фотокопии с текстами других антисоветских статей с целью их последующей пересылки за границу.

В июле того же года УЧИТЕЛЮ, приехавшему в Рязань, СЕНИН передал на хранение написанную им статью злобного антисоветского содержания «Механизм лжи».

Вовлечение СЕНИНЫМ в антисоветскую деятельность УЧИТЕЛЯ А.Е. и передача ему антисоветской литературы подтверждается показаниями СЕНИНА (т. 1, л. д. 89–91, 93, 98–102, 104, 118, 124: 141–156, 269, 276, 277), ВУДКИ Ю.В. (т. 10, л. д. 20–21, 42, 44), ВУДКИ В.В. (т. 10, л. д. 71, 77), УЧИТЕЛЯ А.Е. (т. 10, л. д. 93–98, 127–134), свидетелей БРАГИНА А.Е. (т. 10, л. д. 106–114), БРИО Э.А. (т. 10, л. д. 115–118), СЕНИНОЙ Г.М. (т. 10, л. д. 146–148), МАРТИМОНОВА Е.Я. (т. 10, л. д. 91, 92).

В течение осени 1966 и весны 1967 года СЕНИН с намерением вовлечь в антисоветскую деятельность обрабатывал студентов Саратовского юридического института ИЛЬИНА Ю.В., ГРИГОРЬЕВУ А.Г., ИЛЬИНОВА И.И., МАКАРЕВИЧА Н.С. и студента госуниверситета КОНСТАНТИНОВА С.А., причем последнему давал задание обрабатывать во враждебном духе других лиц.

Антисоветская обработка СЕНИНЫМ ИЛЬИНА Ю.В., ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г., ИЛЬИНОВА И.И., МАКАРЕВИЧА Н.С. и КОНСТАНТИНОВА С.А. и поручение последнему вовлекать других лиц в преступную группу подтверждается показаниями СЕНИНА (т. 1 л. д. 47, 129–132, 136–139, 187–190, 239–240, 268–269, 271), свидетелей ИЛЬИНА (т. 11, л. д. 97–99), ГРИГОРЬЕВОЙ (т. 7, л. д. 37), ИЛЬИНОВА (т. 10, л. д. 201–202), МАКАРЕВИЧА (т. 10, л. д. 187, 188), КОНСТАНТИНОВА (т. 8 л. д. 164, 165, 171, 172).

РОМАНОВ, будучи одним из инициаторов создания антисоветской так называемой «группы революционного коммунизма», вовлек в неё осенью 1967 года ранее им обработанных КУЛИКОВА и ФЕДОРОВА. Тогда же привлек к преступной деятельности обвиняемого ФОКЕЕВА.

В 1968 году он проводил обработку студентов Госуниверситета МИХАЙЛОВА Н.В. и ЗЕЛЕНСКОЙ А.М., познакомил их с уставом «группы революционного коммунизма» и другими антисоветскими документами, добился согласия этих лиц быть участниками антисоветской группы 2-го звена.

В 1968–1969 годах РОМАНОВ обрабатывал в тех же целях студентов различных институтов гор. Саратова ФРОНТАСЬЕВУ М.В., АНИКИНА С.П., САВЕНКОВА Е.Е., ГОРБАЧЕВА В.М., РУДЧЕНКО А.А.

Реализуя преступные намерения нелегальной группы о проведении антисоветской деятельности среди рабочих, РОМАНОВ в январе–феврале 1969 года установил связь с РОДИНЫМ А.Н., наладчиком завода, и продолжил его антисоветскую обработку, начатую в 1968 году участником группы ФЕДОРОВЫМ.

Принимая меры к созданию нелегальных групп в других городах страны, РОМАНОВ в марте 1969 года познакомился в Саратове с жителем гор. Киева рабочим БЕЛЕЦКИМ В.Д. и предпринял практические шаги к организации по месту его жительства антисоветской группы.

Выполняя задания СЕНИНА по вовлечению новых лиц для совместного совершения преступлений, РОМАНОВ еще в июле–августе 1967 года предпринимал попытки к обработке МЕЛЬНИКОВА Е.Л. и ЧЕВЫКАЛОВА И.Н., студентов Саратовского Госуниверситета, но не найдя поддержки у них своим клеветническим измышлениям, вынужден был отказаться от этих намерений.

Антисоветская обработка РОМАНОВЫМ указанных лиц подтверждается показаниями самого РОМАНОВА (т. 4 л. д. 64, 189–201, 209–211, 225, 230, 240, 243, 264, 273, 283, 123–125, 133, 249, т. 5, л. д. 23, 24, 31, 62, 115, 118, 129), свидетелей ЗЕЛЕНСКОЙ А.М. (т. 8, л. д. 142–146), МИХАЙЛОВА Н.В. (т. 8, л. д. 73, 107–110), ФРОНТАСЬЕВОЙ М.В. (т. 8, л. д. 206), АНИКИНА С.П. (т. 8, л. д. 32–34, 56–60), САВЕНКОВА Е.Е. (т. 11, л. д. 216–219), ГОРБАЧЕВА В.М. (т. 11, л. д. 161), РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 94, 156–158), РОДИНА А.Н. (т. 8, л. д. 224–226, 236), БЕЛЕЦКОГО В.Д. (т. 11, л. д. 169–171, 176, 178), МЕЛЬНИКОВА Е.Л. (т. 11, л. д. 226, 273), ЧЕВЫКАЛОВА И.Н. (т. 11, л. д. 230, 273).

Обвиняемый КУЛИКОВ в период с сентября 1967 до июля 1969 года систематически проводил среди своего окружения пропаганду, направленную на подрыв и ослабление Советской власти.

С целью обработки в антисоветском духе ФЕДОРОВА Е.Е., БРЕДИХИНА Д.А., СЕМЕНОВА А.В., ЛОГИНОВА Д.И., АЛЕКСАНДРОВА А.Н. и ШЕПЕЛЕВА В.Я. КУЛИКОВ в течение 1967–1969 годов неоднократно высказывал им клеветнические измышления на советскую действительность, существующий в СССР государственный и общественный строй, опошлял внутреннюю и внешнюю политику КПСС и правительства, пытался убедить указанных лиц в необходимости «новой пролетарской революции».

При обработке ФЕДОРОВА, СЕМЕНОВА, БРЕДИХИНА, ЛОГИНОВА КУЛИКОВ знакомил их с антисоветскими статьями «Правда о современности» и «Марксизм и колдуны», а СЕМЕНОВУ, кроме этого, передал статью «Дероор» тоже враждебного содержания.

В августе 1968 года КУЛИКОВ в беседах с ТРУДАЕВЫМ и РЯБОВЫМ клеветал на советскую действительность и интернациональную политику СССР.

Аналогичные клеветнические измышления КУЛИКОВ высказывал в октябре–ноябре 1967 года и в марте–апреле 1969 года своему знакомому ЛУКАШИНУ В.А.

С хранившимися у него антисоветскими статьями «Правда о современности» и «Марксизм и колдуны» ознакомил в марте 1969 года КУЗНЕЦОВА И.М., а в мае–июне того же года САЛУГИНА М.А. и БОНДАРЕНКО Н.П.

Вышеназванных ФЕДОРОВА, ЛУКАШИНА и ШЕПЕЛЕВА КУЛИКОВ знакомил также с нелегальным политически вредным «Письмом Ф. Раскольникова к Сталину».

Познакомившись в августе 1968 года через КНЯЖЕНЦЕВА В.Я. с ФРОЛОВЫМ В.Б. и в сентябре того же года с рабочим завода приемно-усилительных ламп БУНДУРОМ В.Ф., КУЛИКОВ подверг их усиленной антисоветской обработке, высказывая им клевету на социалистический строй.

Используя при обработке КНЯЖЕНЦЕВА, ФРОЛОВА и БУНДУРА такие антисоветские статьи, как «Закат капитала», «Пропаганда и психология», «Дервоор», а также политически вредную нелегальную литературу («Письмо Расколнникова к Сталину», письмо к съезду советских писателей от имени Солженицына), КУЛИКОВ убеждал их в необходимости борьбы против советского государственно-го и общественного строя.

В октябре–ноябре 1969 года КУЛИКОВ с целью создания с их участием антисоветской группы ознакомил КНЯЖЕНЦЕВА, ФРОЛОВА и БУНДУРА с уставом «группы революционного коммунизма».

В январе–мае 1969 года КУЛИКОВ, полагая, что завершил антисоветскую обработку ФРОЛОВА и КНЯЖЕНЦЕВА, создал с их участием так называемое 2-е звено антисоветской «группы революционного коммунизма», которое однако не успело развернуть активную враждебную деятельность.

Факты антисоветской обработки КУЛИКОВЫМ указанных лиц подтверждаются его собственными показаниями (т. 6, л. д. 49, 50, 76, 77, 82–87, 90–92, 124, 133–135, 141–143; 148, 149, 152–154, 157, 158, 185, 186, 208–210, 216–219, 224–226, 276–278), показаниями свидетелей: ФРОЛОВА В.Б. (т. 8, л. д. 253–255, 259–261, 264, 265, 270–273, 279–283, 288–291, 295–297, 302–306, 309, 310, 313–315), БУНДУРА В.Ф. (т. 9, л. д. 5–10, 17–25), КНЯЖЕНЦЕВА В.Я. (т. 9, л. д. 36–38, 44–48, 53–56, 59, 60, 64–69, 72, 735 76, 77), СЕМЕНОВА А.В. (т. 9, л. д. 87–90, 97–116, 118, 119), БРЕДИХИНА Д.А. (т. 9, л. д. 168–173), ЛОГИНОВА Д.И. (т. 9, л. д. 178–184, 188–190), АЛЕКСАНДРОВА А.Н. (т. 9, л. д. 195–201), ФЕДОРОВА Е.Е. (т. 9, л. д. 204, 205, 209–212), БОНДАРЕНКО Н.П. (т. 9, л. д. 224–226), САЛУГИНА М.А. (т. 9, л. д. 229, 230), ЛУКАШИНА В.А. (т. 9, л. д. 233, 234), КУЗНЕЦОВА И.М. (т. 9, л. д. 237, 238), РЯБОВА Ю.Д. (т. 9 л. д. 252–254), ШЕПЕЛЕВА В.Я. (т. 9 л. д. 256, 257), ТРУДАЕВА Е.В. (т. 9, л. д. 258, 259), а также: протоколами опознаний (т. 6, л. д. 279–283, т. 8, л. д. 336–339), вещественными доказательствами (т. 18), материалами обыска (т. 12, л. д. 222–228, т. 13, л. д. 42–62, 110–116, 202–206), заключениями криминалистических экспертиз (т. 14, л. д. 73–91, 107–119, 120–130, 162–202).

БОБРОВ, во исполнение ранее полученного от СЕНИНА задания, в течение ноября 1967 года и февраля 1968 года в Саратове обрабатывал с целью вовлечения в преступную деятельность студентку юридического института ГРИГОРЬЕВУ А.Г. В январе 1969 года БОБРОВ с этой же целью ознакомил жителя гор. Батуми НАДАРЕЙШВИЛИ В.Г. с политически вредными статьями так называемого «самиздата».

Проводя антисоветскую пропаганду, БОБРОВ в беседах со своими знакомыми – РОДИНЫМ В.О. в январе 1967 года, ПАВЛОВСКИМ В.А. в мае 1967 года, а также в октябре 1968 года и КОЦБОЙ В.Х. в октябре 1968 года клеветал на государственный и общественный строй в СССР.

В октябре 1968 года в Саратове при разговоре с КОЦБОЙ В.Х., МОСУНОВЫМ А.Ф. и ИЛЬИНЫМ Ю.В. о вводе в Чехословакию войск стран-участниц Варшавского договора БОБРОВ клеветнически отзывался о советской внешней политике.

Факт обработки БОБРОВЫМ с целью вовлечения в антисоветскую деятельность отдельных лиц из своего окружения подтверждается его личными показаниями (т. 3, л. д. 74, 103, 106, 176–178, 193, 346) и показаниями свидетелей ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. (т. 7, л. д. 21, 22), НАДАРЕЙШВИЛИ В.Г. (т. 10, л. д. 258–260). Свидетели РОДИН В.О. (т. 10, л. д. 292, 293), ПАВЛОВСКИЙ В.А. (т. 10, л. д. 288, 289), КОЦБА В.Х. (т. 11, л. д. 57) показали о клеветнических высказываниях БОБРОВА.

КИРИКОВ, изучая возможности привлечения к антисоветской деятельности однокурсника по институту ОДИНЦОВА В.Н., осенью 1968 года высказывал в его присутствии клеветнические измышления на существующий в СССР государственный и общественный строй, а также читая ему враждебные статьи «Марксизм и колдуны», «О патриотизме» и выдержки из «Заката капитала».

Изложенное подтверждается показаниями обвиняемого КИРИКОВА В.И. (т. 5, л. д. 73–74, 77, 128, 129, 257), свидетеля ИОНОВА (т. 7, л. д. 248) и ОДИНЦОВА В.В. (т. 11, л. д. 109, 112; 115–117, 124–125).

Сознавая преступность своих действий, стремясь уйти от ответственности за совершенное, во избежание провала обвиняемые СЕНИН, РОМАНОВ, КИРИКОВ, КУЛИКОВ и БОБРОВ применяли различные ухищрения: в переписке с единомышленниками использовали условности, подставные адреса, вымышленные имена и фамилии, пользовалась паролями, избрали себе псевдонимы. Предпринимали попытки подыскать квартиру в городе Саратове для конспиративных встреч, изготовления и хранения на ней антисоветской литературы.

Применение ухищрений подтверждается показаниями обвиняемых: СЕНИНА (т. 1, л. д. 118, 151, 152, 154, 155, 166, 167, 182, 211–213, 271, 272), КИРИКОВА (т. 2, л. д. 133, 146, 193, 253, 261), БОБРОВА (т. 3, л. д. 103, 114), РОМАНОВА (т. 4, л. д. 66, 104, 226, 227, 258; т. 5, л. д. 136), КУЛИКОВА (т. 6, л. д. 251, 252, 273), свидетелей РУДЧЕНКО А.А. (т. 7, л. д. 88, 117, 127, 148, 149, 178, 179), ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г. (т. 7, л. д. 27, 31), ИОНОВА Ю.В. (т. 7, л. д. 240, 290–294), КЛОПИЧЕВА В.В. (т. 7, л. д. 331), ФРОЛОВА В.Б. (т. 8, л. д. 254, 261, 283, 314, 315), КНЯЖЕНЦЕВА В.Я. (т. 9, л. д. 48), УЧИТЕЛЯ А.Е. (т. 10, л. д. 128, 131, 132), обвиняемого по другому делу ВУДКИ Ю.В. (т. 11, л. д. 97) и вещественным доказательством – письмом СЕНИНА к РОМАНОВУ с условностями (т. 18).

При обыске у обвиняемого СЕНИНА О.М. изъято: написанная им клеветническая антисоветская статья «Механизм лжи», политически вредная литература, так называемого «Самиздата», часть блокнота с записями содержания клеветнических передач радиостанции «Би-би-си», письмо к СЕНИНУ от его соратника УЧИТЕЛЯ А.Е., подтверждающее преступную связь между ними (т. 16, л. д. 244–246, т. 18).

Обвиняемый КИРИКОВ В.И. при обыске добровольно выдал: изготовленные им рукописи антисоветского содержания – три статьи и одно стихотворение, блокноты с записями, подтверждающими его участие в организованной антисоветской деятельности и коллективным изложением содержания статьи «Дероор», написанное свидетелем ИОНОВЫМ стихотворение враждебного содержания, а также политически вредную литературу так называемого «Самиздата» (т. 16 л. д. 193–195, т. 21).

При обыске в квартире обвиняемого РОМАНОВА А.И. изъята пишущая машинка, на которой он размножал антисоветские документы.

Кроме того, принадлежавшие РОМАНОВУ А.И. антисоветские статьи, документы и другие вещественные доказательства изъяты у следующих лиц.

В квартире свидетеля АЛЕКСАНДРОВОЙ Г.И. – машинописные тексты антисоветских статей: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Дероор» («Трубы свободы»), «Правда о современности», «К вопросу о сталинизме», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «Пропаганда и психология», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Об идеологической работе», «О безработице», «О базисе и надстройке», «О патриотизме», «Идеологическая работа и психология», «Марксизм и колдуны», устав «группы революционного коммунизма», части работ «Дероор» и «Современность и национальный вопрос», а также литература так называемого «Самиздата» (т. 15, л. д. 2–220).

Фотокопии статей и документов: устав «группы революционного коммунизма», «Правда о современности», (частично), «Пропаганда и психология» в 2-х экземплярах (т. 22).

Фотонегативы с текстами статей и документов: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «Дероор» («Трубы свободы»), «О патриотизме», «О безработице», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», «К вопросу о сталинизме», «Современная интеллигенция и революция», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», устав «группы революционного коммунизма», «Пропаганда и психология», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос» (т. 22).

Фотоаппарат «Зенит–Б», фотопринадлежности и химреактивы, служившие для размножения антисоветских статей и документов, а также фильмоскоп для чтения обработанных фотонегативов (т. 13, л. д. 33).

В квартире свидетеля МИХАЙЛОВА Н.В. – фотонегативы статей: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Внешняя политика советского империализма», «К вопросу о сталинизме», «Об идеологической работе», «О безработице», «О патриотизме», «О базисе и надстройке», «Идеологическая работа и психология», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», «Дероор» («Трубы свободы»), «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Пропаганда и психология» (т. 22).

Пишущая машинка «Башкирия» (т. 13, л. д. 86).

В квартире свидетеля ФРОЛОВА В.Б. – машинописные статьи: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «Пропаганда и психология», «К вопросу о сталинизме», «Современная интеллигенция и революция», «Правда о современности», «О базисе и надстройке», «Об идеологической работе», «Современность и национальный вопрос», «О патриотизме», «О безработице», «Внешняя политика советского империализма», «Идеологическая работа и психология», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», а также литература так называемого «самиздата» (т. 16, л. д. 2–177).

В квартире свидетеля БЕЛЕЦКОГО В.Д. – литература так называемого «самиздата» (т. 16, л. д. 201–211), а также фотокопии статей: «Пропаганда и психо-

логия», «Правда о современности» в 3-х экземплярах, «Марксизм и колдуны» в 2-х экземплярах (т. 22).

В квартире свидетеля РОДИНА А.Н. – фотонегативы статьи «Пропаганда и психология» (т. 22).

Обвиняемый БОБРОВ В.А., будучи арестованным, добровольно выдал хранившиеся им в тайнике фотокопии антисоветских работ «Закат капитала» и «Дероор» («Трубы свободы»), рукопись части статьи «Диалектический материализм и влияние среды на объект» и политически вредную литературу так называемого «самиздата». При обыске в его квартире также была изъята «самиздатовская» литература (т. 19, т. 24).

При обыске у обвиняемого ФОКЕЕВА М.Г. изъяты антисоветские статьи «К вопросу о сталинизме», «Письмо с дороги», «Особенности развития капитализма на Востоке и на Западе», а также литература так называемого «самиздата», тетрадь с записями клеветнических передач радиостанции «Би-би-си» (т. 15, л. д. 222–338, т. 17, т. 23).

Кроме этого изъяты фотокопии антисоветских статей, документов и политически вредных произведений: устав «группы революционного коммунизма», «Пропаганда и психология», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», (т. 22), фотокопия книги Некрича «1941. 22 июня» (т. 20), а также фотонегативы статей «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Дероор», («Трубы свободы»), «Об идеологической работе», «О безработице», «О базисе и надстройке», «Марксизм и колдуны», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Правда о современности», «Современность и национальный вопрос», части книги «1941, 22 июня» (т. 22).

У него же изъят фотоаппарат «Мир», который использовался для размножения антисоветской литературы (т. 12).

При обыске у обвиняемого КУЛИКОВА Д.Г. изъято: фотокопия антисоветского документа «Пропаганда и психология» (т. 22), записная книжка, содержащая псевдонимы лиц, которых он обрабатывал в антисоветском духе, а также хранившиеся у него выписки из статей «Закат капитала» и «Пропаганда и психология», сделанные свидетелем ФРОЛОВЫМ В.Б. (т. 18).

Кроме этого, принадлежавшие КУЛИКОВУ Д.Г. антисоветские статьи изъяты у следующих лиц.

В квартире свидетеля СЕМЕНОВА А.В. – статья «Дероор» («Трубы свободы»). (т. 16, л. д. 222–242);

в квартире свидетеля КНЯЖЕНЦЕВА В.Я. – статья «Марксизм и колдуны» и литература так называемого «самиздата» (т. 16, л. д. 213–220).

Обвиняемый СЕНИН Олег Михайлович в предъявленном обвинении в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР, виновным себя признал полностью.

В процессе предварительного следствия вначале вел себя неискренно, затем изменил свое поведение, рассказал о содеянном, осудил свои преступные действия, раскаялся и дал показания в отношении сообщников и единомышленников.

Изобличается показаниями обвиняемых КИРИКОВА В.А., РОМАНОВА А.И., КУЛИКОВА Д.Г., БОБРОВА В.А., обвиняемых по другим делам ВУДКИ Ю.В., ВУД-

КИ В.В., ФРОЛОВА О.И., МАРТИМОНОВА Е.Я., УЧИТЕЛЯ А.Е., показаниями свидетелей ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г., РУДЧЕНКО А.А., ИОНОВА Ю.В., КЛОПИЧЕВА В.В., КОНСТАНТИНОВА С.А., ФАТЮШИНА А.К., СЕНИНОЙ Г.М., МАКАРЕВИЧА Н.С., ИЛЬИНОВА И.И., ИЛЬИНА Ю.В., вещественными доказательствами, протоколами осмотров и опознаний, а также заключением почерковедческой экспертизы.

Обвиняемый КИРИКОВ Валентин Иванович в предъявленном обвинении в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР, виновным себя признал полностью. При обыске добровольно выдал вещественные доказательства: собственноручно написанные статьи и стихи антисоветского содержания, а также политически вредную литературу так называемого «самиздата».

На следствии вел себя искренне, способствовал раскрытию преступления и осудил свои преступные действия.

Изобличается показаниями обвиняемых СЕНИНА О.М., РОМАНОВА А.И., КУЛИКОВА Д.Г., БОБРОВА В.А., обвиняемого по другому делу ВУДКИ Ю.В., показаниями свидетелей РУДЧЕНКО А.А., ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г., ИОНОВА Ю.В., КЛОПИЧЕВА В.В., ФРОЛОВА В.Б., ОДИНЦОВА В.И., ОДИНЦОВА Вл. Н., КОЛОСОВА Г.В., КИРИКОВОЙ Т. Г., вещественными доказательствами, протоколами осмотров, заключениями криминалистических экспертиз.

Обвиняемый РОМАНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ в предъявленном обвинении в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР виновным признал себя полностью.

В процессе предварительного следствия на первых допросах вел себя неискренне, затем изменил свое поведение, дал обстоятельные показания о содеянном им, а также сообщниками и единомышленниками, способствовал раскрытию преступления, сообщил о лицах, у которых хранились принадлежавшие ему антисоветские материалы, раскаялся и дал должную оценку своим преступным действиям.

Изобличается показаниями обвиняемых СЕНИНА О.М., КИРИКОВА В.И., КУЛИКОВА Д.Г., БОБРОВА В.А., ФОКЕЕВА М.Г., обвиняемого по другому делу ВУДКИ В.В., показаниями свидетелей ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г., РУДЧЕНКО А.А., ИОНОВА Ю.В., КЛОПИЧЕВА В.В., АНИКИНА С.П., МИХАЙЛОВА Н.В., ЗЕЛЕНСКОЙ А.М., КОНСТАНТИНОВА С.А., ФРОНТАСЬЕВОЙ М.В., ГОДИНА А.Н., ФРОЛОВА В.Б., ГОРБАЧЕВА В.М., БЕЛЕЦКОГО В.Д., ХЕЙФЕЦ Р.А., ГАМАЮНОВА А.З., САВЕНКОВА Е.Е., МЕЛЬНИКОВА Е.Л., ЧЕВЫКАЛОВА И.Н., БЛОХИНОЙ А.К., ДИНЕС В.А., очными ставками с обвиняемыми КИРИКОВЫМ В.И. и ФОКЕЕВЫМ М.Г., свидетелем РОДИНЫМ А.Н., вещественными доказательствами, протоколами осмотров и опознаний, а также заключениями криминалистических экспертиз.

Обвиняемый КУЛИКОВ ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ в предъявленном обвинении в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР виновным себя признал полностью.

В процессе предварительного следствия вначале вел себя неискренне, затем дал показания о своей преступной деятельности, о сообщниках и единомышленниках, раскаялся в содеянном и осудил свои враждебные действия.

Изобличается показаниями обвиняемых СЕНИНА О.М., КИРИКОВА В.И., РОМАНОВА А.И., показаниями свидетелей ФЕДОРОВА Е.Е., БРЕДИХИНА Д.А., СЕМЕНОВА А.В., ЛОГИНОВА Д.И., АЛЕКСАНДРОВА А.Н., ШЕПЕЛЕВА В.Я., ТРУДАЕВА В.Е.,

КУЗНЕЦОВА И.М., РЯБОВА Ю.Д., ЛУКАШИНА В.А., САЛУГИНА М.А., БОНДАРЕНКО Н.П., КНЯЖЕНЦЕВА В.Я., ФРОЛОВА В.Б., БУНДУРА В.Ф., КУЛИКОВОЙ В.П., вещественными доказательствами, протоколами осмотров и опознаний, заключениями криминалистических экспертиз.

Обвиняемый БОБРОВ Виктор Александрович в предъявленном обвинении в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР виновным признал себя полностью.

В процессе предварительного следствия вначале вел себя неискренне, пытался скрыть свою преступную деятельность, впоследствии дал показания о себе и своих сообщниках, добровольно выдал антисоветские материалы, хранившиеся в тайнике, раскаялся в содеянном.

Изобличается показаниями обвиняемого СЕНИНА О.М., КИРИКОВА В.И., РОМАНОВА А.И., показаниями свидетелей ГРИГОРЬЕВОЙ А.Г., РУДЧЕНКО А.А., ИОНОВА Ю.В., КЛОПИЧЕВА В.В., КАСПЕРСКОЙ М.П., НАДАРЕЙШВИЛИ В.Г., ПАВЛОВСКОГО В.А., РОДИНА В.О., КОЦБЫ В.Х., МОСУНОВА А.Ф., ИЛЬИНА Ю.В., КАШАЕВОЙ Л.П., МАКСИМОВОЙ В.М., очной ставкой с свидетелем ИОНОВЫМ Ю.В., вещественными доказательствами, протоколами осмотров и заключениями криминалистических экспертиз.

Обвиняемый ФОКЕЕВ Михаил Георгиевич в предъявленном обвинении в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР, виновным себя признал полностью.

В процессе предварительного следствия вел себя неискренне, показания давал после изобличения соответствующими доказательствами, должной оценки своим антисоветским действиям и убеждениям не дал.

Изобличается показаниями обвиняемого РОМАНОВА А.И., очной ставки с ним, показаниями свидетелей ФОКЕЕВОЙ Т. Г., ФОКЕЕВА Г.В., вещественными доказательствами, протоколами осмотров и заключениями криминалистических экспертиз.

Содержание доказательств, подтверждающих преступную деятельность обвиняемых, описано выше.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЮТСЯ:

СЕНИН Олег Михайлович, 1947 года рождения, уроженец г. Шацка Рязанской области, гр-н СССР, исключенный из членов ВЛКСМ в связи с арестом, студент 5 курса заочного отделения Саратовского юридического института, женат, ранее не судим, до ареста проживал в <...> и работал следователем-стажером в прокуратуре Советского района г. Рязани.

В ТОМ, ЧТО:

В целях подрыва и ослабления Советской власти с осени 1966 года до августа 1969 года занимался активной организованной антисоветской деятельностью.

Будучи подвергнут враждебной обработке со стороны ВУДКИ Ю.В., осенью 1966 года дал согласие проводить совместную организованную деятельность, направленную на свержение существующего в СССР государственного и общественного строя.

По заданию ВУДКИ в течение осени 1966 года и в начале 1967 года в Саратове проводил антисоветскую обработку БОБРОВА, КИРИКОВА, ИОНОВА, РУДЧЕНКО, КЛОПИЧЕВА, ИЛЬИНА, ГРИГОРЬЕВОЙ, ИЛЬИНОВА, МАКАРЕВИЧА, КОНСТАНТИНОВА, причем из них КИРИКОВА, БОБРОВА, РУДЧЕНКО, ИОНОВА и КЛОПИЧЕВА вовлек в преступную деятельность, создав в феврале 1967 года нелегальную группу, руководителем которой был до октября того же года.

С мая 1967 года до августа 1969 года являлся также активным участником антисоветской группы, существовавшей в Рязани.

Весной 1967 года обработал во враждебном духе студента Саратовского государственного университета РОМАНОВА, а в сентябре того же года – КУЛИКОВА.

С ноября 1966 по май 1967 года систематически проводил собрания в разных местах г. Саратова, на которых выступал с клеветническими измышлениями на советскую действительность, заявлял КИРИКОВУ, БОБРОВУ, ИОНОВУ, РУДЧЕНКО о необходимости борьбы с Советской властью, обсуждал вопросы конспирации, расширения преступной группы, требовал от участников вовлечения в нее других лиц.

В апреле 1967 года в Рязани обсуждал с Вудкой вопрос об изготовлении и распространении антисоветских листовок, планируя проведение этой преступной акции ко дню всенародного праздника 50 годовщины Октябрьской революции. По возвращении в Саратов рекомендовал своим сообщникам подготовиться к изготовлению и распространению антисоветских листовок.

Являясь руководителем антисоветской группы, установил для всех участников обязательность уплаты членских взносов и с апреля по октябрь 1967 года вносил их сам. В сентябре того же года дал указание казначею группы КИРИКОВУ выдать деньги РОМАНОВУ на приобретение пишущей машинки для размножения антисоветской литературы. Как и другие участники группы, имел псевдоним.

ИОНОВУ в феврале, а РОМАНОВУ и КОНСТАНТИНОВУ весной 1967 года давал задание по месту учебы и жительства вовлекать в антисоветскую деятельность других лиц.

В июне 1967 года КИРИКОВУ, БОБРОВУ и РОМАНОВУ поручал в период летних каникул проводить работу по расширению группы, а КИРИКОВУ и РОМАНОВУ, кроме того, подыскать для использования в преступных целях конспиративную квартиру. С августа по октябрь 1967 года продолжал проводить собрания антисоветской группы в сквере напротив центральной городской библиотеки и в квартире КИРИКОВА.

В сентябре этого же года написал проект устава, в котором разработал организационные принципы построения антисоветской группы, права и обязанности её членов, а также вопросы конспирации.

На одном из собраний ознакомил с проектом устава своих сообщников и передал его на хранение КИРИКОВУ. Тогда же ввел в состав нелегальной группы ранее привлеченного им к антисоветской деятельности РОМАНОВА.

В начале 1968 года дал согласие размножить и распространить в Саратове написанные ВУДКОЙ антисоветские материалы.

В марте того же года организовал через БОБРОВА доставку этих материалов в Саратов, где они использовались в антисоветских целях участниками так называемой «группы революционного коммунизма».

Осенью 1968 года нависал для рязанской нелегальной группы проект устава и вместе с другими сообщниками по преступной деятельности в Рязани обсуждал этот антисоветский документ.

В тот же период написал под псевдонимом «В. Юрин» статьи «Марксизм и действительность» и «Механизм лжи», в которых содержатся злобные антисоветские измышления.

Статью «Марксизм и действительность» направил через ВУДКУ в Саратов участникам нелегальной группы, которые одну главу из неё «К вопросу о сталинизме» размножили и распространили.

В феврале 1969 года вовлек в Рязани во враждебную деятельность студента Петрозаводского госуниверситета УЧИТЕЛЯ А.Е., поручил ему создать по месту учебы преступную группу и изыскать возможности для направления за границу антисоветской литературы.

Тогда же передал ему антисоветские статьи: «Дероор» («Трубы свободы»), «Марксизм и колдуны», «Закат капитала», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «О безработице», «О патриотизме», «О базисе и надстройке», «Диалектический материализм и влияние среды на объект» для их использования в проведении враждебной деятельности.

В июле того же года передавал на хранение УЧИТЕЛЮ статью «Механизм лжи». Систематически хранил антисоветскую литературу.

В июне 1969 года по поручению ВУДКИ специально посылал из Рязани в гор. Петрозаводск свою сестру – СЕНИНУ Г.М., которая передала там УЧИТЕЛЮ три фотокопии «Заката капитала» и фотокопии других антисоветских статей с целью их последующей пересылки за границу.

В мае 1969 года, находясь в Саратове, получил от РОМАНОВА через РУДЧЕНКО рецензию «О работе Л. Борина «Закат капитала», написанную участниками «группы революционного коммунизма», которую в том же месяце передал в Рязани ВУДКЕ.

В октябре 1967 и мае 1969 годов при встречах с БОБРОВЫМ, РУДЧЕНКО, РОМАНОВЫМ и КИРИКОВЫМ в Саратове клеветал на политику, проводимую КПСС и Советским правительством, при этом допускал террористические высказывания против руководителей партии и Советского государства,

ТО ЕСТЬ в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР.

КИРИКОВ Валентин Иванович, 1942 года рождения, уроженец г. Саратова, русский, гр-н СССР, исключенный из КПСС в связи с арестом, женат, ранее не судим, студент 4 курса Саратовского юридического института, проживавший до ареста в <...>.

В ТОМ, ЧТО:

В целях подрыва и ослабления Советской власти с 1967 года до дня ареста 28 августа 1969 года в составе антисоветских групп занимался организованной враждебной деятельностью.

Будучи подвергнут антисоветской обработке со стороны СЕНИНА О.М. в апреле 1967 года дал согласие проводить организованную преступную деятельность, направленную на свержение существующего в СССР государственного и общественного строя. Состоя в возглавляемой СЕНИНЫМ антисоветской группе с апреля по октябрь 1967 года, систематически принимал участие в нелегаль-

ных сборищах в разных местах Саратова, на которых выступал с клеветническими измышлениями на советскую действительность, обсуждал вопросы расширения преступной группы, соблюдения конспирации, применения условностей при переписке, избрал себе псевдоним, дал согласие на подыскание конспиративной квартиры, являлся казначеем нелегальной группы, платил, собирал и хранил членские взносы, выдавал деньги на приобретение пишущей машинки для размножения антисоветской литературы, а также на другие преступные цели.

В сентябре 1967 года ознакомился с разработанным СЕНИНЫМ проектом, устава антисоветской группы, согласился с содержащимися в нем требованиями, некоторое время хранил его, а затем уничтожил.

На сборищах с октября 1967 года неоднократно обсуждал вопрос о проведении массовой антисоветской агитации путем распространения листовок.

Выйдя из группы, руководимой СЕНИНЫМ, явился одним из инициаторов создания другой антисоветской так называемой «группы революционного коммунизма», в составе которой с октября 1967 года до ареста систематически участвовал на конспиративных сборищах, клеветал на советский государственный и общественный строй.

В ноябре 1967 года предложил единомышленникам свою структуру и схему организации преступных сообществ, обязался создать антисоветскую группу в юридическом институте и с этой целью обрабатывал во враждебном духе студента РУДЧЕНКО.

В ноябре 1967 года участвовал в разработке устава антисоветской «группы революционного коммунизма» и в декабре того же года на одном из сборищ вместе с РОМАНОВЫМ, КУЛИКОВЫМ и ФЕДОРОВЫМ принял его. Состоя в группе, платил членские взносы, давал согласие на использование денежных средств в преступных целях, обсуждал вопросы хранения и транспортировки враждебной литературы, соблюдения конспирации, избрал себе новый псевдоним.

В марте и июне 1968 года получил от БОБРОВА злобный антисоветский трактат «Закат капитала» и 10 других работ враждебного содержания и принял участие в их размножении.

В октябре–декабре 1967 года трижды встречался с руководителем рязанской антисоветской группы ВУДКОЙ Ю.В., обменивался с ним антисоветской литературой и участвовал на совместных сборищах.

Осенью 1968 года знакомил ОДИНЦОВА В.Н. с антисоветской работой «Закат капитала» и двумя другими статьями враждебного содержания, а также изучал возможности привлечения его к антисоветской деятельности.

В 1968-1969 гг. неоднократно размножал от руки и фотоспособом антисоветскую литературу («Закат капитала», «Дероор» и другие статьи), хранил и распространял ее, а также высказывал одобрение содержащимся в ней положениям.

В 1968 году участвовал в коллективном изготовлении статей антисоветского содержания «О работе Л. Борина «Закат капитала» и «Пропаганда и психология». Является автором двух статей, «очерка» и стихотворения с клеветой на советскую действительность, с которыми знакомил своих единомышленников. Кроме того, хранил два стихотворения антисоветского содержания, написанные РОМАНОВЫМ и ИОНОВЫМ,

ТО-ЕСТЬ в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР.

РОМАНОВ Александр Иванович, 1948 года рождения, уроженец гор. Саратова, русский, гр-н СССР, исключен из ВЛКСМ в связи с арестом, не судимый, холост, студент 4-го курса Саратовского государственного университета, до ареста проживал <...>

В ТОМ, ЧТО:

В целях подрыва и ослабления Советской власти в течение 1967–1969 гг., состоя в нелегальных группах, активно занимался организационной преступной деятельностью. Подвергшись враждебной обработке со стороны СЕНИНА, весной 1967 г. встал на путь борьбы против существующего в СССР государственного и общественного строя.

В сентябре-октябре 1967 года являлся участником руководимой СЕНИНЫМ преступной группы, участвовал на ее нелегальных сборищах, где обсуждал с сообщниками вопросы по вовлечению в антисоветскую деятельность других лиц, при этом в своих высказываниях допускал клеветнические измышления о советской действительности.

В сентябре 1967 года ознакомился с разработанным СЕНИНЫМ проектом устава и согласился с содержащимися в нем требованиями.

В том же месяце на деньги, выделенные ему из «денежного фонда» группы, купил пишущую машинку «Ундервуд» для размножения антисоветских документов.

Выполняя задание СЕНИНА, в июле–августе 1967 года подыскивал в Саратове конспиративную квартиру для использования ее в преступных целях и предпринял попытки к антисоветской обработке студентов Саратовского государственного университета МЕЛЬНИКОВА Е.Л. и ЧЕВЫКАЛОВА И.Н. Тогда же направлял СЕНИНУ, находящемуся в Рязани, письма, в которых с применением условностей сообщал о выполнении задания.

Являлся одним из инициаторов создания другой антисоветской так называемой «группы революционного коммунизма», в составе которой с октября 1967 года до ареста систематически участвовал на конспиративных сборищах, клеветал на советский государственный и общественный строй, обсуждал вопросы конспирации, вовлечения во враждебную деятельность других лиц и проведения массовой антисоветской агитации путем распространения листовок.

В октябре 1967 года ввел в «группу революционного коммунизма» ранее обработанных им КУЛИКОВА Д.Г. и ФЕДОРОВА Г.Э.

В 1968–1969 гг. проводил антисоветскую обработку студентов государственного университета МИХАЙЛОВА Н.В., ЗЕЛЕНСКОЙ А.М., ФРОНТАСЬЕВОЙ М.В., САВЕНКОВА Е.Е., ГОРБАЧЕВА В.Н., студентов других вузов АНИКИНА С.П. и РУДЧЕНКО Л.А., а также рабочего РОДИНА А.Н.

В августе 1969 года предпринял практические шаги к организации в Киеве через рабочего БЕЛЕЦКОГО В.Д. антисоветской группы.

При проведении обработки во враждебном духе других лиц клеветал на советский общественный и государственный строй, заявлял им о необходимости борьбы с существующим в СССР строем с целью его свержения.

На сборищах группы обсуждал со своими сообщниками вопросы, связанные с конспирацией в преступной деятельности, избрал себе псевдоним «НИЛИН».

В ноябре 1967 года договорился с КИРИЛОВЫМ, КУЛИКОВЫМ и ФЕДОРОВЫМ о создании денежного фонда группы для преступных целей и до ноября 1968 года вносил взносы по 3 рубля ежемесячно. За счет средств «денежного фонда» приобрел вторую пишущую машинку для размножения антисоветской литературы, фотоаппарат «Зенит-Б» с принадлежностями и расходовал деньги на другие преступные цели.

Систематически изготовлял, размножал и распространял антисоветскую литературу. Принимал участие в написании устава «группы революционного коммунизма», рецензии «О работе Л. Борина «Закат капитала», обсуждал и корректировал черновик статьи «Пропаганда и психология», переписал стихотворение враждебного содержания ИОНОВА, сам сочинил клеветническое стихотворение. Перепечатал на пишущей машинке в 2-х экземплярах антисоветские статьи: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», рецензию «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Внешняя пошлина советского империализма», «К вопросу о сталинизме» «Об идеологической работе», «О базе и надстройке», «О патриотизме», Идеологическая работа и психология», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», «О безработице», «Дероор» («Труды свободы»), устав «группы революционного коммунизма», «Пропаганда и психология».

В августе 1969 года при содействии АНИКИНА в квартире АЛЕКСАНДРОВОЙ изготовил в двух экземплярах фотонегативы названных статей и негативы политически вредных материалов: письмо к съезду советских писателей от имени Солженицына, письмо Раскольников к Сталину, тексты выступлений Даниэля и Сиявского на судебном процессе и другие.

В феврале-марте 1969 года при участии КИРИКОВА перефотографировал статьи «О безработице», «О базе и надстройке», «Об идеологической работе», 6-ю главу «Заката капитала», «Послесловие к «Закату капитала» и рецензию «О работе Л. Борина «Закат капитала».

Хранил у себя дома и на квартирах своих единомышленников антисоветскую литературу, распространял ее среди других лиц, давал читать МИХАЙЛОВУ, ЗЕЛЕНСКОЙ, ГОРБАЧЕВУ, РОДИНУ, БЕЛЕЦКОМУ, ФРОЛОВУ и ФРОНТАСЬЕВОЙ.

Совместно со своими сообщниками обсуждал вопросы хранения и транспортировки антисоветской литературы.

Поддерживал связь с представителем существовавшей в Рязани антисоветской группы ВУДКОЙ Ю.В. и через сообщников обменивался с ним враждебной литературой.

В 1967–1969 гг. перечисленные выше антисоветские статьи и материалы «самиздата» в виде машинописных текстов, рукописей, фотокопий, фотонегативов передавал для хранения и размножения вовлеченному им в преступную деятельность ФОКЕЕВУ М.Г. Неоднократно получал от последнего размноженные антисоветские документы.

В августе 1969 года с ФОКЕЕВЫМ в квартире АЛЕКСАНДРОВОЙ размножил фотоспособом в 4-х экземплярах злобную антисоветскую статью «Пропаганда и психология»,

ТО-ЕСТЬ в совершении преступлений, предусмотренных п. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР.

КУЛИКОВ Дмитрий Георгиевич, 1942 года рождения, уроженец г. Саратова, русский, гр-н СССР, исключен из членов ВЛКСМ в связи с арестом, не судимый, образование высшее, женат, до ареста работал тренером по гимнастике в детской спортшколе «Сокол», проживал по адресу: <...>

В ТОМ, ЧТО:

С целью подрыва и ослабления Советской власти в течение ряда лет активно занимался организованной преступной деятельностью.

Будучи обработан СЕНИНЫМ О.М. и РОМАНОВЫМ А.И., по предложению последнего вступил в антисоветскую группу, в составе которой с октября 1967 года до дня задержания – 28 августа 1969 года вел организованную враждебную деятельность, направленную на свержение существующего в СССР государственного и общественного строя.

В октябре-ноябре 1967 года на нелегальных сборищах с сообщниками РОМАНОВЫМ, КИРИКОВЫМ, ФЕДОРОВЫМ обсуждал организационное строение нелегальной группы, вопросы о ее уставе, программе, конспирации враждебной деятельности и методах проведения антисоветской пропаганды. На одном из сборищ избрал псевдоним «ИЛЬИН».

По поручению РОМАНОВА в ноябре 1967 года пытался написать программу преступного сообщества. В конце того же месяца с участием КИРИКОВА и ФЕДОРОВА составил проект устава преступной группы и договорился с ними назвать ее в провокационных целях «группой революционного коммунизма».

В начале декабря 1967 года совместно с РОМАНОВЫМ, КИРИКОВЫМ и ФЕДОРОВЫМ принял устав антисоветской группы.

По поручению сообщников КУЛИКОВ с ноября 1967 года стал «кассиром» группы, получал с них членские взносы в размере по 3 рубля ежемесячно и платил сам.

Из созданного «денежного фонда» группа с мая 1968 г. по август 1969 года выдавал РОМАНОВУ деньги на приобретение и ремонт пишущей машинки, покупку фотоаппарата для размножения враждебной литературы, на железнодорожный билет представителю рязанской антисоветской группы, приезжавшему в г. Саратов для установления контакта с «группой революционного коммунизма» и на поездку РОМАНОВА в гор. КИЕВ с преступной целью. В связи с проведением вербовочной работы по созданию так называемых 2-х звеньев группы в ноябре 1968 года договорился с РОМАНОВЫМ и КИРИКОВЫМ о создании самостоятельных «денежных фондов».

Непосредственно участвовал в составлении антисоветских документов: устава «группы революционного коммунизма», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Пропаганда и психология».

Кроме того, размножал враждебные статьи «Закат капитала», «Современность и национальный вопрос», «Идеологическая работа и психология». Хранил у себя антисоветские статьи «Закат капитала», «Дероор» («Трубы свободы»), «Правда о современности», «Марксизм и колдуны», «Пропаганда и психология» и другие.

В мае 1969 года передал РОМАНОВУ для перефотографирования антисоветские статьи и получил от последнего в августе того же года фотокопию враждебной статьи «Пропаганда и психология».

Являясь активным участником преступной группы, на протяжении 1967–1969 гг. с целью подрыва и ослабления Советской власти, систематически

вел антисоветскую пропаганду. В беседах с ФЕДОРОВЫМ, БРЕДИХИНЫМ, ЛОГИНОВЫМ, АЛЕКСАНДРОВЫМ, СЕМЕНОВЫМ, ШЕПЕЛЕВЫМ, ТРУДАЕВЫМ, РЯБОВЫМ, КУЗНЕЦОВЫМ, ЛУКАШИНЫМ, БОНДАРЕНКО и САЛУГИНЫМ злобно клеветал на существующий в СССР государственный и общественный строй, опоял внутреннюю и внешнею политику КПСС и Советского правительства, пытался убедить этих лиц в необходимости «новой пролетарской революции». При этом ФЕДОРОВА, БРЕДИХИНА, ЛОГИНОВА, СЕМЕНОВА, КУЗНЕЦОВА, БОНДАРЕНКО и САЛУГИНА ознакомил со статьями антисоветского содержания «Правда о современности» и «Марксизм и колдуны», а ЛУКАШИНА, ШЕПЕЛЕВА и ФЕДОРОВА – с нелегальным политически вредным «письмом Раскольникова к Сталину».

В августе 1969 года передал СЕМЕНОВУ враждебную статью «Дероор» («Трубы свободы»).

На одном из сборищ в октябре-ноябре 1968 года призывал своих сообщников РОМАНОВА и КУЛИКОВА переносить центр антисоветской пропаганды в среду рабочих.

В этот же период проводил усиленную антисоветскую обработку КНЯЖЕНЦЕВА, ФРОЛОВА и БУНДУРА, используя при этом такие злобные враждебные статьи как «Закат капитала», «Пропаганда и психология», «Дероор» («Трубы свободы»), а также политически вредную нелегальную литературу, он убеждал их в необходимости борьбы против Советской власти.

В январе–мае 1969 года КУЛИКОВ, полагая, что завершил антисоветскую обработку ФРОЛОВА и КНЯЖЕНЦЕВА, создал с их участием так называемое 2-е звено «группы революционного коммунизма», которое однако практическую антисоветскую деятельность развернуть не успело,

ТО – ЕСТЬ в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР.

БОБРОВ Виктор Александрович, 1946 года рождения, уроженец гор. Кировабада, Азербайджанской ССР, русский, гр-н СССР, исключен из членов ВЛКСМ в связи с арестом, студент 4-го курса Саратовского юридического института, холост, ранее не судим, до ареста проживал <...>

В ТОМ, ЧТО:

Будучи обработан в октябре 1966 года СЕНИНЫМ О.М. в антисоветском духе, до августа 1969 года занимался организованной преступной деятельностью в целях подрыва и ослабления Советской власти.

В период с ноября 1966 до мая 1967 года совместно с КИРИЛОВЫМ, РУДЧЕНКО и ИОНОВЫМ принимал участие в антисоветских сборищах, которые проводились СЕНИНЫМ в разных местах Саратова. На одном из сборищ в конце февраля 1967 года договорился с указанными лицами создать преступную группу и вступил в неё для организованной борьбы с Советской властью.

На сборищах, разделяя враждебные взгляды соучастников, высказывал клеветнические измышления о советской действительности, призывал к свержению Советской власти, обсуждал вопросы вовлечения в антисоветскую деятельность других лиц, о способах условной переписки, избрал в целях конспирации псевдоним «ЯНОВ», платил членские взносы, предназначавшиеся на расходы, связанные с преступной деятельностью нелегальной группы.

В июне 1967 года дал согласие СЕНИНУ в период летних каникул проводить работу по вовлечению в антисоветскую деятельность других лиц.

С конца августа по октябрь 1967 года продолжал участвовать на собраниях в сквере напротив центральной городской библиотеки и в квартире КИРИКОВА, согласился с предложенным СЕНИНЫМ проектом устава антисоветской группы, выступал за необходимость сохранения ее единства в целях активного проведения враждебной деятельности.

С ноября 1967 до февраля 1968 года с целью вовлечения в преступную деятельность обрабатывал в антисоветском духе ГРИГОРЬЕВУ А.Г., а в январе 1969 года НАДАРЕЙШВИЛИ В.Г.

Участвовал в установлении преступной связи с антисоветской группой в Рязани. В марте 1968 года направлял туда за получением враждебной литературы ГРИГОРЬЕВУ, которая привезла и передала ему два экземпляра антисоветского трактата «Закат капитала», а также сборник из десяти статей враждебного содержания – «Дероор» и другие.

Одоблив содержание указанной литературы, в целях распространения передавал ее в 1968 году КИРИКОВУ, ГРИГОРЬЕВОЙ, РУДЧЕНКО и КЛОПИЧЕВУ.

Антисоветские статьи «Закат капитала», «Дероор» и политически вредную нелегальную литературу так называемого «самиздата» в течение двух лет хранил в своей квартире, а в июне 1969 года спрятал в специально устроенном тайнике на Соколовой горе.

Проводя антисоветскую пропаганду в устной форме, в 1967-1968 годах РОДИНУ В.О., ПАВЛОВСКОМУ В.А., КОЦБЕ В.Х., МОСУНОВУ А.Ф. и ИЛЬИНУ Ю.В. высказывал злобную клевету на существующий в СССР государственный и общественный строй, а также внешнюю политику КПСС и Советского правительства.

В 1967–1969 годах доставал у разных лиц политически вредные нелегальные материалы так называемого «самиздата», в том числе «письмо Раскольникова к Сталину», письмо к съезду советских писателей от имени Солженицына, статью о творчестве Евушенко и Вознесенского. С указанными материалами в разное время знакомил ИЛЬИНА Ю.В., КАШАЕВУ Л.И., КАСПЕРСКУЮ М.П., ГРИГОРЬЕВУ Л.Г. и ИОНОВА Ю.В., выясняя при этом их отношение к имеющимся в этих клеветнических документах измышлениям, –

ТО – ЕСТЬ в совершении преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 70 и ст. 72 УК РСФСР.

ФОКЕЕВ Михаил Георгиевич, 1947 года рождения, уроженец гор. Полтавы, русский, гр-н СССР, исключен из членов ВЛКСМ в связи с арестом, холост, студент 4-го курса вечернего отделения Саратовского госуниверситета, ранее не судим, проживал в <...>, работал сторожем швейкомбината.

В ТОМ, ЧТО:

Будучи в 1967 году обработан во враждебном духе РОМАНОВЫМ, до октября 1969 года занимался активной антисоветской деятельностью, направленной на свержение существующего в СССР государственного и общественного строя.

Осенью 1967 года предложил РОМАНОВУ, чтобы тот использовал его в качестве «запасного звена», и обязался с целью подрыва и ослабления Советской власти конспиративно хранить у себя и размножать антисоветскую литературу,

а в случае ареста РОМАНОВА продолжить враждебную деятельность против Советского государства.

В 1967–1969 годах систематически получал от РОМАНОВА для хранения и размножения антисоветские материалы, а также политически вредные статьи так называемого «самиздата».

В конце 1967 года принял от РОМАНОВА для хранения машинописный текст устава так называемой «группы революционного коммунизма».

Весной 1268 года по договоренности с РОМАНОВЫМ с целью распространения переписал с фотокопии антисоветского трактата «Закат капитала» две главы и передал их РОМАНОВУ.

В мае–июне того же года получил от РОМАНОВА для хранения машинописный текст этого трактата, ознакомился с ним и в беседах с РОМАНОВЫМ одобрял его содержание,

В 1968–1969 годах размножал фотоспособом «Закат капитала», фотокопии передавал РОМАНОВУ, а негатив хранил в своей квартире.

В августе–сентябре 1968 года с машинописного текста антисоветской статьи «Пропаганда и психология» изготовил три фотокопии, две из которых передал РОМАНОВУ, а одну оставил на хранение у себя.

Ознакомившись с названной статьей, в которой советский строй отождествлялся с фашизмом, одобрил антисоветские измышления автора, о чем неоднократно заявлял РОМАНОВУ.

В 1968/1969 годах принял от РОМАНОВА для хранения и последующего размножения фотонегативы антисоветских статей: «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «О безработице», «Об идеологической работе», «О базисе и подстройке», «Марксизм и колдуны», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Правда о современности», «Современность и национальный вопрос», «Дероор» и машинописный экземпляр статьи антисоветского содержания «О патриотизме».

Осенью 1968 года и в феврале–мае 1969 года изготовил четыре фотокопии устава «группы революционного коммунизма» и по две фотокопии статей «Марксизм и колдуны» и «Правда о современности».

Осенью 1968 года на листах брошюры «К событиям в Чехословакии» учинил ряд записей, содержащих клевету на внешнюю политику СССР.

С весны 1969 года хранил рукописный текст антисоветской статьи «Марксизм и действительность» и частично переписал ее в свою тетрадь.

С весны 1969 года хранил антисоветскую статью «К вопросу о сталинизме» и два письма СЕНИНА к РОМАНОВУ с условным текстом, относящимся к преступной деятельности.

В августе 1969 года вместе с РОМАНОВЫМ на квартире АЛЕКСАНДРОВЫЙ размножил фотоспособом в четырех экземплярах статью «Пропаганда и психология».

Кроме того, в течение 1967–1969 годов получал от РОМАНОВА для хранения, размножения и последующего использования в антисоветской деятельности политически вредную литературу так называемого «самиздата» (семь экземпляров письма Раскольников к Сталину, три экземпляра письма к съезду советских писателей от имени Солженицына и записи с содержанием клеветнических сообщений радиостанций капиталистических стран).

Узнав об аресте РОМАНОВА, принимал меры к сокрытию хранившейся у него антисоветской и политически вредной литературы, –

ТО – ЕСТЬ в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 70 УК РСФСР.

В соответствии со ст. 207 УПК РСФСР уголовное дело № 29 по обвинению СЕНИНА О.М., КИРИКОВА В.И., РОМАНОВА А.И., КУЛИКОВА Д.Г., БОБРОВА В.А. и ФОКЕЕВА М.Г. подлежит направлению прокурору Саратовской области.

Обвинительное заключение составлено 12 декабря 1969 года в городе Саратове.

НАЧАЛЬНИК СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ УКГБ ПРИ СМ СССР
по Саратовской области подполковник –

(ХАМИДУЛИН)

СОГЛАСЕН: НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КГБ ПРИ СМ СССР
по Саратовской области генерал-майор

(ВАСЬКИН)

СПИСОК ЛИЦ,

подлежащих вызову в судебное заседание

ОБВИНЯЕМЫЕ: 1. СЕНИН Олег Михайлович, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Сароблисполкома, (т. 1).

2. КИРИКОВ Валентин Иванович, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Сароблисполкома, (т. II).

3. РОМАНОВ Александр Иванович, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Сароблисполкома, (т. 4, т. 5, л. д. 1-139).

4. КУЛИКОВ Дмитрий Георгиевич, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Сароблисполкома, (т. VI).

5. БОБРОВ Виктор Александрович, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Сароблисполкома, (т. III).

6. ФОКЕЕВ Михаил Георгиевич, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Сароблисполкома, (т. V, л. д. 140–291).

СВИДЕТЕЛИ: 1. ВУДКА Юрий Вениаминович, содержится в следственном изоляторе № 1 Рязанского УВД (т. 10, л. д. 1–85, 157-158, т. II, л. д. 80-81, 95–100).

2. УЧИТЕЛЬ Александр Ефимович, содержится в следственном изоляторе № 1 МВД Карельской ССР, (т. 10, л. д. 93–98, 126–139, 149–151).

3. ФРОЛОВ Олег Ильич, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Рязанского Облисполкома (т. 10, л. д. 101–105).

4. МАРТИМОНОВ Евгений Яковлевич, содержится в следственном изоляторе № 1 Рязанского УВД (т. 10, л. д. 90–92).

5. ВУДКА Валерий Вениаминович, содержится в следственном изоляторе № 1 УВД Рязанского Облисполкома (т. 10, л. д. 66–89).

6. ГРИГОРЬЕВА Александра Григорьевна, <...> (т. 7, л. д. 6–58).

7. РУДЧЕНКО Алексей Андреевич, <...> (т. 7, л. д. 59–181, 194–200, 212–215).

8. ИОНОВ Юрий Викторович, <...> (т. 7, л. д. 216–305, 316–318).

9. КЛОПИЧЕВ Виталий Васильевич, <...> (т. 7, л. д. 319–368).

10. КОНСТАНТИНОВ Сергей Александрович, <...> (т. 8, л. д. 162–193).

11. ИЛЬИН Юрий Васильевич, <...> (т. 11, л. д. 1–27).

12. КАШАЕВА Людмила Петровна, <...> (т. 11, л. д. 28-43).

13. ФАТЮШИН Александр Константинович, <...> (т. 10, л. д. 99, 100)

14. СЕНИНА Маргарита Константиновна, <...> (т. 10, л. д. 120–125).

15. СЕНИНА Галина Михайловна, <...> (т. 10, л. д. 140–148).

16. СЕНИН Михаил Павлович, <...> (т. 10, л. д. 178–181)

17. СЕНИНА Александра Никаноровна, <...> (т. 10, л. д. 182–184)

18. МАКАРЕВИЧ Николай Сидорович, <...> (т. 10, л. д. 185–188, 298–299).

19. ИЛЬИНОВ Иван Иванович, <...> (т. 10, л. д. 199–202)

20. ОДИНЦОВ Вячеслав Николаевич, <...> (т. 11, л. д. 105–121).

21. ОДИНЦОВ Владимир Николаевич, <...> (т. 11, л. д. 122–125)

22. КОЛОСКОВ Геннадий Васильевич, <...> (т. 11, л. д. 126–130)

23. КИРИКОВА Татьяна Георгиевна, <...> (т. 11, л. д. 131–143)

24. СУРОВ Вячеслав Филиппович, <...> (т. II, л. д. 101-104)

25. МИХАЙЛОВ Николай Васильевич, <...> (т. 8, л. д. 69-131)

26. ЗЕЛЕНСКАЯ Александра Михайловна, <...> (т. 8, л. д. 132-161)

27. ФРОНТАСЬЕВА Марина Владимировна, <...> (т. 8, л. д. 194-220)
28. РОДИН Александр Николаевич, <...> (т. 8, л. д. 221-249)
29. АНИКИН Сергей Павлович, <...> (т. 8, л. д. 1-43, 52-68)
30. АЛЕКСАНДРОВА Галина Ивановна, <...> (т. 8, л. д. 44-51)
31. ГОРБАЧЕВ Владимир Михайлович, <...> (т. 11, л. д. 158-165)
32. БЕЛЕЦКИЙ Владимир Дмитриевич, <...> (т. 11, л. д. 166-178)
33. РОМАНОВА Мария Андрияновна, <...> (т. 11, л. д. 187-192)
34. ХЕЙФЕЦ Руслан Александрович, <...> (т. 11, л. д. 199-202)
35. ГАМАЮНОВ Анатолий Захарович, <...> (т. 11, л. д. 207-212)
36. САВЕНКОВ Евгений Евгеньевич, <...> (т. 11, л. д. 213-219)
37. МЕЛЬНИКОВ Евгений Львович, <...> (т. 11, л. д. 224-227)
38. ЧЕВЫКАЛОВ Игорь Николаевич, <...> (т. 11, л. д. 228-231)
39. БЛОХИНА Анастасия Корнеевна, <...> (т. 11, л. д. 232-235)
40. ФРОЛОВ Владислав Борисович, <...> (т. 8, л. д. 250-344)
41. БУНДУР Виктор Федорович, <...> (т. 9, л. д. 1-32)
42. КНЯЖЕНЦЕВ Валентин Яковлевич, <...> (т. 9, л. д. 33-84)
43. СЕМЕНОВ Александр Викторович, <...> (т. 9, л. д. 85-219, 136-139)
44. КУЛИКОВА Валентина Петровна, <...> (т. 9, л. д. 140-156)
45. БРЕДИХИН Дмитрий Александрович, <...> (т. 9, л. д. 163-173)
46. ЛОГИНОВ Дмитрий Иванович, <...> (т. 9, л. д. 174-190)
47. АЛЕКСАНДРОВ Александр Николаевич, <...> (т. 9, л. д. 191-201)
48. ФЕДОРОВ Евгений Евгеньевич, <...> (т. 9, л. д. 202-212)
49. БОНДАРЕНКО Николай Петрович, <...> (т. 9, л. д. 221-226)
50. САЛУГИН Михаил Алексеевич, <...> (т. 9, л. д. 227-230)
51. ЛУКАШИН Владимир Андреевич, <...> (т. 9, л. д. 231-234)
52. КУЗНЕЦОВ Иван Михайлович, <...> (т. 9, л. д. 235-238)
53. ПОЛИН Семен Александрович, <...> (т. 9, л. д. 243-249)
54. РЯБОВ Юрий Дмитриевич, <...> (т. 9, л. д. 252-254)
55. ШЕПЕЛЕВ Вячеслав Яковлевич, <...> (т. 9, л. д. 256-257)
56. ТРУДАЕВ Евгений Васильевич, <...> (т. 9, л. д. 258-259)
57. ПАВЛОВСКИЙ Вадим Александрович, <...> (т. 10, л. д. 288-289).
58. РОДИН Владимир Олегович, <...> (т. 10, л. д. 291-293).
59. НАДАРЕЙШВИЛИ Владимир Григорьевич, <...> (т. 10, л. д. 254-261).
60. МАКСИМОВА Валентина Михайловна, <...> (т. 11, л. д. 44-53).
61. КОЦБА Валерий Хабибулович, <...> (т. 11, л. д. 54-57).
62. МОСУНОВ Анатолий Федорович, <...> (т. 11, л. д. 73-76).
63. БОБРОВ Александр Георгиевич, <...> (т. 10, л. д. 241-242).
64. РЯГУЗОВА Людмила Андреевна, <...> (т. 10, л. д. , 243-244).
65. КАСПЕРСКАЯ Маргарита Петровна, <...> (т. 10, л. д. 222-238).
66. ФОКЕЕВ Георгий Васильевич, <...> (т. 11, л. д. 257-259).
67. ФОКЕЕВА Татьяна Георгиевна, <...> (т. 11, л. д. 262-263).

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛЕНИЯ УКГБ ПРИ
СМ СССР ПО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

– ПОДПОЛКОВНИК –

(ХАМИДУЛЛИН)

СПРАВКА
о систематизации вещественных доказательств
по уголовному делу № 29

1. Вещественные доказательства, изъятые у обвиняемых и приобщенные к делу:

СЕНИНА Олега Михайловича

- а) Антисоветская литература – (т. 16, л. д. 244–246).
- б) Рукописные антисоветские материалы – (т. 18).

КИРИКОВА Валентина Ивановича

- а) Антисоветская литература – (т. 16, л. д. 179-195).
- б) Рукописные антисоветские материалы – (т. 21).

БОБРОВА Виктора Александровича

- а) Фотокопии антисоветских документов – (т. 19).
- б) Рукописные и печатные антисоветские и политически вредные материалы – (тома 19 и 24).

РОМАНОВА Александра Ивановича

Фотонегатив с отснятыми страницами книги А. Арну «Народная история Парижской коммуны» – (т. 22)

ФОКЕЕВА Михаила Георгиевича

- а) Антисоветская литература – (т. 15, л. д. 222-338).
- б) Рукописные материалы антисоветского и политически вредного содержания – (тома 17 и 23).
- в) Фотокопии антисоветских статей – (т. 22).
- г) Фотокопия книги Некрича «1941. 22 июня» и рецензия на нее – (т. 20).
- д) Фотонегативы с антисоветских документов и политически вредных произведений – (т. 22).

КУЛИКОВА Дмитрия Георгиевича

- а) Рукописные антисоветские материалы – (т. 18).
- б) фотокопии с антисоветских документов – (т. 22).
- в) Фотонегативы с книги А. Арну «Народная история Парижской коммуны» – (т. 22).

II. Вещественные доказательства, изъятые у свидетелей и приобщенные к уголовному делу:

Александровой Галины Ивановны

- а) Антисоветская литература, принадлежащая обвиняемому Романову А.И. – (т. 15, л. д. 2-220)
- б) Стихи политически вредного содержания – (т. 19)
- в) Фотокопии с антисоветских статей, изготовленные обвиняемым Романовым А.И. – (т. 22)

г) Фотонегативы с антисоветской литературы и политически вредных произведений, изготовленные обвиняемым Романовым А.И. – (т. 22)

д) Коробочки от фотонегативов с записями, содержащими название статей – (т. 22)

Фролова Владислава Борисовича

а) Антисоветская литература, принадлежащая обвиняемому Романову А.И. – (т. 16, л. д. 2-177)

б) Рукописные материалы – (т. 23)

Михайлова Николая Васильевича

а) Фотонегативы с антисоветских статей, принадлежащие обвиняемому Романову А.И. – (т. 22)

б) Рукописные материалы – (т. 19)

Княженцева Валентина Яковлевича

а) Антисоветская литература, принадлежащая обвиняемому Куликову Д.Г. – (т. 16, л. д. 213–220)

б) Рукописные материалы – (т. 18)

Рудченко Алексея Андреевича

Рукописные материалы и фотокарточка обвиняемого Сенина О.М. – (т. 19)

Рыбкина Владимира Денисовича

а) Машинописные документы, принадлежавшие Федорову Г.Э. – (т. 16, л. д. 197–199)

б) Рукописные материалы, принадлежавшие Федорову Г.Э. – (т. 19)

Белецкого Владимира Дмитриевича

а) Литература антисоветского содержания, принадлежащая Романову А.И. – (т. 16, л. д. 201–211)

б) Фотокопии с антисоветских документов, принадлежащие обвиняемому Романову А.И. – (т. 22)

Ионова Юрия Викторовича

Рукописные материалы – (т. 20)

Родина Александра Николаевича

а) Фотонегативы с антисоветских документов, принадлежащие обвиняемому Романову А.И. – (т. 22)

б) Рукописные антисоветские материалы – (т. 17)

Семенова Александра Викторовича

Машинописные документы антисоветского содержания, принадлежащие, обвиняемому Куликову Д.Г. – (т. 16, л. д. 222-242).

III. Вещественные доказательства, находящиеся на хранении в следственном отделении УКГБ при СМ СССР по Саратовской области.

1. Изъятые у обвиняемого Фокеева М. Г.

– фотоаппарат «Мир» № 6059097 с объективом «Юпитер-8» № 6031892 с футляром.

– фибровый чемодан, картонная коробка и целлофановая бумага, в которой хранились антисоветские документы, фотокопии и фотонегативы.

2. Изъятые у обвиняемого Боброва В.И.

– Картонная папка и газета на грузинском языке, в которой находилась статья о творчестве Евтушенко и Вознесенского.

– Принадлежащее обвиняемому Боброву В.А. переданное свидетельницей Катаевой Л.П. письмо к Съезду советских писателей от имени Солженицына.

3. Изъятые у обвиняемого Романова А.И.

– Пишущая машинка «Ундервуд» с мешком серого цвета, в который она была завернута.

– 3 ленты для пишущих машинок.

Принадлежащие обвиняемому Романову А.И., изъятые в квартире свидетеля Александровой Г.И.

– фотоаппарат «Зенит-Б» № 69026175, с объективом «Индустар-50» № 6928846 с футляром.

– фотопринадлежности и химреактивы.

– черная дерматиновая папка, в которой хранились изъятая антисоветская литература.

– газеты, в которые были заложены антисоветские документы.

4. Изъятые у свидетеля ФРОЛОВА В.Б.

– Желтая картонная папка, в которой хранилась антисоветская литература.

5. Изъятые у свидетеля ФРОНТАСЬЕВОЙ М.В.

– Пишущая машинка марки «Науман – Эрика» № 205072 с футляром.

6. Изъятые у свидетеля МИХАЙЛОВА Н.В.

– Пишущая машинка марки «Башкирия».

7. Изъятые у свидетеля РОДИНА А.Н.

– Пишущая машинка марки «Олимпия-Прогресс» № 544

НАЧАЛЬНИК СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ УКГБ ПРИ СМ СССР

ПО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

– ПОДПОЛКОВНИК –

(ХАМИДУЛЛИН)

СПРАВКА

о движении уголовного дела № 29

1. Уголовное дело принято к производству 15 сентября 1969 года.

2. Произведено задержание обвиняемых в порядке ст. 122 УПК РСФСР:
СЕНИНА О.М. – 8 августа 1969 г.
КИРИКОВА В.И. – 28 августа 1969 г.
РОМАНОВА А.И. – 29 августа 1969 г.
БОБРОВА В.А. – 28 августа 1969 г.
КУЛИКОВА Д.Г. – 29 августа 1969 г.
ФОКЕЕВА М.Г. – не задерживался.

3. Избрана мера пресечения – содержание под стражей:
СЕНИНУ О.М. – 11 августа 1969 г.
КИРИКОВУ В.И. – 31 августа 1969 г.
РОМАНОВУ А.И. – 1 сентября 1969 г.
БОБРОВУ В.А. – 31 августа 1969 г.
КУЛИКОВУ Д.Г. – 1 сентября 1969 г.
ФОКЕЕВУ М.Г. – 29 ноября 1969 г.

4. Предъявлено обвинение:
СЕНИНУ О.М. – 18/VIII-69 г. и 27/XI-1969 г.
КИРИКОВУ В.И. – 8/IX-69 г. и 28/XI-1969 г.
РОМАНОВУ А.И. – 8/IX-69 г. и 28/XI-1969 г.
БОБРОВУ В.А. – 5/IX-69 г. и 26/XI-1969 г.
КУЛИКОВУ Д.Г. – 8/IX-69 г. и 23/XI-69 г.
ФОКЕЕВУ М.Г. – 29/XI-1969 г.

5. Выполнена ст. ст. 201-203 УПК РСФСР:
СЕНИНУ О.М. – 3–6 декабря 1969 г.
КИРИКОВУ В.И. – 3–7 декабря 1969 г.
РОМАНОВУ А.И. – 3–6 декабря 1969 г.
БОБРОВУ В.А. – 3–4 декабря 1969 г.

КУЛИКОВУ Д.Г. – 3–6 декабря 1969 г.

ФОКЕЕВУ М.Г. – 5–4 декабря 1969 г.

6. Расследование по делу закончено 7 декабря 1969 г.

7. Систематизация вещественных доказательств по делу изложена в отдельной справке.

8. Гражданский иск не заявлен.

9. Арест на имущество обвиняемых не накладывался.

10. Личные документы обвиняемых находятся в томе 20.

НАЧАЛЬНИК СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ УКГБ
ПРИ СМ СССР
ПО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
– ПОДПОЛКОВНИК – (ХАМИДУЛЛИН)

СПРАВКА

о денежных расходах, связанных с производством по уголовному делу № 29

1. Расходы по вызову свидетелей:
ХЕЙФЕЦ Р.А. – 12 руб. 80 коп.
МЕЛЬНИКОВА В.В. – 6 руб. 80 коп.
КЛОПИЧЕВА В.В. – 81 руб. 61 коп.
ИОНОВА Ю.В. – 39 руб. 50 коп.
2. За производство психиатрических экспертиз выплачено специалистам:
ГАМБУРГУ А.Л. – 60 рублей
МАЛКИНОЙ М.Г. – 60 рублей
ЕВГРАНОВОЙ В.Г. – 60 рублей.

Всего расходов по делу – 307 рублей 91 копейка

(Основание – справка ФИНО УКГБ т. V, л. д. 369)

НАЧАЛЬНИК СЛЕДОТДЕЛЕНИЯ УКГБ
ПРИ СМ СССР
ПО САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
– ПОДПОЛКОВНИК – (ХАМИДУЛЛИН)

КИРИКОВУ В.И. сроком на шесть
два / 2 / года, РОМАНОВУ А.М.
в ссылке, КУДЯКОВУ А.Г. сроком
ылки, БОБРОВУ В.А. сроком на
ылки, ЗОКБЕВУ М.Г. сроком на
10 ст. 72 УК РСФСР - СЕНИНУ О.М.
со ссылкой сроком на два / 2 / года,
на шесть лет со ссылкой сроком
у А.И. сроком на шесть / 6 / лет бе
- сроком на пять / 5 / лет без ссыл
а, четыре / 4 / года без ссылки.

ПРИГОВОР

совершенным преступлений на осно
ательно назначить наказание СЕНИНУ
Семь лет лишения свободы, со сс
года, КИРИКОВУ Валентину Ивановичу
свободы со ссылкой сроком на два /
Ивановичу - шесть / 6 / лет лишения
УЛИКОВУ Дмитрию Георгиевичу - пять /
без ссылки, БОБРОВУ Виктору Алекс
да лишения свободы без ссылки.
отбывание наказания осужденным Се
манову А.И., Кудякову А.Г., Боброву
исправительно-трудовой колонии стр
казания за честь время предварител
8 августа 1969 года, Кири
1969 года, Романова А.
Зокбева М.Г. - с

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

16 января 1970 года. Судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда в составе: председательствующего ТЕПЛОВА В.А. и народных заседателей БОГАЕВОЙ Г.В. и ДРУШЛЯКОВА В.И. с участием прокурора ФЕДОРОВА П.А., защиты в лице адвокатов Пескина А.Г., Целовальникова Б.А., Самсонова В.Г., Минкина М.А., Гусарова А.И. и Свотина А.П. при секретаре ЧЕРЕПНЕВОЙ Н.А. рассмотрела в открытом судебном заседании в городе Саратове дело по обвинению

СЕНИНА Олега Михайловича, 24 марта 1947 года рождения, уроженца г. Шацка, Рязанской области, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, студента 5 курса заочного отделения Саратовского юридического института, женатого, имеющего одного ребенка 1968 года рождения, ранее не судимого, до ареста проживавшего в <...>, работавшего следователем-стажером в прокуратуре Советского района г. Рязани.

КИРИКОВА Валентина Ивановича, 15 февраля 1942 года рождения, уроженца г. Саратова, русского, гражданина СССР, исключенного из членов КПСС в связи с настоящим делом, студента 4 курса Саратовского юридического института, женатого, имеющего одного ребенка 1969 года рождения, ранее не судимого, проживавшего в <...>.

БОБРОВА Виктора Александровича, 10 марта 1946 года рождения, уроженца гор. Кировабада, Азербайджанской ССР, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, студента 4-го курса Саратовского юридического института, не женатого, ранее не судимого, до ареста проживавшего в <...>.

РОМАНОВА Александра Ивановича, 3 ноября 1948 года рождения, уроженца гор. Саратова, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, студента 4-го курса Саратовского государственного университета, не женатого, ранее не судимого, до ареста проживавшего в <...>.

КУЛИКОВА Дмитрия Георгиевича, 7 июня 1942 года рождения, уроженца г. Саратова, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, имеющего высшее образование – в 1966 году окончил Саратовский государственный университет, женатого, имеющего одного ребенка в возрасте 3-х лет, ранее не судимого, работавшего тренером по гимнастике в детской спортивной школе «Сокол», до ареста проживавшего в <...>.

всех пятерых в преступлениях, предусмотренных ст. 70 ч. 1 и ст. 72 УК РСФСР.

ФОКЕЕВА Михаила Георгиевича, 3 ноября 1947 года рождения, уроженца гор. Полтавы, Украинской ССР, русского, гражданина СССР, исключенного из членов ВЛКСМ в связи с настоящим делом, холост, студента 4-го курса вечернего отделения Саратовского государственного университета, не женатого, ранее не судимого, работавшего сторожем Саратовского швейного комбината, до ареста проживавшего в <...>

в преступлении, предусмотренном ст. 70 ч. 1 УК РСФСР, –

УСТАНОВИЛА:

Подсудимые Сенин О.М., Кириков В.И., Бобров В.А., Романов А.И., Куликов Д.Г. и Фокеев М.Г. на протяжении длительного времени занимались антисоветской деятельностью.

Сенин, проживая в г. Рязани и будучи подвергнут в 1965-1966 годах враждебной обработке со стороны обвиняемого по другому делу Вудки Ю.В., стал разделять его антисоветские взгляды и к осени 1966 года дал ему согласие заниматься совместной организованной преступной деятельностью, направленной на свержение существующего в СССР государственного и общественного строя.

Осенью 1966 года перед отъездом в г. Саратов на учебу в юридический институт Сенин получил от Вудки задание создать в этом городе из числа студентов высших учебных заведений антисоветскую группу для проведения враждебной деятельности.

Выполняя это поручение, Сенин в сентябре–декабре 1966 года и в начале 1967 года провел обработку и вовлек в преступную деятельность подсудимых Кирикова и Боброва, а также студентов Саратовского юридического института Рудченко А.А., Ионова Ю.В. и Клопичева В.В., создав в феврале 1967 года антисоветскую группу. Весной 1967 года Сенин обработал в антисоветском духе и в октябре 1967 года ввел в указанную группу студента Госуниверситета подсудимого Романова. В сентябре 1967 года Сенин провел антисоветскую обработку тренера детской спортивной школы «Сокол» подсудимого Куликова.

Руководимая Сениным антисоветская группа проводила организованную преступную деятельность до октября 1967 года, а затем распалась.

Бывшие ее участники Кириков, Романов, а также присоединившийся к ним Куликов и студент Медицинского института Федоров, умерший в 1968 году, организовали самостоятельное преступное сообщество, назвав его в провокационных целях «группой революционного коммунизма», в составе которого проводили враждебную деятельность до августа 1969 года.

Сенин и Бобров, не являясь членами этой враждебной группы, продолжали поддерживать тесную преступную связь с ее участниками.

Кроме того, Сенин до дня ареста состоял в существовавшей в г. Рязани антисоветской группе и выполнял преступные задания ее руководителя Вудки Ю.В.

Фокеев М.Г., будучи враждебно обработан Романовым и полностью разделяя антисоветскую деятельность «группы революционного коммунизма», в течение 1967–1969 годов хранил и систематически размножал различную антисоветскую литературу для использования ее во враждебных целях.

Конкретно преступная антисоветская деятельность подсудимых Сенина О.М., Кирикова В.И., Романова А.И., Боброва В.А., Куликова Д.Г. и Фокеева М.Г. выражается в следующем.

Сенин, познакомившись в октябре 1966 года с Бобровым, в декабре 1966 года с Кириковым и в апреле 1967 года с Романовым, проводил в вестибюле научной библиотеки Госуниверситета, на квартире Ионова и других местах гор. Саратова антисоветскую обработку их, в результате чего они стали разделять его враждебные взгляды и дали согласие объединиться в преступную группу для совместного проведения организованной враждебной деятельности в целях свержения существующего в СССР государственного и общественного строя.

С марта по май 1967 года Сенин, Кириков и Бобров, а также обработанный враждебно Сениным Рудченко еженедельно проводили нелегальные сборища в сквере, напротив центральной городской библиотеки г. Саратова и на Соколовой горе.

На этих сборищах по инициативе Сенина этими лицами обсуждались вопросы о расширении преступной группы путем вовлечения в нее новых членов, применении условностей при переписке, соблюдении конспирации, для чего все сообщники избрали себе псевдонимы.

Наряду с обсуждением названных вопросов Сенин, Кириков и Бобров систематически клеветали на советский государственный строй, политику КПСС и Советского правительства, заявляли о необходимости борьбы с Советской властью.

На этих же сборищах они обязались ежемесячно вносить членские взносы в размере трех рублей на расходы, связанные с антисоветской деятельностью группы. Кириков, согласившись быть казначеем группы, собирал с апреля по октябрь 1967 года ежемесячно членские взносы, хранил их и выдавал деньги для использования в преступных целях.

В сентябре 1967 года Кириков по указанию Сенина выдал Романову 35 рублей, на которые последний приобрел у гр. Хейфец Р.А. пишущую машинку «Ундервуд» для размножения антисоветской литературы.

В апреле 1967 года Сенин выезжал в г. Рязань, где встречался с Вудкой Ю. и обсуждал с ним вопрос об изготовлении и распространении антисоветских листовок в крупных городах Советского Союза – Москве, Ленинграде и Киеве, приурочив проведение этой преступной акции ко дню всенародного праздника 50-ой годовщины Советского государства.

По возвращении в г. Саратов Сенин рекомендовал своим сообщникам подготовиться к изготовлению и распространению листовок.

В июне 1967 года Сенин договорился с Кириковым, Бобровым и Романовым о том, что последние во время летних каникул будут проводить работу по вовлечению в антисоветскую деятельность других лиц, а Кириков и Романов кроме того примут меры к подысканию конспиративных квартир для проведения нелегальных сборищ и других преступных целей.

В июле-августе 1967 года Романов по поручению Сенина подыскивал в Саратове квартиру для использования ее в преступных целях. В этот же период он направлял находящемуся в г. Рязани Сенину письма с применением условностей, сообщая о выполнении ранее полученных от него заданий.

С конца августа по октябрь 1967 года Сенин, Кириков, Романов и Бобров продолжали проводить нелегальные сборища в сквере напротив центральной городской библиотеки и в квартире Кирикова, где обсуждали вопросы, связанные с проведением преступной деятельности.

На одном из сборищ в сентябре 1967 года Кириков, Бобров и Романов были ознакомлены Сениным с проектом устава, написанным им для руководства в деятельности преступной группы, после чего все они согласились с содержащимися в нем требованиями.

Этот документ Кириков тогда же взял у Санина на хранение, а в последующем уничтожил.

К октябрю 1967 года нелегальная группа Сенина распалась.

Кириков и Романов заявили о нежелании участвовать в нелегальной группе из-за отрицательных, на их взгляд, личных качеств Сенина. Однако договорились между собой враждебную деятельность не прекращать, а создать другое преступное сообщество, в которое Романов решил вовлечь ранее обработанных им Куликова и Федорова.

13 октября 1967 года Кириков, Куликов, Федоров и Романов, собравшись на квартире у Романова и вступив в преступный сговор, приняли решение об активном проведении организованной антисоветской деятельности, направленной на подрыв и ослабление Советской власти.

Преследуя цели расширения антисоветской деятельности, Романов, Кириков, Куликов и Федоров договорились о создании подпольных антисоветских групп по месту учебы и работы каждого из них.

В октябре-ноябре 1967 года на нелегальных сборищах они обсуждали вопросы о проведении массовой антисоветской агитации путем распространения листовок, конспирации антисоветской деятельности, структуре преступного сообщества, необходимости разработки его устава и программы. Тогда же участники группы избрали себе псевдонимы: Романов – «Нилин», Кириков – «Фомин», Куликов – Ильин», Федоров – «Агапов».

На одном из нелегальных сборищ в ноябре 1967 года в детском парке г. Саратова Романов, Кириков и Федоров обсуждали организационные принципы построения антисоветских групп. При этом Кириков предложил подготовленную им схему структуры преступного сообщества во главе с так называемым «исполнительным комитетом», предусматривающую привлечение для антисоветской деятельности новых членов по принципу «цепной реакции».

Однако это предложение Кирикова другими участниками было отвергнуто и с общего согласия принята «звеньевая структура» построения антисоветских групп.

На этом же сборище обсуждался вопрос необходимости принятия Устава группы.

В конце ноября 1967 года Кириков, Куликов, Федоров на даче последнего в районе с. Поливановки коллективно составили проект устава антисоветской группы и договорились назвать ее «группой революционного коммунизма».

Впоследствии Романов отредактировал устав, лично сформулировал параграф о членстве, а также внес дополнения об организованном строении группы и поведении ее членов на случай ареста.

В начале декабря 1967 года Кириков, Куликов, Романов и Федоров на очередном нелегальном сборище в квартире у Романова согласились со всеми пунктами Устава так называемой «группы революционного коммунизма» и единогласно приняли его.

В этом уставе были организационно закреплены принципы построения антисоветской группы, права и обязанности ее членов, вопросы конспирации, создание денежного фонда. Кроме того, поставлены задачи по организации широко разветвленных подпольных групп и образования в последующем на их основе враждебной политической партии в противовес КПСС.

В ноябре 1967 года Романов, Кириков, Куликов и Федоров решили создать денежный фонд группы путем сбора членских взносов, который предназначался для приобретения средств размножения антисоветской литературы и на другие преступные цели.

С этого времени по поручению сообщников Куликов стал кассиром антисоветской группы, принимал от них и вносил сам членские взносы по 3 рубля до мая 1968 года ежемесячно и с мая по ноябрь 1968 года нерегулярно, собранные деньги хранил в своей квартире.

Из собранных средств Куликов с согласия остальных членов группы неоднократно выдавал деньги Романову, а именно в мае 1968 года 25 рублей и в августе 1969 года – 10 рублей на приобретение и ремонт второй пишущей машинки «Башкирия», в мае 1969 г. – около 60 рублей на приобретение фотоаппарата и принадлежностей к нему, в августе 1969 года – 8 руб. на поездку Романова в преступных целях в г. Киев, в конце 1968 года – 10 руб. для покупки железнодорожного билета представителю Рязанской антисоветской группы, приезжавшему в г. Саратов с целью установления преступного контакта с участниками так называемой «группы революционного коммунизма».

В ноябре 1968 года Куликов, Романов и Кириков договорились, что каждый из них в соответствии с принятым уставом организует антисоветскую группу и создает в ней свой денежный фонд.

В октябре–декабре 1968 года руководитель рязанской антисоветской группы Вудка Ю.В. с целью установления преступной связи и обмена враждебной литературы трижды приезжал в г. Саратов, где встречался с Кириковым и Романовым, с которыми участвовал на совместных сборищах.

В первой декаде декабря 1968 года Кириков, Романов и Вудка в присутствии Григорьевой А.Г. на сборище в кафе «Ветерок» при обсуждении антисоветской работы «Закат капитала» клеветали на советский государственный и общественный строй, пророчили его свержение в результате так называемой «истинно социалистической революции», высказывали демагогические домыслы об экономической основе общества, которое будто бы возникнет после указанной революции.

В период с января по май 1969 года Романов, Куликов и Кириков продолжали встречаться на квартирах Романова и Куликова, в сквере по ул. Рахова и на набережной р. Волги, где обсуждали вопросы, связанные с преступной деятельностью.

После распада в октябре 1967 года созданной Лениным антисоветской группы последний, а также Бобров враждебную деятельность не прекратили и продолжали преступную связь между собой и с некоторыми участниками «группы революционного коммунизма».

Кроме того, Сенин по день ареста продолжал преступную деятельность в составе антисоветской группы, действовавшей в г. Рязани.

В октябре 1967 года и в мае 1969 года при встречах в г. Саратове с Бобровым, Романовым, Кириковым и Рудченко Сенин клеветал на политику, проводимую КПСС и Советским правительством, при этом допускал террористические высказывания против руководителей партии и Советского государства.

В целях подрыва и ослабления Советской власти Сенин, Романов, Кириков, Куликов, Бобров и Фокеев занимались изготовлением, размножением, распространением и хранением литературы антисоветского содержания.

В начале 1968 года Сенин, будучи в г. Рязани, дал согласие Вудке Ю., написанные последним антисоветские документы размножить машинописным способом в г. Саратове и распространить их в целях проведения враждебной агитации и пропаганды.

Весной 1968 года Сенин организовал доставку из Рязани в Саратов антисоветских материалов. Бобров по согласованию с Сениным направил в Рязань Григорьеву А. и поручил ей встретиться с представителями действовавшей там нелегальной группы, сообщив при этом ей пароль и приметы лиц, которые должны были ее встретить на железнодорожном вокзале.

Соблюдая меры конспирации, Григорьева в марте 1968 года доставила в Саратов и передала Боброву полученные от представителей рязанской группы Вудки и Грилюса, привлеченных к уголовной ответственности по другому делу, две фотокопии трактата, озаглавленного «Закат капитала» и статьи «Дероор» («Трубы свободы»), «О безработице», «Внешняя политика советского империализма», «О патриотизме», «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Идеологическая работа и психология», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «Диалектический материализм и влияние среды на объект».

В антисоветском трактате «Закат капитала» отрицается социалистический характер Великой Октябрьской социалистической революции, извращаются основные этапы пути, пройденного советским народом по строительству социализма и коммунизма, утверждается, что в СССР существует государственный капитализм, излагаются программные установки по созданию на территории Советского Союза антисоветских нелегальных кружков и групп, проведению враждебной пропаганды в устной и письменной форме, организации забастовок, демонстраций и восстаний с целью свержения в СССР государственного и общественного строя.

В статье под названием «Дероор» («Трубы свободы») содержится клевета на советские общественные отношения, систему образования, взаимоотношения личности и общества.

В статьях «Внешняя политика советского империализма» и «О патриотизме» фальсифицируется внешняя политика Советского государства, содержатся призывы к свержению государственного строя.

В статьях «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Идеологическая работа и психология», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «О безработице» грубо извращаются национальная политика Советского государства, деятельность советских государственных и партийных органов, рассматриваются методы враждебной деятельности с целью свержения существующего в СССР строя.

Ознакомившись с названными статьями и одобрив их антисоветское содержание, Бобров с целью распространения передал их Кирикову, а также Григорьевой, Рудченко и Клопичеву.

Антисоветскую статью «Закат капитала» и «Дероор» («Трубы свободы»), а также имеющуюся у него политически вредную литературу Бобров на протяжении двух лет хранил у себя дома, а в июне 1969 года спрятал в специально устроенной тайнике на Соколовой горе, откуда они впоследствии были изъяты органами следствия.

Подсудимый Кириков, получив от Боброва в марте 1968 года антисоветскую работу «Закат капитала», ознакомил с ней единомышленников по преступной деятельности Романова, Куликова и Федорова.

В июне 1968 года Кириков получил от Боброва фотокопии других десяти антисоветских статей, привезенных Григорьевой из Рязани.

В течение марта–июня 1968 года Кириков, Куликов, Фокеев и Романов переписали от руки «Закат капитала» и все другие, полученные из Рязани работы, а затем Романов перепечатал эти рукописи в двух экземплярах на машинке.

Вторые экземпляры этих статей Романов передал Куликову, а первые – Кирикову, который в октябре того же года вручил их приезжавшему в Саратов Вудке Ю. вместе с написанной Федоровым антисоветской работой «Пропаганда и психология» и уставом «группы революционного коммунизма».

Все эти материалы участники нелегальной группы в Рязани размножили фотоспособом, после чего в ноябре 1968 года вернули обратно во время второго приезда Вудки в Саратов. При этом Вудка передал Кирикову негативы фотонегативы на большинство из них, а также новые антисоветские работы «Марксизм и колдуны», «Правда о современности» и «Послесловие» к «Закату капитала».

Всю вышеуказанную литературу Куликов хранил некоторое время у себя на квартире, а в мае 1969 года передал Романову для использования в преступных целях.

В ноябре–декабре 1968 года Кириков у себя на квартире совместно с Рудченко предпринимал попытку переснять на фотопленку «Закат капитала», но из-за неграмотного пользования фотоаппаратом сделать это не смогли.

В феврале–марте 1969 года Романов и Кириков в квартире последнего неоднократно размножали фотоспособом антисоветскую литературу, пересняв на пленку отпечатанные Романовым на машинке статьи «Послесловие к «Закату капитала», «О безработице», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», 6-ую главу «Заката капитала», а также написанную участниками «группы революционного коммунизма» рецензию «О работе Л. Борина «Закат капитала».

В апреле 1969 года Куликов, Кириков и Романов в квартире последнего обсуждали вопросы хранения и транспортировки антисоветской литературы в виде фотопленок и демонстрировали отдельные кадры «Заката капитала» с помощью фильмоскопа.

Размножением антисоветской литературы в 1968-1969 г.г. систематически занимался подсудимый Фокеев.

Осенью 1967 года, проявляя инициативу, Фокеев предложил Романову, чтобы последний со своими сообщниками использовал его в качестве «запасного звена». Фокеев обязался конспиративно хранить у себя антисоветскую литера-

туру, размножить ее, а в случае ареста Романова продолжить враждебную деятельность против Советского государства.

В 1967–1969 годах Романов неоднократно передавал Фокееву для хранения и размножения различную антисоветскую литературу.

В конце 1967 года Фокеев был ознакомлен Романовым и получил от него на хранение машинописный текст устава «группы революционного коммунизма».

Весной 1968 года, в ночное время, по месту своей работы в швейкомбинате, а затем в аудитории Саратовского госуниверситета Фокеев по договоренности с Романовым переписал с фотокопии антисоветские работы «Закат капитала» две первых главы и передал их Романову.

В мае-июне 1968 года Фокеев принял от Романова для ознакомления и хранения машинописный текст работы «Закат капитала».

По предложению Романова Фокеев в 1968-1969 годах с целью размножения перефотографировал по частям «Закат капитала» и фотонегатив оставил у себя на хранение.

Летом 1968 года и в феврале 1969 года по предварительной договоренности с Романовым Фокеев с хранившегося у него негатива «Закат капитала» изготовил три фотокопии этой работы.

В августе-сентябре 1968 года, получив от Романова машинописный текст статьи антисоветского содержания «Пропаганда и психология», Фокеев перефотографировал ее трижды на две фотопленки и отпечатал с негативов три фотокопии. Одну из них он оставил у себя на хранение, в две вместе с негативом вручил Романову.

Впоследствии Романов передал их Родину А.Н., у которого они были изъяты.

Осенью 1968 года Фокеев в своей квартире по предложению Романова перефотографировал машинописный текст устава «группы революционного коммунизма», после чего с этого негатива отпечатал четыре фотокопии, три из которых передал Романову, а одну оставил у себя.

В ноябре-декабре 1968 года Фокеев получил от Романова для хранения и последующего размножения фотонегативы машинописных текстов статей антисоветского содержания «Предисловие к «Закату капитала», «Рецензия на «Закат капитала», «О безработице», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «Марксизм и колдуны», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Правда о современности», «Современность и национальный вопрос», «Дероор» («Трубы свободы»), которые хранил до изъятия их следственными органами.

В январе-феврале 1969 года Романов передал Фокееву для ознакомления и хранения машинописный текст антисоветской статьи «О патриотизме».

По договоренности с Романовым с февраля 1969 года до мая 1969 года Фокеев с хранившихся у него фотонегативов статей «Марксизм и колдуны» и «Правда о современности» отпечатал по две фотокопии, после чего по одной копии каждого документа передал Романову, а оставшиеся хранил у себя.

Весной 1969 года, получив от Романова для хранения рукописный текст работы антисоветского содержания «Марксизм и действительность», Фокеев переписал часть ее в свою тетрадь.

С весны до октября 1969 года Фокеев хранил у себя в доме полученную от Романова антисоветского содержания статью «К вопросу о сталинизме» и два письма Сенина к Романову с условными текстами, подтверждающими враждебную деятельность этих лиц.

В августе 1969 года Романов и Фокеев на квартире Александровой в гор. Саратове в ее отсутствие отпечатали четыре фотокопии антисоветской статьи «Пропаганда и психология».

Фокеев полностью разделял антисоветские взгляды, изложенные в перечисленных выше статьях и в беседах с Романовым одобрял их.

Осенью 1968 года Фокеев на листах приобретенной им брошюры «К событиям в Чехословакии» учинил ряд записей, содержащих клевету на внешнюю политику СССР.

Перечисленную выше антисоветскую литературу в виде рукописных и машинописных текстов, фотонегативов и фотокопий Фокеев до сентября 1969 года хранил в своей квартире, а затем, узнав об аресте Романова и опасаясь обыска, решил перепрятать ее с целью дальнейшего использования во враждебной деятельности.

Во исполнение своего замысла Фокеев эти материалы уложил в картонную коробку, обернул ее в целлофан и в чемодане спрятал в сарае.

В сентябре-октябре 1969 года Фокеев намеревался вывезти их за город и укрыть в более надежном месте, однако сделать этого не успел.

В августе 1969 года Романов при содействии Аникина в квартире Александровой в ее отсутствие изготовил в двух экземплярах негативы с антисоветских статей «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Внешняя политика советского империализма», «К вопросу о сталинизме», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «О патриотизме», «Идеологическая работа и психология», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», «О безработице», «Дероор» («Трубы свободы») и «Пропаганда и психология».

По одному экземпляру фотонегативов Романов оставил в квартире Александровой, где они были изъяты при обыске 29 августа 1969 года.

Как указывалось выше, Куликов, получив от Романова вторые экземпляры одиннадцати антисоветских статей, отпечатанных на машинке, а в сентябре-декабре 1968 года статьи враждебного содержания «Правда о современности», «Пропаганда и психология», «Марксизм и колдуны», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», Устав «группы революционного коммунизма», хранил их до мая 1969 года.

Всю полученную от Романова антисоветскую литературу Куликов в мае 1969 года возвратил ему обратно, за исключением статей «Дероор» («Трубы свободы») и «Марксизм и колдуны», первую из которых в апреле 1969 года передал жителю г. Ашхабада Семенову А.В., а вторую – Княженцеву В.Я.

С августа 1969 года и до дня ареста Куликов хранил фотокопию антисоветской статьи «Пропаганда и психология».

Возвращенные Куликовым статьи антисоветского содержания Романов передал в августе 1969 года для ознакомления Фролову В.Б., у которого они были изъяты при обыске.

Подсудимые Сенин, Кириков, Романов и Куликов в 1967-1968 годах занимались изготовлением антисоветской литературы.

Кроме устава «группы революционного коммунизма», разработанного в конце ноября 1967 года, Романов, Кириков и Куликов в ноябре 1968 года коллективно написали рецензию «О работе Л. Борина «Закат капитала», в которой они, выразив согласие с основными положениями этой работы, клеветают на советский государственный и общественный строй.

Романов, отпечатав «Рецензию» в двух экземплярах, один из них в целях укрепления связи с рязанской нелегальной группой, с согласия своих сообщников, в мае 1969 года через Рудченко передал Сенину для пересылки в г. Рязань.

В августе 1968 года участник «группы революционного коммунизма» Федоров под псевдонимом «Г. Агапов» написал статью «Пропаганда и психология», в которой Советский строй отождествляется с фашизмом и излагаются методы проведения антисоветской пропаганды.

Кириков, Куликов и Романов, обсудив рукопись и внеся свои коррективы, одобрили ее содержание. После этого данная статья была окончательно отредактирована Романовым, отпечатана им на машинке в трех экземплярах, один из которых через Кирикова передан руководителю антисоветской группы в Рязани Вудке Ю.

Осенью 1967 года Кириков написал в блокноте и на отдельном листе статью с клеветой на советский общественный строй, с которой знакомил Романова.

В августе 1968 года Кириков по предложению Сенина написал «очерк», в котором допускал злобную клевету на советскую действительность и Вооруженные силы СССР. В сентябре того же года знакомил с ним Романова.

В апреле 1968 года Кириков написал статью «Дороги, которые мы выбираем», в которой содержатся политически вредные взгляды по вопросам воспитания и образования в СССР. С этой статьей Кириков знакомил своего единомышленника по антисоветской деятельности Федорова и однокурсника по учебе в институте Одинцова Вячеслава.

В августе 1968 года Кириков написал стихотворение с клеветой на советскую действительность, которое читал Романову и Куликову.

В сентябре 1967 года Кириков получил от Ионова написанное последним стихотворение антисоветского содержания, знакомил с ним Федорова и дал переписать Романову.

Написанные им статьи и стихотворение Ионова Кириков хранил у себя до ареста.

Романов в октябре 1968 года сочинил стихотворение антисоветского содержания, с которым ознакомил Кирикова и Куликова.

Сенин, выполняя поручение Вудки, осенью 1968 года написал для Рязанской нелегальной группы проект устава, аналогичный по содержанию с ранее разработанным им для Саратовской группы, и вместе с другими сообщниками по преступной деятельности в Рязани принимал участие в обсуждении этого антисоветского документа.

Также осенью 1968 года Сенин в г. Рязани написал под псевдонимом «В. Юрин» две антисоветские статьи: «Марксизм и действительность» и «Механизм лжи». В этих статьях содержатся злобные клеветнические измышления на советский государственный и общественный строй. Статью «Марксизм и дей-

ствительность» Сенин осенью 1968 года через Вудку переправил участникам антисоветской группы в Саратов, где одна глава из этой статьи, озаглавленная «К вопросу о сталинизме», была размножена машинописным способом и распространена. Рукопись статьи была изъята при обыске у Фокеева.

Кроме антисоветской литературы, подсудимые Сенин, Бобров, Романов, Кириков, Куликов и Фокеев хранили и распространяли в преступных целях политически вредную нелегальную литературу так называемого «самиздата».

Романов в течение 1967–1969 года с целью использования в проведении враждебной пропаганды размножал на пишущей машинке и рукописью «Письмо Раскольникову Сталину», «письмо к всесоюзному съезду советских писателей» от имени Солженицына, выступления Даниэля и Синявского на судебном процессе и другие.

Фокеев в тот же период получил от Романова и хранил у себя семь экземпляров «Письма Раскольникову Сталину», три экземпляра письма от имени Солженицына к съезду советских писателей, а также записи с содержанием клеветнических сообщений радиостанций капиталистических стран.

Вышеуказанные «письма» также хранили у себя и распространяли Кириков, Куликов и Бобров.

С целью выяснения отношения других лиц к имеющимся в этих документах клеветническим измышлениям Кириков знакомил с ними Колосова Г.В. и Одинцова В.Н., Куликов – Федорова Е.Е., Лукашина В.А., Шепелева В.Я., Фролова В.Б., Княженцева В.Я. и Бундура В.Ф., Бобров – Ильина Ю.В., Кошаеву Л.П., Касперскую М.П., Ионова Ю.В. и Григорьеву А.Г.

В целях подрыва и ослабления Советской власти подсудимые Сенин, Романов, Куликов, Бобров и Кириков в течение 1966–1969 годов путем проведения устной антисоветской пропаганды с использованием имеющейся враждебной литературы занимались активной обработкой и вовлечением в преступную деятельность других лиц.

При проведении антисоветской обработки они тенденциозно подбирали и преподносили отдельные недостатки, имеющиеся в жизни советского народа, как якобы закономерность, присущую нашему государственному строю, искусственно создавали впечатление, что в СССР царит несправедливость и произвол, фальсифицировали отдельные положения из произведений классиков марксизма-ленинизма, делали обобщенные клеветнические выводы о том, что в СССР будто бы существует не социализм, а государственный капитализм и в нем рабочий класс угнетается «классом бюрократии», которому принадлежит экономическая и политическая власть.

Действуя таким методом, подсудимые заявляли обрабатываемым лицам о необходимости борьбы с существующим в Советском Союзе государственным и общественным строем с целью его свержения.

Сенин, наряду с созданием антисоветской группы из студентов высших учебных заведений в г. Саратове, выполнял преступные указания Вудки по организации враждебных групп в других районах страны.

В конце февраля 1967 года при выезде в академический отпуск ранее обработанного в антисоветском духе Ионова Сенин дал ему задание по месту жительства в г. Кимры Калининской области подыскивать и вовлекать для проведения враждебной деятельности других лиц.

В феврале 1969 года Сенин вовлек в г. Рязани во враждебную деятельность студента историко-филологического факультета Петрозаводского университета обвиняемого по другому делу Учителя А.Е., которому поручил создать в Петрозаводске самостоятельную преступную группу, подыскать возможности для направления за границу антисоветской литературы.

В феврале 1969 года в Рязани Сенин вручил Учителю для использования в проведении враждебной деятельности написанные участниками рязанской нелегальной группы антисоветские статьи «Дероор» («Трубы свободы»), «Марксизм и колдуны», «Закат капитала», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «О безработице», «О патриотизме», «О базисе и надстройке», «Диалектический материализм и влияние среды на объект».

В июне 1969 года по поручению Вудки Сенин специально посылал из Рязани в Петрозаводск свою сестру – Сенину Галину, которая передала там Учителю три фотопленки «Заката капитала», фотокопии с текстами других антисоветских статей и фотопленку с целью их последующей пересылки за границу.

В июле 1969 года приехавшему в Рязань из Петрозаводска Учителю Сенин передал на хранение написанную им статью злобного антисоветского содержания «Механизм лжи».

В течение осени 1966 года и весны 1967 года Сенин с намерением вовлечь в антисоветскую деятельность обрабатывал студентов Саратовского юридического института Ильина Ю.В., Григорьеву А.Г., Ильинова И.И., Макаревича Н.С. и студента Госуниверситета Константинова С.А., а последнему давал задание обрабатывать во враждебном духе других лиц.

Романов, будучи одним из инициаторов создания антисоветской так называемой «группы революционного коммунизма», вовлек в нее осенью 1967 года ранее обработанных им Куликова и Федорова. Тогда же привлек к преступной деятельности подсудимого Фокеева.

В 1968 году он проводил обработку студентов Госуниверситета Михайлова Н.В. и Зеленской А.И., познакомил их с уставом «группы революционного коммунизма» и другими антисоветскими документами, добился согласия этих лиц быть участниками антисоветской группы 2-го звена.

В 1968-1969 годах Романов обрабатывал в тех же целях студентов различных институтов г. Саратова Фронтасьеву М.В., Аникина С.П., Савенкова Е.Е., Горбачева В.М., Рудченко А.А.

Реализуя преступные намерения нелегальной группы о проведении антисоветской деятельности среди рабочих, Романов в январе-феврале 1969 года установил связь с рабочим завода Родиным А.Н. и продолжал его антисоветскую обработку, начатую в 1968 году участником группы Федоровым.

Принимая меры к созданию нелегальных групп в других городах страны, Романов в марте 1969 года познакомился в Саратове с жителем г. Киева рабочим Белецким В.Д. и предпринял практические шаги к организации по месту его жительства антисоветской группы, специально выезжая для этой цели к Белецкому в Киев.

Выполняя задания Сенина по вовлечению новых лиц для совместного совершения преступлений, Романов еще в июле-августе 1967 года предпринял попытки к обработке во враждебном духе Мельникова Е.Л. и Чевыкалова И.Н.

– студентов Саратовского Госуниверситета, но, не найдя у них поддержки своим клеветническим измышлениям, вынужден был отказаться от этих намерений.

Подсудимый Куликов в период с сентября 1967 года до июля 1969 года систематически проводил среди своего окружения пропаганду, направленную на подрыв и ослабление Советской власти.

С целью обработки в антисоветском духе Федорова Е.Е., Бредихина Д.А., Семенова А.В., Логинова Д.И., Александрова А.Н. и Шепелева В.Я. Куликов в течение 1967–1969 г.г. неоднократно высказывал им клеветнические измышления на советскую действительность, существующий в СССР государственный и общественный строй, опошлял внутреннюю и внешнюю политику КПСС и Советского правительства, пытался убедить этих лиц в необходимости «новой пролетарской революции».

При обработке Федорова, Семенова, Бредихина и Логинова Куликов ознакомил их с антисоветскими статьями «Правда о современности» и «Марксизм и колдуны», а Семенову, кроме того, передал статью враждебного содержания «Дероор».

В августе 1968 года Куликов в беседах с Трудаевым и Рябовым клеветал на советскую действительность и интернациональную политику СССР.

Аналогичные клеветнические измышления Куликов высказывал в октябре-ноябре 1967 года и в марте-апреле 1969 года своему знакомому Лукашину В.А.

С хранившимися у него антисоветскими статьями «Правда о современности» и «Марксизм и колдуны» Куликов ознакомил в марте 1969 года Кузнецова И.М., а в мае-июне 1969 года Салугина М.А. и Бондаренко Н.П.

Федорова, Лукашина и Шепелева Куликов ознакомил также с нелегальным политически вредным «письмом Ф. Раскольникова к Сталину».

Познакомившись в августе 1968 года через Княженцева В.Н. с Фроловым В.Б. и в сентябре того же года с рабочим завода приемо-усилительных ламп Бундуром В.Ф., Куликов подверг их усиленной антисоветской обработке, высказывая им клевету на социалистический строй.

Используя при обработке Княженцева, Фролова и Бундура такие антисоветские статьи, как «Закат капитала», «Пропаганда и психология», «Дероор», а также политически вредную нелегальную литературу «Письмо Раскольникова Сталину», письмо к съезду советских писателей от имени Солженицына, Куликов убеждал их в необходимости борьбы против Советского государственного и общественного строя.

В октябре-ноябре 1968 года Куликов с целью создания с их участием антисоветской группы, ознакомил Княженцева, Фролова и Бундура с уставом «группы революционного коммунизма».

В январе-мае 1969 года, полагая, что завершил антисоветскую обработку Фролова и Княженцева, Куликов создал с их участием так называемое 2-е звено антисоветской «группы революционного коммунизма», которое, однако, не успело развернуть активную враждебную деятельность.

Бобров во исполнение ранее полученного от Сенина задания в течение ноября 1967 года – февраля 1968 года в Саратове обрабатывал с целью вовлечения в преступную деятельность студентку Саратовского юридического института Григорьеву А.Г. В январе 1969 года с этой же целью Бобров ознакомил приезжав-

шего в Саратов жителя г. Батуми Надарейшвили В.Г. с политически вредными статьями так называемого «Самиздата».

Проводя антисоветскую пропаганду, Бобров в беседах со своими знакомыми Родиным В.О. в январе 1967 года, Павловским В.А. в мае 1967 года и октябре 1968 г. и Коцбой В.Х. в октябре 1968 года клеветал на государственный и общественный строй в СССР.

В октябре 1968 года в Саратове при разговоре с Коцбой В.Х., Мосуновым А.Ф. и Ильиным Ю.В. в вводе в Чехословакию войск стран-участниц Варшавского договора Бобров клеветнически отзывался о советской внешней политике.

Кириков, изучая возможности привлечения к антисоветской деятельности однокурсника по институту Одинцова Вячеслава, осенью 1968 г. высказывал в его присутствии клеветнические измышления на существующий в СССР государственный и общественный строй, читал ему враждебные статьи «Марксизм и колдуны», «О патриотизме» и выдержки из «Заката капитала».

Допрошенные в судебном заседании подсудимые Сенин О.М., Бобров В.А., Романов А.И., Кириков В.И., Куликов Д.Г., Фокеев М.Г. свою вину по делу признали полностью и дали подробные объяснения по предъявленному им обвинению.

Кроме личного признания, антисоветская деятельность подсудимых подтверждается и другими доказательствами.

Вовлечение Сенина О.М. в антисоветскую деятельность подтверждается помимо признания самого Сенина показаниями Вудки Юрия, Вудки Валерия и Фролова Олега.

Факт обработки Сениным во враждебном духе Боброва, Кирикова, Рудченко, Ионова и Клопичева и создание им в гор. Саратове антисоветской группы подтверждаются показаниями Сенина, Кирикова, Боброва, Рудченко, Ионова и Клопичева.

Обстоятельство проводимых Сениным сборищ и решаемые на них вопросы подтвердили Сенин, Кириков, Бобров, Романов и Рудченко.

Факт создания денежного фонда антисоветской группы и уплаты членских взносов подтвержден показаниями Сенина, Боброва, Романова, Куликова, Кирикова, Ионова и Клопичева.

Факт приобретения за счет этого фонда пишущей машинки «Ундервуд» подтвердил кроме того свидетель Хейфец. Приобретенная для преступной деятельности машинка изъята из квартиры Романова и приобщена к делу в качестве вещественного доказательства.

Факт обсуждения Сениным О. вопроса об изготовлении и распространении антисоветских листовок подтвердили Сенин, Вудка Ю., Бобров, Ионов и другие.

Указание Сенина о вовлечении в преступную группу других лиц и подыскания конспиративных квартир, а также сами эти факты подтвердили Сенин, Кириков, Бобров, Романов, Ионов, Клопичев.

Факт распада антисоветской группы, возглавляемой Сениным, и создания другого антисоветского сообщества подтвердили Сенин, Кириков, Бобров, Романов, Куликов, Ионов, Клопичев.

Факт последующих сборищ, избрания участниками этих сборищ псевдонимов и обсуждение на них вопросов распространения листовок и организационных принципов построения новой антисоветской группы подтвердили Кириков,

Романов, Куликов и Ионов. Подтверждается это также изъятой у Кирикова записной книжкой, в которой записаны псевдонимы членов группы.

Факт разработки и принятия устава «группы революционного коммунизма» подтвердили Романов, Кириков и Куликов. текст этого устава изъят у подсудимых в процессе предварительного следствия и приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

Факты создания денежного фонда новой антисоветской группы путем сбора членских взносов, сбора этих взносов и расходования его в преступных целях подтвердили Романов, Кириков, Куликов, Рудченко, Куликова, Михайлов. Факт покупки второй пишущей машинки «Башкирия» подтвердил свидетель Хейфец Р.А.

В процессе предварительного следствия пишущая машинка была изъята у свидетеля Михайлова, а фотоаппарат и принадлежности к нему – в квартире Александровой и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Факт наличия преступной связи между антисоветскими группами в гор. Рязани и Саратове, обмена литературой антисоветского содержания подтвердили Кириков, Романов, Рудченко, Бобров, Григорьева, Вудка Ю. и др.

Факт проведения Сениным и Бобровым антисоветской деятельности и преступной связи между ними после распада группы подтверждается показаниями Сенина, Боброва, Вудки Ю., Григорьевой и др.

Так, проведение антисоветской пропаганды и террористические высказывания Сенина в октябре 1967 года и мае 1969 года подтвердили Сенин, Кириков, Романов, Куликов, Бобров, Рудченко.

Деятельность Сенина по размножению и распространению враждебной литературы в г. Саратове подтвердили Сенин, Вудка Ю., Фролов О., а факт доставки этой литературы в Саратов Григорьевой в марте 1968 года подтвердили Сенин, Бобров, Григорьева, Вудка Ю. и Грилюс С.А.

Факты ознакомления с этой литературой Боброва, Григорьевой, Рудченко и Клопичева, хранения ее Бобровым и передачи им этой литературы Кирикову подтвердили Бобров, Кириков, Григорьева, Рудченко, Клопичев.

Переписка антисоветской литературы, отпечатка ее на машинке, передача Вудке для рязанской группы, а затем получение ее обратно и использование в преступных целях подтверждены Кириковым, Романовым, Куликовым, Фокеевым, Рудченко, Вудкой Ю. и другими.

Антисоветская деятельность подсудимого Фокеева М. по размножению антисоветской литературы подтверждена показаниями Фокеева, Романова, материалами обыска и осмотра этой литературы и заключением криминалистической экспертизы.

Факты размножения антисоветской литературы Кириковым и Романовым подтвердили сами подсудимые Кириков и Романов, а также свидетели Рудченко, Аникин, Александрова.

Хранение и распространение Куликовым антисоветской литературы подтверждается показаниями Куликова, Романова, Семенова, Княженцева, фактом изъятия у него на квартире этой литературы.

Изготовление антисоветских работ «Пропаганда и агитация» и рецензии на «Закат капитала», а также передача этой рецензии Сенину подтверждаются показаниями Сенина, Кирикова, Боброва, Романова, Куликова, Вудки Юрия, Вудки Валерия и Рудченко.

Изготовление антисоветских документов Кириковым и ознакомление с ними других лиц подтверждается самим Кириковым, показаниями Романова и Одинцова В., а также фактом изъятия этих документов и приобщением их к делу в качестве вещественных доказательств.

Изготовление Сениным проекта устава для рязанской группы, а также статей антисоветского содержания «Марксизм и действительность» и «Механизм лжи» подтверждается Сениным, Романовым, Бобровым, Вудкой Ю., Рудченко, материалами обыска в квартире Фокеева и изъятием этих работ.

Факты хранения и распространения политически вредной литературы так называемого «Самиздата» подтверждаются показаниями Сенина, Кирикова, Боброва, Романова, Куликова, Фокеева, Григорьевой, Клопичева, Фронтасевой, Фролова, Княженцева, Семенова, Одинцова, Надарейшвили и многих других свидетелей.

Также полностью доказана преступная деятельность подсудимых Сенина, Романова, Куликова, Боброва и Кирикова, направленная на обработку и вовлечение в эту деятельность других лиц с целью подрыва и ослабления Советской власти.

Обработка Сениным Ионова Ю.А., Ильина Ю.В., Григорьевой А.Г., Ильинова Н.И., Макаревича Н.С. и Константинова С.А. подтверждена указанными лицами и не отрицается самим Сениным.

Обработка и вовлечение Сениным в антисоветскую деятельность Учителя А.Е., передача ему антисоветской литературы для ознакомления, а затем и для пересылки за границу подтверждается показаниями Сенина, Учителя, Вудки Ю. и Вудки В., Сениной Г. и другими свидетелями.

Антисоветская обработка Романовым Михайлова Н.В., Зеленской А.И., Аникина С.П., Савенкова Е.Е., Горбачева В.М., Рудченко А.А., Родина А.Н., Белецкого В.Д., Фронтасевой М.В. и попытка такой обработки Мельникова Е.Л. и Чевыкалова И.Н. подтверждается указанными лицами и не отрицается самим Романовым.

Факты антисоветской обработки Куликовым Федорова Е.Е., Бредихина Д.В., Семенова А.В., Логинова Д.И., Александрова А.Н., Шепелева В.Я., Княженцева В.Я., Фролова В.Б. и других, подтверждаются показаниями Куликова и перечисленных выше лиц.

Факты антисоветской обработки Бобровым лиц из своего окружения и клеветнические высказывания его подтвердили Григорьева, Надарейшвили, Родин, Павловский, Коцба, Мосунов и другие.

Деятельность Кирикова по вовлечению в антисоветскую деятельность Одинцова В.Н. подтверждается показаниями Одинцова и самим Кириковым.

Сознавая преступность своих действий, стремясь уйти от ответственности за совершенное, во избежание провала подсудимые Сенин, Романов, Кириков, Куликов и Бобров применяли различные ухищрения: в переписке с единомышленниками использовали подставные адреса, вымышленные имена и фамилии, пользовались паролями, избрали себе псевдонимы. Предпринимали попытки подыскать квартиру в г. Саратове для конспиративных встреч, изготовления и хранения в ней антисоветской литературы.

Эти обстоятельства подтвердили сами подсудимые Сенин, Кириков, Бобров, Романов, Куликов, свидетели Рудченко, Григорьева, Ионов, Клопичев, Фро-

лов, Учитель, Вудка и др. Подтверждается это и вещественными доказательствами – изъятыми письмами Сенина к Романову с условностями.

В процессе предварительного следствия у подсудимых и ряда свидетелей была изъята литература антисоветского и политически вредного содержания, а также средства ее размножения.

При обыске у Сенина О.М. изъято: написанная им клеветническая антисоветская статья «Механизм лжи», политически вредная литература так называемого «Самиздата», часть блокнота с записями содержания клеветнических передач радиостанции «Би-би-си», письмо к Сенину от его сообщника Учителя А.Е., подтверждающее преступную связь между ними (т. 19 и т. 16 л. д. 244–246).

При обыске Кириков В.И. добровольно выдал изготовленные им рукописи антисоветского содержания: три статьи и одно стихотворение, блокноты с записями, подтверждающие его участие в организованной антисоветской деятельности и конспективным изложением содержания статьи «Дероор», написанное Ионовым стихотворение враждебного содержания, а также политически вредную литературу так называемого «Самиздата».

При обыске в квартире Романова А.И. изъята пишущая машинка «Ундервуд», на которой он размножал антисоветские документы.

Кроме того, принадлежащие Романову А.И. антисоветские статьи, документы и другие вещественные доказательства изъяты у следующих лиц.

а) В квартире Александровой Г.И. – машинописные тексты антисоветских статей: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Дероор» («Трубы свободы»), «Правда о современности», «К вопросу о сталинизме», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «Пропаганда и психология», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Об идеологической работе», «О безработице», «О базисе и надстройке», «О патриотизме», «Идеологическая работа и психология», «Марксизм и колдуны», устав «группы революционного коммунизма», части работ «Дероор» и «Современность и национальный вопрос», а также литература так называемого «Самиздата» (т. 15 л. д. 2–220); фотокопии статей и документов: устав «группы революционного коммунизма», «Правда о современности» (частично), «Пропаганда и психология» в 2-х экземплярах (т. 22); фотонегативы с текстами статей и документов: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «Дероор» («Трубы свободы»), «О патриотизме», «О безработице», «Об идеологической работе», «О базисе и надстройке», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», «К вопросу о сталинизме», «Современная интеллигенция и революция», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», устав «группы революционного коммунизма», «Пропаганда и психология», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос» (т. 22); Фотоаппарат «Зенит-6», фотопринадлежности и химреактивы, служившие для размножения антисоветских статей и документов, а также фильмоскоп для чтения обработанных фотонегативов (т. 18, л. д. 33).

б) В квартире свидетеля Михайлова Н.В. – фотонегативы статей: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Современная интеллигенция и революция», «Современность и национальный вопрос», «Внешняя политика советского империализма», «К вопросу о

сталинизме», «О базисе и надстройке», «Идеологическая работа и психология», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности», «Дероор» («Трубы свободы»), «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Пропаганда и психология» (т. 22), пишущая машинка «Башкирия» (т. 13 л. д. 86).

в) В квартире свидетеля Фролова В.Б. – машинописные статьи: «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «Пропаганда и психология», «К вопросу о сталинизме», «Современная интеллигенция и революция», «Правда о современности», «О базисе и надстройке», «Об идеологической работе», «Современность и национальный вопрос», «О патриотизме», «О безработице», «Внешняя политика советского империализма», «Идеологическая работа и психология», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», а также литература так называемого «Самиздата» (т. 16 л. д. 2–177).

г) В квартире свидетеля Белецкого В.Д. – литература так называемого «Самиздата» (т. 16 л. д. 201–211), а также фотокопии статей «Пропаганда и психология», «Правда о современности» в 3-х экземплярах, «Марксизм и колдуны» в 2-х экземплярах (т. 22).

д) В квартире свидетеля Родина А.Н. – фотонегативы статьи «Пропаганда и психология» (т. 22).

Подсудимый Бобров после ареста добровольно выдал хранившиеся у него в тайнике фотокопии антисоветских работ «Закат капитала», «Дероор» («Трубы свободы»), рукопись части статьи «Диалектический материализм и влияние среды на объект» и политически вредную литературу так называемого «Самиздата». Кроме того, при обыске в его квартире была изъята литература «Самиздата» (т. 19, т. 24).

При обыске у подсудимого Фокеева М.Г. изъяты антисоветские статьи «К вопросу о сталинизме», «Письмо с дороги», «Особенности развития капитализма на Востоке и на Западе», а также литература так называемого «самиздата», тетрадь с записями клеветнических передач радиостанции «Би-би-си» (т. 15 л. д. 222–238, т. 17, т. 23).

Кроме этого, изъяты фотокопии антисоветских статей, документов и политически вредных произведений: устав «группы революционного коммунизма», «Пропаганда и психология», «Марксизм и колдуны», «Правда о современности» (т. 22), фотокопия книги Некрича «1941. 22 июня» (т. 20), а также фотонегативы статей «Закат капитала», «Послесловие к «Закату капитала», «О работе Л. Борина «Закат капитала», «Дероор» («Трубы свободы»), «Об идеологической работе», «О безработице», «О базисе и надстройке», «Марксизм и колдуны», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Диалектический материализм и влияние среды на объект», «Правда о современности», «Современность и национальный вопрос», часть книги Некрича «1941. 22 июня» (т. 22).

У него же изъят фотоаппарат «Мир», который использовался для размножения антисоветской литературы (т. 12).

При обыске у подсудимого Куликова Д.Г. изъяты фотокопия антисоветского документа «Пропаганда и психология» (т. 22), записная книжка, содержащая псевдонимы лиц, которых он обрабатывал в антисоветском духе, а также хранившиеся у него выписки из статей «Закат капитала» и «Пропаганда и психология», сделанные свидетелем Фроловым В.Б. (т. 18).

Кроме того, принадлежащие Куликову Д.Г. антисоветские статьи изъяты у следующих лиц:

а) В квартире свидетеля Семенова А.В. статья «Дероор» («Трубы свободы») (т. 16 л. д. 222–242).

б) В квартире свидетеля Княженцева В.Я. статья «Марксизм и колдуны» и литература так называемого «Самиздата» (т. 16 л. д. 213–220).

В процессе предварительного следствия были проведены почерковедческие, криминалистические и фототехнические экспертизы, которыми установлены факты написания подсудимыми статей антисоветского содержания и политически вредной литературы, размножения этих статей и литературы машинописным способом на изъятых у них машинках, а также фотоспособом изъятыми в процессе следствия фотоаппаратами.

Достоверность этих заключений подсудимыми не оспаривается (т. 14).

Проведенными по делу судебно-психиатрическими экспертизами установлено, что подсудимые Сенин О.М., Кириков В.И., Романов А.И., Куликов Д.Г., Бобров В.А. и Фокеев М.Г. психическим заболеванием не страдали, не страдают им и в настоящее время, могли ранее и могут в настоящее время отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, в связи с чем являются вменяемыми (т. 14 л. д. 231–261).

Таким образом, совокупность всех указанных выше доказательств свидетельствует о виновности всех подсудимых в проведении ими антисоветской деятельности.

Поскольку вся преступная деятельность Сенина, Боброва, Романова, Кирикова, Куликова и Фокеева проводилась в целях подрыва и ослабления Советской власти, их преступные действия правильно квалифицированы ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Подсудимые Сенин, Бобров, Романов, Кириков и Куликов проводили свою преступную деятельность, являясь членами антисоветских групп и сообществ, поэтому их действия кроме того квалифицированы ст. 72 УК РСФСР.

Подсудимые Сенин, Бобров, Романов, Кириков, Куликов и Фокеев совершили особо опасные государственные преступления, поэтому подлежат строгому наказанию.

При этом судебная коллегия учитывает, что все подсудимые сознательно встали на путь антисоветской деятельности и принимали в ней активное участие.

Подсудимый Сенин О.М. явился инициатором, а затем и руководителем антисоветской группы в г. Саратове. Осенью 1967 года он предупреждался органами Комитета Госбезопасности Саратовской области о прекращении антисоветской деятельности, но правильных выводов для себя из этого не сделал. До дня ареста он продолжал активно участвовать во враждебной СССР работе.

Весной 1969 года Сенин вовлек в антисоветскую деятельность обвиняемого по другому делу Учителя А.Е. и через него пытался переправить антисоветскую литературу за границу в адрес реакционных организаций.

Подсудимые Романов А.И., Кириков В.И., Куликов Д.Г. и Бобров В.А. после распада в октябре 1967 года антисоветской группы, руководимой Сениным в Саратове, также не прекратили своей преступной деятельности.

Романов, Кириков и Куликов организовали новую антисоветскую группу и согласно разработанного и принятого ими устава этой группы проводили активную антисоветскую деятельность.

Подсудимый Фокеев М.Г. не только активно участвовал в размножении антисоветской литературы и ее хранении, но и являлся запасным звеном во враждебной СССР деятельности. На случай ареста подсудимого Романова Фокеев намеревался использовать имеющуюся у него литературу антисоветского содержания для дальнейшей работы в ущерб интересов СССР. Лишь вмешательство органов Комитета Госбезопасности и его арест предотвратили дальнейшую его преступную деятельность.

Вместе с тем при назначении наказания подсудимым судебная коллегия учитывает возраст и первую судимость подсудимых, признание ими своей вины, семейное положение их, а также состояние здоровья Боброва и Кирикова.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 71, 301–303 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Саратовского областного суда

ПРИГОВОРИЛА:

СЕНИНА Олега Михайловича, КИРИКОВА Валентина Ивановича, РОМАНОВА Александра Ивановича, КУЛИКОВА Дмитрия Георгиевича, БОБРОВА Виктора Александровича и ФОКЕЕВА Михаила Георгиевича признать виновными по делу и назначить им наказание в виде лишения свободы по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР СЕНИНУ О.М. сроком на семь (7) лет со ссылкой сроком на два (2) года, КИРИКОВУ В.И. сроком на шесть (6) лет со ссылкой сроком на два (2) года, РОМАНОВУ А.И. сроком на шесть (6) лет без ссылки, КУЛИКОВУ Д.Г. сроком на пять (5) лет без ссылки, БОБРОВУ В.А. сроком на четыре (4) года без ссылки, ФОКЕЕВУ М.Г. сроком на три (3) года без ссылки; по ст. 72 УК РСФСР – СЕНИНУ О.М. сроком на семь (7) лет со ссылкой сроком на два (2) года, КИРИКОВУ В.И. сроком на шесть (6) лет со ссылкой сроком на два (2) года, РОМАНОВУ А.И. сроком на шесть (6) лет без ссылки, КУЛИКОВУ Д.Г. сроком на пять (5) лет без ссылки, БОБРОВУ В.А. сроком на четыре (4) года без ссылки.

По совокупности совершенных преступлений на основании ст. 40 УК РСФСР окончательно назначить наказание СЕНИНУ Олегу Михайловичу – семь лет лишения свободы, со ссылкой сроком на два (2) года, КИРИКОВУ Валентину Ивановичу – шесть (6) лет лишения свободы со ссылкой сроком на два (2) года, РОМАНОВУ Александру Ивановичу – шесть (6) лет лишения свободы без ссылки, КУЛИКОВУ Дмитрию Георгиевичу – пять (5) лет лишения свободы без ссылки, БОБРОВУ Виктору Александровичу – четыре (4) года лишения свободы без ссылки.

Определить отбывание наказания осужденным Сенину О.М., Кирикову В.И., Романову А.И., Куликову Д.Г., Боброву В.А. и Фокееву М.Г. в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

В срок наказания зачесть время предварительного заключения Сенина О.М. с 8 августа 1969 года, Кирикова В.И. и Боброва В.А. с 28 августа 1969 года, Романова А.И. и Куликова Д.Г. с 29 августа 1969 года и Фокеева М.Г. – с 29 ноября 1969 года.

Меру пресечения осужденным до вступления приговора в законную силу оставить содержание под стражей.

Вещественные доказательства, находящиеся на хранении в следственном отделении УКГБ при Совете Министров СССР по Саратовской области – фотоаппарат «Мир» № 6059097 с объективом «Юпитер 8» № 6031892 с футляром, фотоаппарат «Зенит-Б» № 69026175 с объективом «Индустар-50» № 6928846 с футляром, фотопринадлежности и химреактивы, пишущая машинка «Ундервуд», пишущая машинка «Башкирия» и пишущая машинка «Олимпия-прогресс» № 544, на которых размножалась антисоветская литература – конфисковать в доход государства (т. 13 л. д. 28–35, 190).

Хранящиеся там же вещественные доказательства фибровый чемодан, картонная коробка и целлофановая бумага, в которых хранились у Фокеева антисоветские документы, фотокопии и фотонегативы, картонная папка и газета на грузинском языке, в которой хранилась статья о творчестве Евтушенко и Вознесенского, изъятое у свидетеля Кошаевой Л.П. письмо к съезду советских писателей от имени Солженицына, мешок серого цвета, в котором была завернута машинка «Ундервуд», три ленты для пишущих машинок, черная дерматиновая папка, в которой хранилась принадлежащая Романову А.И. антисоветская литература, газеты, в которые были заложены его же антисоветские документы, желтая картонная папка, в которой хранилась изъятая у свидетеля Фролова В.В. антисоветская литература – как неимеющие практической ценности – уничтожить.

Пишущую машинку марки «Науман-Эрика» № 205072 с футляром, принадлежащую свидетелю Фронтасевой М.В. – вернуть Фронтасевой М.В.

Остальные вещественные доказательства, приобщенные к делу и хранящиеся в томах 15–24, оставить при деле.

Возможные расходы по делу возложить в долевом порядке на осужденных.

Приговор может быть обжалован в Верховный Суд РСФСР через Саратовский областной суд в течение семи (7) суток с момента вручения копии приговора осужденным и с момента оглашения его остальным участникам процесса.

п/п Председательствующий В. ТЕПЛОВ
Народные заседатели: БАГАЕВА и ДРУШЛЯКОВ

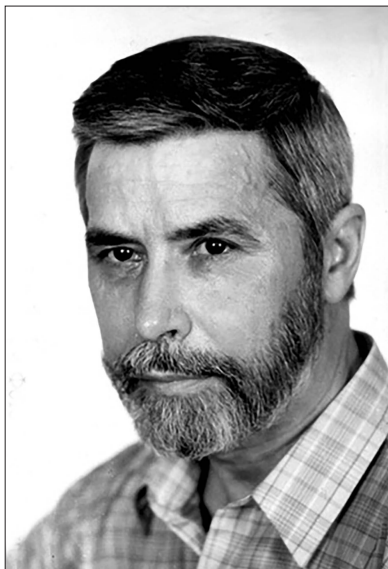
Верно:
Председательствующий – *В. Теплов*

Содержание

Воспоминания	3
Часть I.....	4
Часть II	21
Часть III	37
Часть IV	64
Часть V	79
Именной указатель	123
 <i>Приложение</i>	
Обвинительное заключение	135
Приговор	175

Слева направо: Михаил Фокеев, Дмитрий Куликов (сидят), Валентин Кириков, Александр Романов (стоят). Фото Валерия Кузьменко, 1992 г.

Виктор Бобров. Фото Сергея Ильина

Олег Сенин. 2014 г.

Романов Александр Иванович

Воспоминания

Макет и верстка *Алексея Голицына*

Подписано в печать 02.05.2017.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Cambria.
Бумага офсетная.

